

PG3470
.S83
E7

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

Суворин /

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА — 151

Ермак Тимофеевич, покоритель
Сибири /

ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ

РАЗСКАЗЪ

А. С. СУВОРИНА

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 сентября 1898 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

I.

Сибирь начинается за Уральскими горами. Еще лѣтъ за четыреста до Ермака, ѣзжали сюда новгородскіе купцы, переходили Уральскія горы и вымѣнивали у сибиряковъ мѣха—собольи, куньи, лисьи. Мѣха эти они продавали въ Россіи и отпускали въ чужеземныя царства. Торговля эта была имъ очень выгодна, но путь въ Сибирь былъ труденъ: отъ Новгорода надо было пройти больше трехъ тысячъ верстъ. Шли больше все водою, по рѣкамъ. Сибирь тогдашніе новгородцы называли Югорскою землею. Лѣтъ за сто до Ермака къ Сибири подходили и рати русскія. Говорятъ, будто рати эти и за Уралъ переходили, но Сибирь не завоевали, хотя великій князь Иванъ III Васильевичъ, при которомъ это было, прибавилъ къ своему титулу именованіе «государя югорскаго».

Когда царь Иванъ Грозный покорилъ царство Казанское, сибирскій князь Едигеръ

услышалъ про это и подумалъ: русскій царь—сильный царь; при случаѣ, пожалуй, и пригодится и помощь подать можетъ, коли другой какой князь вздумаетъ отнять у меня Сибирь. Подумавъ, Едигеръ черезъ посла сказалъ царю Ивану Грозному: «Возьми меня со всею моею землею подъ свою руку, только защити отъ всѣхъ моихъ непріятелей. А я тебѣ дань буду платить мѣхами, и за данью ты присылай своего человѣка». Царь согласился. Сталъ Едигеръ дань присылать по тысячѣ и больше собольихъ шкурокъ, но присылалъ не всегда исправно. По правдѣ сказать, и присылать дань не за что было. Еслибъ на Едигера кто напалъ, царь Иванъ Грозный не собрался бы помочь ему, потому что слишкомъ далеко было отъ Москвы до Сибири: когда-то наша рать пришла бы на подмогу, когда нужно было пройти тысячи три верстъ по мѣстамъ глухимъ, безъ жилья, гдѣ и съѣстныхъ запасовъ достать было трудно. Такъ оно и случилось скоро.

Пришелъ въ Сибирь изъ степи, изъ Кайсацкой орды, князекъ Кучумъ, разбилъ Едигерово войско, самого Едигера и брата его Бекбулата убилъ и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ. Царь Иванъ сталъ съ Кучумомъ дани требовать. Сперва было Кучумъ обещалъ дань платить; а послѣ, когда пріѣхалъ къ нему царскій посоль, Кучумъ убилъ

его. Съ этого времени о дани и думать было нечего.

Царство Кучумово было тамъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Природные жители Сибири были вогуличи и остяки—народцы совсѣмъ почти дикіе. Кланялись они идоламъ и жертву имъ приносили. А когда жертву приносили, то говорили идолу: мы вотъ даемъ тебѣ, боже, рыбу, оленей, а ты намъ дай за это вотъ то-то и то-то (называютъ, чего имъ нужно: иной просить, чтобъ звѣрей ему побольше убить, иной, чтобъ болѣзнь прошла). Ъли они мясо, коренья, кровь любили пить изъ животныхъ; ѣздили на собакахъ и оленяхъ. Кромѣ этихъ природныхъ жителей, были пришлые—татары, ногаи, кайсаки. Эти были вѣры Магометовой—Бога почитали и Магомета считали Его пророкомъ.

Иные изъ сибиряковъ жили осѣдло, другіе кочевали съ мѣста на мѣсто—какъ кому было сподручнѣе. Занимались они ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ сибирскихъ лѣсахъ, на степяхъ стада пасли, хлѣбъ сѣяли. Подать платили звѣриными шкурками. Всѣхъ звѣрей въ Сибири и теперь много, а тогда было еще больше. Въ рѣкахъ, кромѣ рыбы всякой, были бобры и выдра. Въ лѣсахъ было тѣмъ соболей, бѣлокъ, куницъ, лисицъ, горностаевъ. Всего въ Сибири было вдоволь—и земли хорошей, и луговъ, и

лѣсовъ всякихъ, и звѣря, и рыбы, и воздухъ былъ здоровый. Въ горахъ находили желѣзо, серебро, золото, мѣдь, свинець, самоцвѣтные камни. Однимъ словомъ сказать—въ Сибири было приволье человѣку. Только сѣверныя мѣста очень холодны, да тамъ и жилья почти не было.

Городовъ въ Сибири не было такихъ, какъ теперешніе наши города. Самый столичный городъ, Сибирь, былъ гораздо хуже иного нашего уѣзднаго городка. Да мало было въ Сибири и тогдашнихъ городовъ—все больше были села, да кочевья.

Сибирскіе татары часто переходили Уральскія горы и нападали на нашихъ переселенцевъ въ Великой Перміи (между Камою и Двиною *), грабили ихъ, скоть и добро отнимали.

Мѣста тѣ были заселены очень худо, а земли было вдоволь, потому московскіе князья и цари съ радостью давали тутъ землю всѣмъ, кто брался ее заселить и обработать. Даже отъ податей освобождали на нѣсколько лѣтъ и отъ расходовъ на проѣздъ царскихъ чиновниковъ. Льготы эти денежнымъ людямъ были на руку—и земли разбирались понемногу. Самые богатые поселенцы въ тѣхъ краяхъ были купцы Строгоновы. Разъ по-

*) Кама течетъ въ Волгу съ сѣвера, а Двина течетъ съ юга на сѣверъ и вливается въ Бѣлое море.

пался въ плѣнъ къ казанскимъ татарамъ великій московскій князь *) Василій, такъ Строгоновы почти одни выкупили его. Такіе они богачи были. Потомки этихъ Строгоновыхъ жили и при Иванѣ Грозномъ въ тѣхъ же мѣстахъ и соль тамъ варили. Земли было у нихъ много, и промыслъ они большой держали. Захотѣлось имъ еще увеличить свой промыслъ. Они попросили у царя, чтобъ онъ пожаловалъ имъ пустопорожнія земли по Камѣ и Чусовой рѣкамъ. Царь далъ имъ эти земли и льготы далъ на двадцать лѣтъ: подати никакой не платить, чиновниковъ не возить, своихъ поселенцевъ судить самимъ во всемъ. Взяли Строгоновы эту землю, нашли въ ней разсолъ, стали и тутъ соль варить, пашни пахать, лѣсъ рубить. А чтобъ поселенцамъ ихъ не было обиды отъ непріятелей какихъ, Строгоновы построили два городка, обнесли ихъ стѣнами, купили пушекъ, ружей, всякаго военнаго снаряда. Дѣла ихъ пошли хорошо. Стали они думать, какъ бы имъ и за Уралъ пробраться, въ Сибирь. Тутъ Кучумъ сталъ посылать своихъ татаръ грабить наши поселенія и провѣдать дорогу къ городкамъ, что Строгоновы поставили. Мехметкулъ, родственникъ Кучумовъ, пяти верстъ всего не

*) До Ивана Грознаго наши государи царями не назывались.

дошелъ до этихъ городковъ, и дорогой всѣхъ грабилъ: и русскихъ, и остяковъ. Строгоновы сейчасъ стали просить царя: Сибирскій салтанъ обижаетъ нашихъ поселенцевъ, и остяковъ, что къ тебѣ перешли отъ него, тоже обижаетъ, бьетъ, женъ и дѣтей ихъ въ полонъ уводитъ. А безъ твоего вѣдома мы не посмѣли послать своихъ наемныхъ казаковъ въ погоню за татарами. Позволь намъ впередъ татаръ нагонять и бить, и въ Сибири городки дѣлать и боевой снарядъ держать на свой счетъ, выработывать желѣзо, мѣдъ, олово, свинецъ, пашни пахать и угодьями владѣть. А льготы намъ дай на двадцать лѣтъ, какъ давали на прежнія земли». Царь и это имъ позволилъ. Тогда Строгоновы стали думать: откуда бы намъ людей взять, которые пошли бы воевать съ татарами? Въ то время по Волгѣ ходило много казаковъ, которые жили разбоемъ и никому спуску не давали: царское ли судно съ товарами шло, купеческое ли, нашей ли земли, чужой ли — все грабили. По Волгѣ плавать было опасно: иногда и конвой не помогаль, потому что казаки разбивали и конвой. Царь увидѣлъ, что съ казаками никакой управы нѣтъ, словъ и совѣтовъ не слушаютъ, въ одно ухо выпускаютъ, изъ другого выпускаютъ, и послалъ онъ войско противъ казаковъ — многихъ пе-

реловили и казнили, а многіе ушли. Изъ всѣхъ этихъ казацкихъ разбойничьихъ шаекъ самая большая была у Ермака.

II.

Ермакъ былъ средняго роста, борода черная, волосы кудрявые, глаза свѣтлые и быстрые. Ни сильнѣй, ни умнѣй, ни сановитѣй его не было въ цѣлой шайкѣ. Роду былъ онъ простого. Дѣдъ его былъ посадскій человекъ, жилъ въ городѣ Суздаль, и кое-какъ со дня на день перебивался. Звали его Аѳанасемъ Григорьевичемъ, по прозвищу Аленинымъ. Переѣхалъ этотъ Аѳанасій во Владиміръ, лошаденками обзавелся и сталъ извозничать. Случилось ему свести знакомство съ муромскими разбойниками—и сталъ онъ возить ихъ. Дѣло было прибыльное, да не долго возилъ онъ ихъ: вмѣстѣ съ ними въ тюрьму попалъ. А у него росли два сына, Родіонъ и Тимофей. Посидѣлъ Аѳанасій въ тюрьмѣ и бѣжалъ оттуда. Захватилъ своихъ дѣтей и жену и переѣхали жить въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго. Тутъ онъ умеръ. Дѣти остались совсѣмъ безъ хлѣба. Прослышали они, что на Чусовой рѣкѣ, въ вотчинахъ Строгонова можно хлѣбъ зарабатывать, переѣхали сюда, и назвались Повольскими. У Родіона родились—Дмитрій да Лука, у

Тимофея—Гаврила, Фроль и Василий. Василий былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Нанялся онъ на барки и ходилъ по Волгѣ и Камѣ. Работа эта наскучила ему. Затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ донскимъ казакамъ. Тѣ были люди вольные—и царю служили, на татаръ въ Крымъ ходили, а то и царя не слушались: дѣлали что хотѣли. Называться сталъ онъ не Васильемъ, а Ермакомъ. Такъ его товарищи прозвали, когда онъ еще на баркахъ ходилъ. Какъ артельный таганъ называли ЕРМАКОМЪ, такъ и Василья Ермакомъ прозвали, потому что былъ онъ кашеваромъ. Такъ онъ на всю жизнь Ермакомъ и остался.

За удалъ выбрали Ермака старшиной Качалинской станицы, и велѣли ему охранять рубежь отъ Астрахани до Дона; но Ермакъ охранять не долго: онъ набралъ себѣ молодцовъ на подборъ изъ казаковъ, ушелъ съ ними на Волгу и сталъ разбойничать. Кто не ѣхалъ по Волгѣ—никому спуска не было: государеву ли казну везли, купцы ли свои товары, послы ли чужеземные ѣхали къ царю, либо отъ царя,—Ермакъ суда останавливалъ и выбиралъ изъ нихъ все добро. Съ Волги поѣхалъ онъ на море Каспійское, напалъ на персидскихъ и бухарскихъ пословъ и ограбилъ ихъ. Царь услышалъ про разбой Ермака и присудилъ къ смертной казни его и его четырехъ атамановъ. При-

судить-то было легко, но казнить было трудно. У Ермака въ шайкѣ было больше пятисотъ человекъ; онъ увернулся отъ царскаго войска и ушелъ вверхъ по Волгѣ. Задумалъ онъ изъ Волги пройти въ Каму, на родимую свою сторону, а съ Камы въ Сибирь ѣхать. Про Сибирь онъ много слыхалъ, захотѣлось ему самому поглядѣть на нее и побиться съ татарами. «А будетъ мнѣ удача въ Сибири, думалъ Ермакъ, пожалуй и завоюю ее. Тогда и у царя заслужу, и у добрыхъ людей».

Приплылъ онъ къ одному городку, который Строгоновы поставили. Строгоновы обрадовались казакамъ, стали дарить и поить ихъ. «Мы, говорили они, все для васъ сдѣлаемъ, только не давайте нашихъ городковъ и поселенцевъ въ обиду. А то совсѣмъ разоряютъ насъ татары да вогуличи. Вотъ остяки народъ смирный, обходительный, съ тѣми жить можно».

Казаки подумали, подумали и остались у Строгоновыхъ. Но Ермаку не хотѣлось навсегда оставаться у нихъ. Онъ сталъ разспрашивать про Сибирь, про дорогу туда, про татаръ, которые нападали на Строгоновыхъ. «Если татары приходятъ сюда изъ Сибири, стало быть и намъ можно туда пробраться, думалъ Ермакъ. Вотъ только оружія у насъ нѣтъ хорошаго». Сталъ онъ говорить объ этомъ Строгоновымъ, а они и рады были, го-

ворять ему: «У насъ ужъ и царская грамота есть на Сибирскія земли».

— Что грамота, говоритъ Ермакъ. Надо достать сперва Сибирь—вѣдь она земля не царская. Я, пожалуй, тебѣ на цѣлый свѣтъ грамоту дамъ—поди-ка возьми его.

Строгоновы дали ему оружіе, припасовъ съѣстныхъ, лодки. Ермакъ все обѣщаль воротить имъ, если дѣло кончится благополучно. Взялъ Ермакъ себѣ толмачей, которые татарскій языкъ знали, распросилъ про дорогу, отстоялъ молебень, иконъ взялъ съ собой, трехъ поповъ, да бѣглаго монаха и пошелъ въ Сибирь. Вышелъ онъ 1-го сентября 1581 года. Атаманами у него были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ.

Въ тотъ самый день, когда Ермакъ ушелъ, на Строгоновскія поселенія напали вогуличи. Пожгли деревеньки, соляныя варницы, хлѣбъ всякій, а крестьянъ съ женами и дѣтьми въ полонъ забрали. Строгоновы жалуются царю на вогуличей: «Пришли, говорятъ, намъ ратныхъ людей, а то приходимъ мы въ конечное разореніе отъ неприятелей». Царь послалъ. А одинъ воевода, сердившійся за что-то на Строгоновыхъ, и отпиши царю: «Строгоновы, говоритъ, воровъ казаковъ у себя держатъ. Въ тотъ день, какъ вогуличи напали на ихъ поселенія, казаки эти въ Сибирь ушли».

Царь разсердился и пишетъ къ Строгоновымъ: «Какъ смѣли вы держать у себя воровъ казаковъ. Казаки намъ кромѣ худа ничего не дѣлали. А ужъ если вы призвали ихъ къ себѣ, такъ пускай бы они у васъ и жили, непріятелей отбивали. А теперь, они пошли въ Сибирь, только опять все дѣло испортятъ, съ царемъ Сибирскимъ поссорятъ меня, да отобьютъ отъ меня тѣхъ остяковъ, что мнѣ дань платили. Приказываю вамъ сейчасъ вернуть Ермака. Пускай въ Перми живетъ и отбиваетъ непріятелей, коли хочетъ мою милость заслужить».

Поздно вздумалъ царь ворочать казаковъ. Ермака и слѣдъ простылъ.

III.

Народная пѣсня вотъ какъ говорить о сборѣ Ермака къ походу въ Сибирь:

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, да на Камышенкѣ
 Казаки живутъ, братцы, люди вольные:
 Все донскіе, гребенскіе со яицкими.
 У казаковъ былъ, братцы, атаманушка,
 Ермакомъ звали, Тимофеичемъ.
 Не злата труба, братцы, вострубила,
 Не звонка ли, громка ли рѣчь возговорила—
 То возговорилъ, братцы, Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Ужъ вы думайте, казаки братцы, попридумайте,

Какъ проходить у насъ лѣто теплое,
 Настаетъ, братцы, зима холодная.
 Еще гдѣ намъ, братцы, зимовать будетъ?
 Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть.
 На Яикъ идти—переходъ великъ,
 На Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
 Грозенъ царь стоитъ, братцы, немилостивый.
 Онъ послалъ на насъ рать великую,
 Рать великую въ сорокъ тысячей.
 Такъ пойдемте же, да возьмемъ Сибирь».

Походъ свой началъ Ермакъ по рѣчкѣ
 Чусовой, потомъ перешелъ въ рѣку Сере-
 брянку, которая впала въ Чусовую. А Чу-
 совая рѣка быстра, камениста, и казаки
 плыли противъ воды, а потому грестъ бы-
 ло трудно. Устали они, и видятъ на берегу
 камень—сажень въ 20 вышины, да въ 30
 ширины. А въ камнѣ дыра въ ростъ чело-
 вѣка. Казаки пошли къ камню, посмотрѣли
 въ дыру, а тамъ большая пещера. Они во-
 шли въ нее и отдохнули тутъ. Говорятъ,
 будто они въ этой пещерѣ зазимовали.

Въ пѣснѣ тоже такъ поется:

И нашли они пещеру каменну
 На той на Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ ка-
 меню;

И зашли они сверхъ того каменю,
 Опускались въ ту пещеру казаки,
 Много не мало двѣсти человѣкъ;

А которые остались люди похужѣ,
 На другой сторонѣ въ такую-жъ пещеру убирались.
 И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Камень этотъ о сю пору называется Ер-
 маковымъ камнемъ.

Дальше видятъ они высокія, скалистыя
 горы—внизу лѣсъ, кедры, а верхушки подъ
 самыя облака ушли. Это были Уральскія го-
 ры. Когда вышли они въ Серебрянку рѣку,
 то поплыли между горами. Въ иномъ мѣстѣ
 рѣчка сѣуживалась, нависали надъ нею ска-
 лы, лѣсъ нависалъ, а вода въ рѣкѣ была
 такая чистая, какъ серебро. Этой рѣкой
 шли они два дня, и остановились. Плыть
 было трудно, потому что рѣка была мелка
 и вода лодокъ не подымала. Ермакъ однако
 ухитрился. Велѣлъ онъ съ лодокъ паруса
 поснимать и растянуть ихъ поперекъ рѣки—
 вода подымалась и судно проходило. Съ рѣ-
 ки Серебрянки начинался такъ называе-
 мый Сибирскій путь. Ермакъ сталъ го-
 ворить своимъ: «Мы мало людей встрѣча-
 ли до сихъ поръ и вреда они намъ ника-
 кого не дѣлали—все больше только глазѣли
 на насъ. А дальше что будетъ—Богъ вѣсть.
 Пожалуй еще погонять насъ назадъ, и намъ
 укрыться будетъ негдѣ. Давайте-ка построимъ
 тутъ городокъ». Построили они тутъ зем-
 ляной городокъ (крѣпостцу земляную), вы-
 тащили свои лодки изъ воды и поволокли

ихъ до рѣки Жаровли. Тутъ опять пусти-
ли лодки на воду, и пошли Жаровлю и Тя-
гилемъ до рѣки Туры. Съ этой рѣчки на-
чиналось Сибирское царство.

— Ну, теперь держать ухо востро, гово-
рить Ермакъ казакамъ. Стало люднѣе. Преж-
де все кочевой народъ мы встрѣчали—имъ
что: нынче здѣсь, завтра тамъ, стоитъ ста-
до перегнать съ одного мѣста на другое, да
становище перенести. А тутъ пошелъ на-
родъ землепашецъ, станеть за землю свою
стоять.

Жили по этой рѣкѣ вогулы, остяки и та-
тары и начальникомъ у нихъ былъ князь
Епанча, подданный царя Кучума. Когда уви-
далъ онъ казаковъ на рѣкѣ, собралъ сво-
ихъ людей, пришелъ на берегъ и сталъ стрѣ-
лять стрѣлами. Казаки зарядили свои ружья,
да какъ выстрѣлятъ разомъ, такъ и пова-
лились Епанчевы татары, кто со страху,
кто раненъ былъ, кто убитъ. Въ первый
разъ отъ роду слышали они, какъ изъ ру-
жей стрѣляютъ, и думали сперва, что это
громъ. Потомъ, когда опомнились, вскочили
и бросились бѣжать.

Ермакъ велѣлъ причаливать къ берегу.
Причалили казаки къ берегу, вышли изъ ло-
докъ и погнались за татарами. Многихъ пе-
ребили, разорили городокъ Епанчинъ (теперь
Туринскъ) и нѣсколько татарскихъ дереве-
некъ (улусовъ). Послѣ дальше пошли—гдѣ

встрѣтятъ татаръ, сейчасъ въ нихъ стрѣляютъ, а татары съ своими луками ничего противъ казаковъ не могутъ сдѣлать.

Вошли казаки въ рѣку Тавду и поймали тутъ нѣсколько татаръ. Одинъ татаринъ былъ получше одѣтъ. Ермакъ спросилъ его: кто онъ и откуда?

— Я Таузакъ, состою при Кучумѣ царѣ, отвѣчалъ татаринъ.

— Расскажи мнѣ все, что знаешь про Кучума царя, и я тебя не трону и отпущу. А если не скажешь правды, велю тебя убить. Вонъ, погляди, какіе снаряды у насъ.

Тутъ Ермакъ велѣлъ казакамъ поставить желѣзную кольчугу и стрѣлять въ нее. Пули такъ насквозь ее и пронизывали. Татаринъ испугался и рассказалъ все, что знаетъ.

— Кучумъ живетъ въ городѣ Сибири, а городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучумъ теперь слѣгъ, однако, все еще онъ сильный царь и всѣхъ въ страхъ держитъ; подъ его начальствомъ много князьковъ, и всѣ ему дань платятъ. Есть у него и храбрые воины, особливо родственникъ его Махметкуль. Это такой богатырь, какого другого, всю нашу землю пройти, не сыщешь. Кучума царя многіе не любятъ и не любятъ вотъ за что: народъ тутъ все больше язычникъ, а Кучумъ сталъ насильно вводить Магометову вѣру. Войско у него есть и вся-

кихъ снарядовъ военныхъ много, а только нѣтъ у него такихъ луковъ, какъ ваши. А были бы у него такіе луки, онъ бы всѣ земли покорилъ. Сибирь-городъ съ бухарцами торгуетъ—пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами и берутъ у насъ мѣха. А идти къ Сибири вамъ теперь Тавдою рѣкою, а Тавда въ Тоболѣ вошла, стало быть пойдете вы послѣ Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ—тутъ скоро и Сибирь будетъ.

Разузналъ все это Ермакъ и говорить татарину: «Ну, ступай теперь къ Кучуму и скажи ему, что я скоро въ гости въ нему буду».

Таузакъ пришелъ къ Кучуму и говорить ему: «Пришла напасть на царство твое—ѣдутъ къ намъ русскіе. Это люди сильные, крѣпкіе, и луки у нихъ страшные. Когда они изъ луковъ стрѣляютъ, то огонь изъ нихъ и дымъ большой выходитъ, и гремятъ они, словно громъ на небеси. А стрѣль, что изъ луковъ ихъ выходятъ, не видать, а только уязвляютъ онѣ до смерти и защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями невозможно—даже кольчуги желѣзныя навывлетъ пробиваются». Слушаетъ Кучумъ и скорбитъ. Ему ужъ давно говорили про небесныя знаменія. Одни сказывали, что видѣли на воздухѣ городъ съ христіанскими церквами и что вода въ Иртышѣ кровавою казалась.

Другіе сказывали, что приходитъ отъ Иртыша волкъ бѣлый, а отъ Тобола черная собака и грызутся между собою. Шаманы (волхвы) сибирскіе говорили: «Волкъ бѣлый—ратъ Кучумова, а собака черная—русскіе. Быть войнѣ!» Они ходили по улицамъ и кричали: «Погибнетъ царство сибирское отъ русскихъ».

Кучумъ сталъ высылать противъ казаковъ отряды. На Тоболѣ-рѣкѣ, въ узкомъ мѣстѣ, велѣлъ протянуть черезъ рѣку желѣзныя цѣпи, цѣпями этими остановить лодки Ермака и напасть на него. Такъ и сдѣлали. Цѣпи не пустили Ермака дальше, и онъ три дня бился съ татарами, и никакъ ихъ не могъ одолѣть. Тогда онъ поднялся на хитрости. Велѣлъ навязать пучковъ изъ хвороста и одѣть эти пучки въ залишнее казацкое платье, и разставить ихъ въ лодкахъ. А самъ вышелъ на берегъ съ казаками и ударилъ на татаръ. Тѣ стали было драться опять, да увидѣли, что въ лодкахъ еще казаковъ много (они не разглядѣли, что это чучелы) и бросились бѣжать. Ермакъ тогда поплылъ дальше.

Видитъ Кучумъ, одолѣваетъ его Ермакъ, и разослалъ гонцовъ во все царство, чтобъ всѣ шли на войну. Собралось у него войско. Велѣлъ онъ родственнику своему Махметкулу идти съ конницей на русскихъ, а себѣ велѣлъ сдѣлать засѣку воелѣ Иртыша,

подъ горою Чувашью. Засѣку сдѣлали, не-
подалеку отъ города Сибири — валъ земля-
ной насыпали, камнями его укрѣпили. Мах-
меткуль пошелъ противъ Ермака, а Кучумъ
остался въ Сибири, и думаетъ: «Если не
справится Махметкуль съ русскими, тогда
я самъ выйду изъ Сибири, засяду въ за-
сѣку и не пущу ихъ въ городъ, и всѣхъ
перебью».

Махметкуль дошелъ до одного урочища;
называлось оно Бабасанъ и было между
Тавдою и Иртышемъ; тутъ увидалъ онъ ка-
заковъ на берегу. Велѣлъ онъ своей рати
скакать на казаковъ. Татары поскакали на
нихъ, стрѣлъ пустили въ нихъ цѣлую ту-
чу, копыя бросали. Казаки увидѣли множе-
ство непріятелей и сперва было смѣшались;
но Ермакъ бросился впередъ и ободрилъ
ихъ. Стали казаки стрѣлять по татарамъ и
многихъ изъ нихъ повалили. Сначала та-
тары испугались выстрѣловъ, но потомъ
оправились и начали биться съ казаками.
Долго они бились — досталось и казакамъ.
Видитъ Ермакъ, что татаръ не перебьешь
всѣхъ, сказалъ своимъ казакамъ: «Видно не
дождатся намъ, пока побѣгутъ отъ насъ
татары, а пороху мы и такъ много истра-
тили. Давайте садиться въ лодки и поплы-
вемъ — ничего они намъ не сдѣлаютъ». Сѣли
казаки въ лодки и поплыли, а берега рѣки
крутые-прекрутые. Татары идутъ по берегу

и все стрѣляютъ съ кручи въ казаковъ. Такъ и обдаетъ ихъ стрѣлами, словно дождемъ. Однако, вреда большого не сдѣлали татары казакамъ и бросили ихъ. А Ермакъ проплылъ немного по Тоболу-рѣкѣ и увидалъ, что на берегу стоитъ татарскій городокъ. Онъ вышелъ съ своими на берегъ и бросился на городокъ. Начальникъ этого городка, Карача, вывелъ своихъ татаръ противъ Ермака и стали они драться. Ермакъ разбилъ татаръ и ихъ городокъ, взялъ тутъ золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ, меду много—все это перенесъ на лодки и поплылъ далѣе по Тоболу.

Возлѣ самаго устья, гдѣ Тоболь въ Иртышъ впалъ, Ермакъ увидѣлъ опять множество татаръ пѣшихъ и конныхъ. «Какая ихъ пропасть, думаетъ Ермакъ. Хорошо бы уплыть отъ нихъ безъ боя, а то зарядовъ жалъ — понадобятся еще пуще этого. Отъ пѣшихъ-то еще можно бы уплыть, а вотъ отъ конныхъ-то какъ уплывешь? Развѣ попробовать». Поплыли было казаки, дружно веслами заработали, а на нихъ такъ и сыпятся сверху съ крутыхъ береговъ стрѣлы, звенятъ по ихъ кольчугамъ, впиваются въ дерево, а иная и поранить казака. Выйдутъ казаки изъ терпѣнія, надоѣдаютъ имъ эти стрѣлы, пускаютъ они вверхъ нѣсколько выстрѣловъ. Татары отступаютъ на минуту, потомъ опять стрѣляютъ. Минуты не прохо-

дить, чтобъ десятокъ стрѣлъ не прожужжалъ мимо ушей. Ермакъ видитъ, что надо отбивать татаръ, а то не пройти такъ подъ ихъ стрѣлами. Велѣлъ онъ причаливать. Вышли казаки на берегъ и бросились на татаръ. Началась жестокая битва. Татары убили нѣсколько казаковъ, а переранили ихъ своими стрѣлами и пиками всѣхъ до одного. Храбро бились татары, крѣпко стояли они за свою родную землю, однако, казаки пересилили ихъ, и татары пофѣжали. Ермакъ велѣлъ казакамъ опять садиться въ лодки и плыть вверхъ по Иртышу.

IV.

Въ этотъ же день, къ вечеру, казаки подплыли ближе къ Чувашьей горѣ. Кучумъ, провѣдавъ, что вездѣ разбиваютъ казаки его войска, самъ вышелъ съ большою ратью изъ столицы своей, и сталъ на горѣ Чувашьей. А Махметкуль засѣлъ въ укрѣпленіи подъ горой и всѣ ждали казаковъ.

Солнышко было ужъ низко—казаки тихо подвигались противъ воды по быстрому Иртышу. Ермакъ сталъ думать, что ночью не годится плыть, что навѣрно гдѣ нибудь засѣли татары: столица была близко, стало быть не пропустятъ же они ихъ безъ боя. Да и устали казаки—отдохнуть бы не мѣ-

пало. Замѣтивъ недалекъ городокъ Атикъ-Мурзы, Ермакъ взялъ его ужъ почти ночью и засѣлъ тамъ съ своими казаками. Только что стали было они на покой собираться, какъ вдругъ замѣтили татаръ подъ Чувашьей горой. Нѣсколько тысячъ собрали тутъ Кучумъ. На казаковъ напалъ страхъ. Заговорили они, зашумѣли. «Сбирайтесь въ кругъ! Сбирайтесь въ кругъ!» закричали они. Собрались въ кругъ и начали совѣтъ держать: «Назадъ ли идти, или впередъ?»

— Надо, братья, убираться отсюда по добру по-здорову, заговорили нѣкоторые. Татаръ видимо-невидимо—они одолбютъ насъ, какъ мухъ перебьютъ.

— Извѣстно, отходить надо, слышались еще голоса. Что тутъ думать еще долго. Чего намъ на вѣрную смерть лѣзть? Тутъ и гадать нечего—о двухъ головахъ пропадешь. Только свою шкуру загубишь, а чужой не добудешь. Да и чего намъ еще? Поработали—и будетъ. Добра у насъ вдоволь, а жадность Богъ наказываетъ. Пожалуй за крохой погонишься, да и ломоть потеряешь.

— Полноте, братцы, что вы затѣваете недоброе? заговорили тѣ, что посмѣлѣй были. Авось Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

— Говорите — одному придется противъ двадцати стоять. Насъ всѣхъ-то пятисотъ не будетъ, а тамъ тысячи...

— Экая невидаль, что противъ двадцати

драться придется. Развѣ прежде не дирались?

— Дирались, да прежде татары ружей нашихъ боялись, а теперъ они привыкли къ нимъ.

— Богъ поможетъ. Къ удалому вѣдь и Богъ пристааетъ...

— Да нѣтъ, братцы, что тутъ слушать? Давайте въ лодки садиться, да назадъ. Пускай, кто хочетъ остается...

— Съ Богомъ. Въ лодки, ребята! Собираются въ лодки! зашумѣли казаки.

Видитъ Ермакъ — дѣло плохо: люди его совсѣмъ струсили и не шутя хотятъ убираться домой. Онъ вошелъ въ кругъ и сталъ уговаривать ихъ и усовѣщевать. Къ нему пристали тѣ, что были посмѣлѣе. «Куда намъ бѣжать, говорилъ Ермакъ. Пришли мы сюда водою, а отсюда какъ пойдѣмъ? Ужъ вода мерзнетъ. И какая про насъ слава пойдѣтъ? Скажутъ: ходили только разбойничать; разбойники были, разбойники и есть. Нѣтъ, братцы, постоимъ до конца — тогда и при жизни добромъ насъ помянутъ, и по смерти нашей слава о насъ не оскудѣетъ и вѣчна будетъ».

— Быть такъ, сказали казаки. Оставаться такъ оставаться. До смерти стоять будемъ, а тамъ — что Богъ дастъ.

Солнце только что начало всходить, а Ермакъ былъ уже на ногахъ. Это было 23-го

октября, на пятьдесятъ третій день похода казаковъ. Ермакъ сталъ торопить дружину своею къ битвѣ. Когда всѣ собрались, онъ сказалъ имъ:

— Помолимся Богу, чтобъ сохранилъ Онъ насъ отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ.

Сотворили казаки молитву и вышли изъ городка. Одни говорили: «Господи, помоги намъ!» другіе — «съ нами Богъ!» и смѣло пошли къ засѣлкѣ. Стрѣлы такъ и осыпали ихъ градомъ. Начался бой. И съ той, и съ другой стороны падаютъ убитые и раненые. Казаки все подходятъ ближе, а людей у нихъ валится все больше. Видятъ это татары и думаютъ: «одолѣемъ ихъ», пробили сами въ трехъ мѣстахъ засѣлку свою и бросились на казаковъ. Казаки схватились съ ними въ рукопашную, и съча началась страшная. Бились долго, наконецъ казаки ранили Махметкула. Татары подхватили его и увезли за Иртышъ. Отъ этого сдѣлалось смятеніе у татаръ, а казаки подвинулись впередъ.

А царь Кучумъ стоитъ на горѣ и ждетъ, чѣмъ кончится бой. Когда сказали ему: «уступаютъ наши», онъ велѣлъ своимъ мулламъ (священникамъ) творить молитву, просить Бога о помощи!

Муллы творятъ молитву, призываютъ на помощь Бога, а казаки все впередъ подви-

гаются, все смѣлѣе и смѣлѣе. Видятъ остижки, что дѣло плохо, не сломить казаковъ, и побѣжали. Вслѣдъ за ними побѣжали и татары. «Наши бѣгутъ!» говорятъ Кучуму тѣ, что возлѣ него стояли. «Горе, горе мнѣ!» кричитъ Кучумъ. «Горсть казаковъ тысячи моихъ воиновъ побѣдила», и самъ побѣжалъ въ страхъ.

Устали казаки отъ этого боя и не гнались ужъ за татарами, а пошли въ свой городокъ, сторожей поставили и крѣпко уснули. На утро посчитали товарищей—107 человекъ убито въ бою. Погоревавъ, пошли они къ городу Сибири и черезъ три дня были у него. Городъ небольшой—съ одной стороны крутой берегъ Иртыша, а съ другихъ сторонъ тройной валъ и ровъ. Дома изъ дерева и изъ нежженаго кирпичу. Подошли казаки и слушаютъ: ничего не слышать, словно всѣ въ городѣ вымерли. Ермакъ думаетъ: «Навѣрно, проклятые, засаду сдѣлали и притаились. Нужно все напередъ высмотрѣть, а то попадешься, какъ куръ во щи». Послалъ онъ нѣсколько казаковъ все выглядѣть вокругъ города. Казаки все выглядѣли, пришли назадъ и говорятъ: «Ни души нѣтъ нигдѣ».

— Ну, вѣрно бросили татары городъ, говоритъ Ермакъ.—Пойдемте съ Богомъ. Вошли казаки въ городъ. Онъ, точно, былъ нусть. Кучумъ прѣвжалъ сюда послѣ сра-

женія, захватилъ кое-что на скорую руку изъ своего добра и убѣжалъ въ степь.

Казачи нашли въ Сибири много серебра, золота, камней самоцвѣтныхъ, кунныхъ, собольихъ и лисьихъ мѣховъ—и все это поровну раздѣлили между собой.

V.

Три дня жилъ Ермакъ въ Сибири—никто къ нему не приходилъ, а запасы всѣ вышли; казаки начали говорить: «Пропадемъ мы тутъ совсѣмъ. И хлѣба нѣтъ и пуля мало осталось». Но вотъ на четвертый день приходитъ къ нему остяцкій князь съ своимъ народомъ, приноситъ много мѣховъ и рыбы, и говоритъ: «Я былъ въ бою подъ Чувашьей горой и увидѣлъ, что тебя побѣдить нельзя. Сказалъ я объ этомъ своему народу—и вотъ мы пришли къ тебѣ съ подарками. Будь нашимъ заступникомъ». Казаки обрадовались; Ермакъ ласково обошелся съ княземъ и сказалъ: «Ступайте, живите на прежнихъ мѣстахъ—никто васъ не тронетъ». Остяки ушли. За остяками стали приходиться съ Иртыша и Тобола татары съ женами и дѣтьми. Они было разбѣжались, испугавшись казаковъ, а теперь опять пришли просить у Ермака защиты. За татарами вогуличи пришли. Всѣхъ Ермакъ обла-

скаль, успокоилъ. «Живите только смирно, говорилъ онъ имъ, а я ни своимъ людямъ, ни Кучумовымъ не дамъ васъ трогать». Ермакъ никогда не позволялъ казакамъ своевольничать и крѣпко ихъ наказывалъ. Еще на походѣ въ Сибирь, двадцать казаковъ собрались было убѣжать въ Россію. Ермакъ узналъ про это, велѣлъ посадить ихъ въ мѣшки, да накласть въ мѣшки камней и песку, и опустить въ воду. Такъ эти казаки и утонули въ мѣшкахъ. За меньшія преступленія въ платьѣ виновнымъ накладывали песку и становили въ воду на нѣсколько часовъ.

Сибиряки были довольны Ермакомъ, хвалили его, что онъ малую дань съ нихъ положилъ, и все пошло тихо и смирно. Только разъ, въ началѣ декабря, пошло двадцать казаковъ рыбу ловить въ одно озеро. Половили и легли соснуть въ куреняхъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, нагрянулъ на нихъ Махметкулъ и всѣхъ до одного перебилъ. Когда узналъ объ этомъ Ермакъ, сильно разсердился. «Сейчасъ, говоритъ онъ казакамъ, — собирайтесь въ походъ — не хочу я этого дѣла такъ оставить. Отмщу я имъ знатно». И точно догналъ онъ татаръ, до ночи бился съ ними и разбилъ. Татары убѣжали.

Вся зима прошла тихо. Казаки на охоту ходили—звѣрей били: бѣлокъ, куницъ, ли-

сиць, соболей. Весна пришла, рѣки разлились. Въ это время пришелъ къ Ермаку одинъ татаринъ и говорить: «Царевичъ Махметкуль стоитъ на рѣкѣ Вагай, верстъ за сто отсюда». Ермакъ тотчасъ же снарядилъ казаковъ и послалъ ихъ на Вагай рѣку. Казаки подошли къ стану Махметкула ночью, когда многіе ужъ спали, и стали бить татаръ, окружили шатеръ Махметкула со всѣхъ сторонъ, взяли его живьемъ и къ Ермаку въ Сибирь привели. Ермакъ обрадовался, говорилъ ласковыя рѣчи царевичу, утѣшалъ его и сталъ отпускать ему самый лучший кормъ, а своимъ приказалъ, чтобъ никто не смѣлъ обижать царевича. Царь Кучумъ стоялъ въ это время на рѣкѣ Ишимѣ, которая въ Иртышъ течетъ и отъ города Сибири вдвое дальше, чѣмъ Вагай. Услыхавъ про плѣнъ Махметкула, Кучумъ горько заплакалъ и сказалъ: «Теперь я совсѣмъ пропасть». А тутъ къ этой бѣдѣ еще двѣ прибавились. Пришли и сказали Кучуму: «Ты убилъ князя Бекбулата, сынъ его убѣжалъ тогда съ матерью. Теперь этотъ Бекбулатовъ сынъ, князь Сейдякъ, идетъ на тебя войною — хочетъ отмстить тебѣ за смерть отца своего». Послѣ этого Карача, думный его и пріятель, покинулъ его съ своими людьми. Кучумъ заплакалъ опять и сказалъ: «Кого Богъ не милуетъ, тому и честь

на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ».

Узнавъ Ермакъ, что Кучуму плохо, оставилъ въ г. Сибири часть казаковъ, а съ другими опять пошелъ воевать татаръ, остяковъ и вогуличей, по Иртышу и Оби. Тутъ онъ взялъ татарскую крѣпость, многихъ повѣсилъ непокорныхъ, а другимъ велѣлъ цѣловать, въ знакъ вѣрности, свою саблю, которая вся была въ крови. Взялъ потомъ онъ еще нѣсколько волостей и подошелъ къ остяцкому городу. Въ этомъ городкѣ правилъ князь Демьянъ, и воиновъ у него было двѣ тысячи. Ермакъ сталъ осаждать крѣпостцу, но Демьянъ держался крѣпко, и казаки стали говорить Ермаку: «Бросимъ его, не возьмешь». Тогда одинъ чувашъ, бывший у Ермака провожатымъ, сказалъ ему: «Остяки оттого твердо держатся, что идолъ у нихъ есть золотой. Стоитъ этотъ идолъ на блюдѣ съ водою, остяки молятся ему, пьютъ воду изъ-подъ идола и отъ воды той храбрѣй дѣлаются. А идолъ этотъ будто изъ Кіева достался остякамъ, когда князь Владиміръ крещеніе принялъ. Отпусти меня къ нимъ. Я украду этого идола и принесу къ тебѣ». Ермакъ отпустилъ его. На другой день чувашъ приходитъ и говоритъ: «Остяки въ большомъ страхѣ. Поставили они идола на столъ, а вокругъ него въ чашкахъ зажгли сѣру и жиръ. Сами стали во-»

кругъ стола и все молятся и колдуютъ: сдаться ли казакамъ, или еще стоять. Къ ночи они стали говорить, что сдадутся». Услыхали это казаки и повеселѣли. Ермакъ повелъ ихъ на приступъ и взять городъ. А идола долго искалъ, не нашель. Дальше Ермакъ покорилъ еще нѣсколько остяцкихъ князьковъ и шелъ Обью до тѣхъ поръ, когда увидѣлъ, что дальше идти нечего. Начинались болота и голая степь, совсѣмъ пустая. Тутъ Ермакъ повернулъ назадъ. Онъ и радовался, что много покорить успѣлъ, и жаль ему было людей убитыхъ, особливо храбраго атамана своего Никиту Пана.

Воротившись въ Сибирь, Ермакъ увидѣлъ, что нужна ему подмога, потому что людей у него осталось мало. Пришелъ онъ въ Сибирь съ восьмьюстами, а теперь развѣ только триста могъ насчитать. Надо было послать вѣсть о себѣ. Онъ и послалъ гонца къ Строгоновымъ. «Царя Кучума Ермакъ одолѣлъ. Махметкула въ плѣнъ взялъ, и городъ столичный взялъ и много другихъ городковъ». И къ царю Ивану Грозному съ такой же вѣстью послалъ храбраго своего атамана Ивана Кольцо. Кольцо поѣхалъ смѣло, хоть и зналъ, что царь велѣлъ его непременно изловить и казнить за разбой на Волгѣ.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву. Царь велѣлъ его сейчасъ привести къ себѣ. Кольцо упалъ къ царю въ ноги и сказалъ: «Не

вели казнить, вели рѣчь держать». Царь отвѣчалъ: «Говори, съ чѣмъ пріѣхалъ?» Кольцо сказалъ: «Кланяется тебѣ Ермакъ царствомъ Сибирскимъ и царевичемъ Махметкуломъ и прислалъ тебѣ гостинець: 60 сороковъ соборей, 20 черныхъ лисиць и 50 бобровъ». Всталъ Кольцо и подалъ Ермакову грамоту о покореніи Сибири. Царь говоритъ: «Бояре, читайте грамоту». Бояре стали ее читать. Царь прослушалъ ее и очень обрадовался, велѣлъ молебень служить, звонить во всѣ московскіе колокола, нищимъ подалъ богатую милостыню. Вся Москва заравалась: «Богъ новое царство послалъ», и всѣ только объ Ермакѣ и говорили.

Царь Иванъ Грозный разспрашивалъ атамана Кольцо, какъ они завладѣли Сибирью, хвалилъ казаковъ, наградилъ ихъ деньгами, сукнами, камками, а Ермаку послалъ дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе панцыря и величалъ его княземъ Сибирскимъ. На подмогу къ казакамъ царь отправилъ двухъ воеводъ — князя Семена Болховского и Ивана Глухова, съ тремя стами ратниковъ.

Болховской и Иванъ Кольцо пріѣхали въ Сибирь и объявили милости царскія: «Царь забываетъ, говорилъ Кольцо, — всѣ наши прежнія вины, жалуетъ насъ деньгами и подарками», и сейчасъ роздалъ царскіе по-

дарки. Казаки стали рассказывать Ивану Кольцо, какъ они воевали безъ него, въ продолженіе 1582 и 1583 годовъ, какъ усмиряли татаръ, какіе новые улусы покорили. «Мы, говорили казаки, — ходили безъ тебя съ Ермакомъ Тимофеевичемъ на Тавду рѣку и на Пелымъ, вогуличей воевали, и столько ихъ побили, что страсть. Шамана тамъ ихняго видѣли. Онъ при насъ ножемъ себѣ живогъ разрѣзалъ, потомъ при насъ же залечилъ. Хлѣба привезли съ собой, добычи всякой. Теперь все тамъ покорено». Ермакъ пиръ задалъ на радостяхъ — пили и ѣли досыта, и никто ни о какомъ горѣ не думалъ. А горе было за плечами.

Болховской мало привезъ съ собой запасовъ въ Сибирь — думалъ, что у казаковъ наготовлено ихъ вдоволь; а казаки вовсе не ждали, что царекія войска зимою придуть, и запаслись только для себя на зиму. Запасы потому скоро вышли, начался голодъ, цынга всѣхъ одолѣла. Стали умирать и казаки и ратники московскіе, умеръ и воевода Болховской. За вьюгами, трескучими морозами и мятелями нельзя было выходить на охоту — хоть всѣ помирай. Спасибо, весна скоро наступила — птицы прилетѣли, на оленей и лосей охота настала. А тутъ еще татары, остяки и вогуличи навезли казакамъ и рыбы, и мяса, и мѣховъ. Голодъ миновался.

Махметкула Ермакъ отправилъ въ Москву: такъ царь приказалъ. Царевича приняли тамъ ласково, и онъ сталъ служить въ нашей службѣ, съ нашими непріятелями воевалъ, и царь ему вотчины далъ.

VI.

Прошло немного времени, вдругъ присылаетъ Карача Ермаку мѣха, подарки: «Я, говорить, хочу быть вѣрнымъ слугой московскаго царя. Только пришли въ мой улусъ казаковъ, а то обижаютъ меня и людей моихъ непріятели мои—ногаи. Казаковъ я приму съ честью, награжу ихъ, а зла противъ нихъ никакого и въ умѣ не держу». Ермакъ сперва подумалъ: «ужь не хитритъ ли Карача?» и не вѣрилъ ему, а послѣ повѣрилъ. «Что-жъ», подумалъ онъ, «вѣдь Карача отсталъ отъ Кучума и бросилъ его. Можетъ въ самомъ дѣлѣ, онъ образумился. Къ тому же Карача Богомъ клянется, что худого ничего противъ казаковъ не замышляетъ». Посовѣтовался Ермакъ съ казаками; казаки говорятъ: «Должно быть образумился. Надо послать ему помощь». Тогда Ермакъ нарядилъ къ Карачѣ Ивана Кольцо и далъ ему сорокъ человекъ подъ команду. Только что пришли туда казаки, безъ всякой опаски тамъ распожились,

какъ вдругъ, врасплохъ, напалъ на нихъ Карача со множествомъ татаръ своихъ и всѣхъ до одного перебилъ. Узналъ объ этомъ Ермакъ, заплакалъ о храбромъ атаманѣ и о казакахъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ, и винилъ себя за то, что повѣрилъ Карачѣ. А татары обрадовались такой потерѣ Ермака и стали вездѣ нападать на казаковъ. Карача собралъ большую силу, подступилъ къ городу Сибири и обложилъ его со всѣхъ сторонъ; хотѣлъ уморить казаковъ голодомъ. Ермакъ до іюня мѣсяца храбро выдерживалъ осаду, но тутъ опять стали выходить запасы; а изъ Москвы еще ничего не было прислано. Вылазки Ермакъ не дѣлалъ—жалѣлъ онъ людей своихъ, и такъ у него ихъ не много было; стрѣлять въ татаръ было не къ чему: стояли они не подъ самымъ городомъ и близко къ валу не подходили. Стало быть, выстрѣлы только даромъ бы пропадали. Когда жъ надоѣло казакамъ дольше отсиживаться, Ермакъ рѣшился сдѣлать вылазку и выбралъ для этого темную ночь. Казаки тайкомъ вышли изъ города и тихонько подошли къ стану Карачи. Татары спали себѣ мирно, ничего не ждали, а казаки все идутъ и думаютъ: «Отплатимъ вамъ за Кольцо и за братьевъ нашихъ», подошли, бросились на татаръ и начали ихъ рѣзать. Спросонокъ, татары заметались, какъ угорѣлые, ничего не понимаютъ, бѣгаютъ

изъ стороны въ сторону, кричатъ. А казаки бросаются на нихъ и убиваютъ: двухъ сыновей Карачи убили—кровь такъ и покрыла землю.

Стала заря заниматься. При свѣтѣ татары ободрились немного, кинулись на казаковъ; но казаки овладѣли Карачинымъ обозомъ, укрѣпились за нимъ, и оттуда отражаютъ ружьями и саблями татаръ. До полуденъ бой продолжался. Тутъ татары побѣжали съ Карачею.

Ермакъ пошелъ за нимъ въ догону и сталъ покорять народцы, жившіе по Иртышу вверхъ. Онъ покорилъ тутъ много городковъ. Одинъ князь татарскій привелъ къ нему дочь свою, красивую татарку, и говоритъ ему: «Вотъ моя дочь,—возьми ее къ себѣ въ жены». Ермакъ поглядѣлъ на татарку, видитъ, красивая дѣвушка, однако, удержался и не женился, и казакамъ своимъ не велѣлъ къ ней дотрогиваться: «Баба, говоритъ, въ нашей жизни — только помѣха». Пошелъ онъ дальше и зашелъ за рѣку Ишимъ. Тутъ жилъ бѣдный народецъ въ шалашахъ. Ермакъ сжалился надъ этимъ народцемъ, никого не тронулъ и даже дани никакой не положилъ съ него. Дальше начинались степи, и жилъ тамъ народъ кочевой, переходившій съ своими стадами съ одного мѣста на другое. Ермакъ не пошелъ и вернулся назадъ.»

Въ началѣ августа пришли къ Ермаку гонцы отъ торговыхъ людей бухарцевъ и сказали: «Послали насъ къ тебѣ бухарскіе купцы. Ёдутъ они къ тебѣ съ товарами всякими, и дошли изъ своей бухарской земли до Иртыша, а тутъ Кучумъ остановилъ ихъ и дальше не пускаетъ. Приказали они намъ умолять тебя, чтобъ ты ихъ выручилъ».

Ермакъ выбралъ сейчасъ же изъ казаковъ самыхъ надежныхъ, самыхъ храбрыхъ, приготовилъ большую лодку, взялъ запасовъ съѣстныхъ и поѣхалъ вверхъ по Иртышу. Доѣхалъ онъ до Вагая рѣки, нигдѣ бухарцевъ не встрѣтилъ. Сталъ думать Ермакъ: ужъ не обманули ли его, не подставные ли то гонцы были. Казаки устали грести — плыли все противъ воды. Отдохнуть бы — такъ впору; но мѣсто было незнакомое — какъ остановиться? Велѣлъ Ермакъ плыть назадъ — подъ воду лодка пошла ходко. Ночь наступала. На небѣ тучи сбились, вѣтеръ подулъ сильный — волны такъ заходили по рѣкѣ, а тутъ еще дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Такая тьма настала, хоть глазъ выколи.

— Надо привалъ сдѣлать, заговорили казаки. — Некуда ѣхать въ такую непогоду.

Подошли они близко къ Иртышу и причалили не къ берегу, а къ островку, который отъ одного берега былъ недалеко.

— Здѣсь, какъ въ крѣпости, выспимся, говорятъ казаки.— Рѣка глубокая—на островъ никто не пройдетъ. У татаръ лодокъ нѣту. Можно всею спать, и сторожей ставить не къ чему.

Такъ и сдѣлали. Лодку привязали къ берегу, а сами раскинули шатры и заснули въ нихъ крѣпкимъ сномъ. Буря бушевала, дождь все шелъ. Не знали казаки, что Кучумъ слѣдилъ за ними, что былъ онъ на берегу съ войскомъ.

Не слышали казаки, какъ одинъ татаринъ въ бродѣ на лошади проѣхалъ къ островку, и выглядывалъ, уснули ли казаки и есть ли у нихъ сторожа. Выглядѣвъ, татаринъ поѣхалъ опять на берегъ, подошелъ къ Кучуму и сказалъ ему:

— Все казаки мертвымъ сномъ спятъ.

А этого татарина Кучумъ приговорилъ за что-то смертию казнить и обѣщалъ простить его, если онъ найдетъ бродъ и выслѣдитъ казаковъ. Услыхавъ, что казаки спятъ, Кучумъ обрадовался, однако сразу не повѣрилъ татарину и сказалъ ему: «Поѣзжай опять на островъ и привези мнѣ какой-нибудь знакъ—тогда я повѣрю тебѣ и прощу».

Татаринъ опять поѣхалъ. Ползкомъ пробрался онъ къ одному шатру, просунулъ подъ него руку—попались ему три лягушки съ порохомъ. Онъ и привезъ ихъ къ

Кучуму. Тогда Кучумъ велѣлъ татарамъ идти на казаковъ.

Въ полночь татары перебрали рѣку, подкралась къ шатрамъ и стали рубить казаковъ. Ермакъ вскочилъ, схватилъ саблю и сталъ отбиваться отъ татаръ и многихъ срубилъ. Но татары пуще нападаютъ на него и онъ закричалъ:—«Ко мнѣ, братцы», но всѣ ужь были перебиты. Ермакъ бросился къ лодкѣ, но лодку отбило бурей отъ берега. Тогда онъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкѣ. Тяжелая броня, которая на немъ была, не дала ему плыть, тянула ко дну, а татары пускали въ него стрѣлы. Ослабѣлъ Ермакъ и утонулъ.

Только одинъ казакъ убѣжалъ отъ татаръ и принесъ въ городъ Сибирь эту горестную вѣсть.

Ермакъ погибъ 5-го августа 1584 года. Говорятъ, что черезъ недѣлю послѣ этого тѣло Ермака прибило къ Епанчинскимъ юртамъ. Одинъ татаринъ ловилъ рыбу и увидѣлъ трупъ въ водѣ, закинулъ петлю и вытащилъ его на берегъ. Смотрить, должно быть не простой человѣкъ: въ желтыхъ доспѣхахъ, съ золотымъ орломъ. Сказалъ онъ другимъ татарамъ. Татары собрались, стали разглядывать трупъ и узнали Ермака. Они очень обрадовались и оповѣстили Кучума. Кучумъ пріѣхалъ, трупъ Ермака положили на рундукъ и стали въ него стрѣлять стрѣ-

лами. «Хоть надъ мертвымъ да натѣшимся», думаютъ татары. Всего изстрѣляли и зарыли въ землю, а dospѣхи его взяли себѣ.

Горько заплакали казаки по атаманѣ своему и говорили: «Пропали мы теперь совсѣмъ. Умеръ атаманъ-князь, а безъ него и мы не воины. Перебьютъ насъ татары, какъ воронъ, и тѣла наши собакамъ побросаютъ. Уйдемте на Русь. Нечего намъ тутъ дѣлать».

И ушли казаки изъ города Сибири вмѣстѣ съ царскимъ воеводою Глуховымъ. Городъ опустѣлъ. Кучумовъ сынъ Алей пришелъ въ него, а за нимъ и самъ Кучумъ. Радовался старикъ, что воротилъ свое царство, но скоро пришелъ Сейдякъ, отца котораго Кучумъ убилъ, и выгналъ его изъ Сибири.

Есть народная пѣсня, въ которой разсказывается происшествіе, очень похожее на гибель Ермака. Вотъ она:

Издаlechа, далеча, изъ чиста поля,
 Лежала, пролежала дорожка торная,
 Что никто по той дороженькѣ не прохаживаль,
 Никто слѣдичку по широкой не прокладываль.
 Только шли, прошли казаки съ моря синяго,
 Со такою со добычей, шли со промыслу.
 Становилися казаченьки въ улутавскіе луга,
 Что во тѣ же, во кустички, во терновые.
 Разсѣдлали добрыхъ коней, потреножили,

Потреножили добрыхъ коней, въ поле пустили.
 Ужь какъ сами казаченьки глупо сдѣлали,
 Не поставили караулу, сами спать легли,
 Не почали изъ Ултаву грозной высылки,
 Поглядѣль-то, подсмотрѣль молодой шельма кир-
 гизъ.

Онъ кидался, онъ бросался во всё стороны,
 Къ тому же ли, но султану, къ азіятскому:
 «Ужь ты, гой еси, нашъ батюшка, азіятской земли
 ханъ!

Не прикажи казнить, прикажи рѣчь говорить.
 Еще дай ты мнѣ силы-арміи много-множество,
 Много-множество силы-арміи, сорокъ тысячъ чело-
 вѣкъ,

Сорокъ тысячъ человекъ на пятьсотъ казаковъ».
 Они билися, рубилися день до вечеру,
 Разосенною темну ноченьку до бѣлу свѣту,
 Не достало у казаченекъ свинцу-пороху.

VII.

Убѣжавшіе изъ Сибири казаки встрѣтили на дорогѣ царскаго воеводу Мансурова. Его послалъ въ Сибирь съ сотнею человекъ и съ пушкою ужъ новый царь—Ивана Грознаго не было въ живыхъ. Мансуровъ узналъ отъ казаковъ, что Ермакъ убитъ. Казаки съ воеводою опять воротились въ Сибирь, но взять города не могли. Сейдякъ держался крѣпко. Мансуровъ построилъ деревянный

городокъ на Оби рѣкѣ. Остяки подошли подъ городокъ и хотѣли его взять. Съ собою притащили они своего идола — Славу-теемъ его называли—и прислонили его къ дереву, и стали молиться ему, чтобъ помогъ онъ одолѣть русскихъ. Мансуровъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки въ идола. Эти остяки еще не слышали пушечнаго выстрѣла, сильно сробѣли. А когда увидали, что идолъ ихъ разбитъ выстрѣломъ, стали говорить: «Сильны русскіе стрѣлять — даже бога нашего сокрушили. Видно, не одолѣть намъ ихъ». И больше къ городку не приходили.

Когда въ Москвѣ узнали о смерти Ермака, царь послалъ въ Сибирь воеводу Чулкова съ тремястами челоуѣкъ. Чулковъ пришелъ въ Сибирь и недалеко отъ города Сибири заложилъ городокъ Тобольскъ. Съ Сейдякомъ онъ не ссорился. Но Сейдякъ самъ захотѣлъ напасть на Тобольскъ. Вышелъ онъ изъ города своего съ татарами и съ Карачей и пошелъ прямо къ Тобольску. А чтобъ русскихъ обмануть, стали ястребовъ пускать на птицъ. «Пускай, думаетъ онъ, русскимъ покажется, что я на охоту вышелъ». А Чулковъ себѣ думаетъ: «А что если я перехитрю тебя». Послалъ онъ къ Сейдяку просить его къ себѣ въ гости—о замиреньи, молъ, поговорить, какъ бы жить татарамъ и русскимъ въ дружбѣ

между собою. Сейдякъ согласился. Подошелъ онъ съ татарами къ городу, взялъ съ собою сто человекъ и съ ними вошелъ въ городъ. За нимъ вошелъ Карача и какой-то еще Салтанъ царевичъ. Всѣхъ троихъ ихъ пригласилъ Чулковъ отобѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, и ввелъ въ свою избу.

Сѣли за столъ. Только гости что-то не пьютъ, не ѣдятъ. Чулковъ и говоритъ имъ:
— Князь Сейдякъ, вѣрно ты зло какое на насъ, христіанъ, мыслишь — брезгаешь нашимъ питьемъ и ѣвствомъ.

— Я не мыслю на васъ никакого зла, отвѣчалъ Сейдякъ.

— А если не мыслишь, сказалъ опять Чулковъ, — то выпей-ка за здравіе. И ты, Карача, и ты, Салтанъ царевичъ.

— Что-жь — мы выпьемъ, говорятъ татары, — наливай!

Чулковъ поднесъ чару Сейдяку. Сталъ пить Сейдякъ и поперхнулся. Карача тоже поперхнулся, за нимъ и Салтанъ царевичъ.

— А, такъ вы съ злымъ умысломъ пришли сюда, крикнулъ Чулковъ. — Самъ Богъ васъ обличаетъ. Ребята, держите татаръ, вяжите ихъ!

Сейдякъ съ Карачею и Салтаномъ царевичемъ кинулись въ окно. Казаки догнали и связали ихъ, потомъ стали бить татаръ, что съ Сейдякомъ пришли. Многихъ перебили, а другіе покорились.

Городъ Сибирь опустѣлъ. Въ немъ никто не сталъ жить—такъ онъ и стерся съ лица земли.

Кучумъ все еще надѣялся воротить царство. Писалъ къ нашему царю, чтобъ замиренне сдѣлать, и все себя царемъ величалъ, а нашъ царь сказалъ ему: «Приходи ко мнѣ служить въ Москву, я тебя пожалую. А царства Сибирскаго тебѣ, какъ ушей, не видать». Кучумъ отказался. Тогда русскіе захватили въ плѣнъ семью его и въ Москву отослали. Царь обласкалъ ее. А самъ Кучумъ къ ногаямъ въ степь убѣжалъ. Ногаи подумали: «Русскіе выгнали Кучума изъ царства, теперь онъ къ намъ прибѣжалъ. А намъ нельзя его держать. Узнаютъ русскіе, что мы Кучума держимъ, пожалуй и надъ нами сдѣлаютъ то же, что надъ нимъ». Взяли и убили его.

Такъ покорилося Сибирское царство: воротили опять то, что Ермакъ завоевалъ.

Ермака и казаковъ убитыхъ до сихъ поръ поминаютъ въ тобольскихъ церквахъ.

Ермаку поставленъ въ Тобольскѣ памятникъ на высококомъ холмѣ. Подножье гранитное, $1\frac{1}{2}$ ар. вышины, а верхъ мраморный, въ 7 сажень вышины. Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ одной стороны—«Покорителю Сибири, Ермаку».

Съ другой—«Воздвигнуть въ 1839 г.».
Съ третій—«1581» (годъ прихода Ермака
въ Сибирь).

Съ четвертой—«1584» (годъ смерти Ермака).

Въ Сибири, у всякаго крестьянина, даже
самаго бѣднаго, виситъ вездѣ портретъ ата-
мана-князя Ермака.

ПѢСНИ ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА.

I.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди-вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ, донскіе, гребенскіе и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходить, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ;
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть.
Подъ Казань градъ идтить, да тамъ царь стоять,

Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ,
 У него тамъ силы много-множество,
 Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
 А намъ казакамъ быть переловленнымъ.
 Да по крѣпкимъ по тюрмамъ поразсаженнымъ.
 Какъ не золотая трубушка вострубила,
 Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
 Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
 И меня Ермака, братцы, послушайте:
 Зазимуемъ, мы, братцы, поисправимся,
 А какъ вскрыется весна красная,
 Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
 Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
 Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
 Да и по синему морю по Хвалынскому,
 Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли, братцы, неорленные,
 Мы убили посланничка все царскаго,
 Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.
 Какъ во славномъ было во городѣ во Астрахани,
 На широкой, на ровной было площади,
 Собирались казаки-други во единой кругъ.
 Они думали думу крѣпкую,
 Да и крѣпкую думушку единую:
 Какъ зима-то проходить все холодная,
 Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
 Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить;
 Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 Ой вы, гой еси, братцы, атаманы молодцы,
 Эй, вы дѣлайте лодочки каломенки,
 Забивайте вы кочета еловые,

Накладайте бабаички сосновыя,
 Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
 Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
 Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 Доберемся мы до царства басурманскаго
 Завоюемъ мы царство сибирское,
 Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
 А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
 И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
 Я тогда-то пойду самъ ко бѣлу-царю,
 Я надѣну тогда шубу соболиную,
 Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
 Принесу/я царю бѣлому повинную:
 Ой ты, гой еси, надежа православный царь,
 Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить.
 Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
 Какъ и я-то гуляль вѣдь по синю морю,
 Что по синю морю по Хвалынскому;
 Какъ и я-то разбиваль вѣдь бусы-корабли,
 Какъ и тѣ-то корабли все не орленые:
 А теперича, надежа православный царь,
 Приношу тебѣ буйную головушку,
 И съ буйной головой царство Сибирское.
 Рѣчь возговорить надежа православный царь,
 Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
 Ой ты, гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Ой ты, гой еси войсковой донской атаманушка,
 Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
 Я прощаю тебя да за твою службу,
 За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
 И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

II¹⁾.

Шатаился, мотаился Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ.
 Онъ шатаился, мотаился по чисту полю,—
 По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю.
 Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы-корабли:
 Татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
 А и больше того корабли государевы,
 Государевы кораблики безъ примѣтушекъ,
 Да безъ царскаго они ярлычка.
 Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
 — «Ой вы, гой еси, братьи-товарищи,
 Вы морскіе удалые разбойнички!
 Еще гдѣ намъ зиму зимовать будетъ!
 Намъ на Волгѣ жить, братцы, ворами слыть,
 На Яикъ идти—переходъ великъ.
 Идти-ль намъ, не идти на Иртышъ-рѣку.
 Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболь-городъ.
 Тоболь-городъ возьмемъ бѣлой грудью,
 Бѣлой грудью возьмемъ, безъ свинца, безъ пороху,
 Безъ свинца, безъ пороху, съ камчатной одной
 шлеткою.
 И поѣдемъ мы къ царю съ повинною,
 Повеземъ мы ему свои буйны головы,
 Во правой рукѣ повеземъ топорь-плаху».
 Ермакъ Тимофеевичъ ловилъ себѣ добра коня,
 Добра коня, что ни лучшаго,
 Добра коня богатырскаго.

¹⁾ Эта пѣсня сочиненія позднѣйшаго, оттого и упоминается здѣсь по ошибкѣ вмѣсто Ивана Грознаго — царь Петръ Алексѣевичъ.

Надѣвалъ на него уздечку тесмянную.
 Накладывалъ потнички бѣлы-бумажные,
 Накидывалъ сѣдельце черкасское,
 Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ —
 Не для красы—для крѣпости.
 Садился-де Ермакъ на добра коня,
 На добра коня, Ермакъ, на иноходнаго.
 Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
 Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
 Ужъ онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку.
 Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
 Къ широку дворцу, ко царскому,
 Ко крылечку подѣхалъ, ко крашеному.
 Какъ слѣзаль Ермакъ со добра коня,
 И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки;
 Ужъ идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
 Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
 Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
 Во свѣтлыя царскія залушки.
 Возговоритъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
 — «Здорово ты, нашъ батюшка, православный царь,
 Православный царь, ты, Петръ Алексѣевичъ,
 Со своими князьями и боярами!
 Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофеевича?
 Я пріѣхалъ къ тебѣ съ повинною,
 Привезъ тебѣ свою буйну голову,
 Во правой рукѣ топорь-плаху.
 Я шатаился, мотаился по чисту полю,
 По чисту полю и по синю морю.
 Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли:
 И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,

ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ.

А и большіе твои государевы,
 Государевы кораблики безъ примѣтушекъ,
 Да безъ царскихъ они безъ ярлычковъ».

Возговорилъ нашъ батюшка, православный царь:
 — «Ужъ вы, гой еси, мои князья-бояры,
 И вы, думчіе мои сенаторушки!
 Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати:
 Иль казнить его, или вѣшати?
 Иль во всѣхъ винахъ его простити?
 Иль велѣть ему Казань, Астрахань взять?»

Возговорилъ одинъ-де бояринъ-то,
 И старшій думчій сенаторушка:
 — «Ой ты, гой еси, батюшка православный царь!
 Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати!»

— «Ой ты, гой еси, ты врешь, собака!
 Безъ суда безъ допроса хочешь Ермака вѣшати».

Богатырская сила въ немъ разгоралася,
 Богатырская кровь въ немъ подымалася,
 Вынималъ онъ изъ ноженъ свою саблю острую,
 Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну голову.
 Буйная его головушка отвалилася,
 Да по царскимъ она залушкамъ покатилася.

А и царская картина перемѣнилася,
 А и думчіе сенаторы испужалися,
 И по царскимъ заламъ разбѣжались.

Возговорилъ нашъ батюшка, православный царь:
 — «Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ — бѣдой кутитъ.
 Еще что намъ съ Ермакомъ дѣлатъ?»

Ни одинъ князь отвѣту не далъ.
 Во всѣхъ винахъ царь прощалъ его,
 Только Казань, Астрахань взять велѣлъ.

РУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА-ЧИТА
№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА № 148 АВО.
№

ГОСУДАРЕВЪ КРЕЧАТНИКЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БЫТА СОКОЛЬНИКОВЪ

П. Н. ПОЛЕВАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 февраля 1893 г. .

Литографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

I.

Двинскій воевода, стольникъ Тихонъ Григорьевичъ Головковъ, только что очнулся отъ сладчайшаго послѣобѣденнаго сна и начиналъ потягиваться на своемъ пуховикѣ подъ теплымъ и мягкимъ песцовымъ одѣяломъ, какъ вдругъ раздался легонькій стукъ въ двери его опочивальни.

— Кто тамъ? Что надо?

— Это я, батюшка, Тихонъ Григорьевичъ, осмѣлилась тебя потревожить, раздался тоненькій голосъ воеводиши.

— А тебѣ чего? Пропasti на васъ нѣтъ! Отдохнуть порядкомъ не дадите.

— Не кори, батюшка, не своей охотой будити тебя пришла... Дьякъ Автономъ Ильичъ просилъ навѣдаться, почиваешь ли ты?

— А тому что нужно? продолжалъ допрашивать воевода, позѣвывая и потягиваясь на своемъ пуховикѣ и все еще не рѣшаясь разстаться съ мягкимъ ложемъ.

— Да говорить онъ, батюшка, что будто бы на-

рочный присланъ съ Москвы съ указомъ государевымъ.

— Съ указомъ государевымъ! спохватился воевода, разомъ вскакивая на постели и опуская толстые босыя ноги въ мѣховыя ступни.— Такъ бы ты, дура, давно сказать должна! А то стучишься безъ толку!

И не на шутку встревоженный воевода засуетился около своей кровати, поспѣшно натягивая на плечи желтое камчатое полукафтаные и не безъ труда застегивая его на всѣ крючки на своемъ тучномъ тѣлѣ. Сверхъ этого полукафтаныя воевода накинулъ фезъ изъ синяго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ на пестрой стеганой подкладкѣ, опоясался широкимъ персидскимъ поясомъ и, кое-какъ пригладивъ всклооченную бороду и спутанные во время сна волосы, вышелъ изъ опочивальни въ смежную комнату.

Супруга воеводы, Агафья Тихоновна, женщина лѣтъ подъ 40, бѣлая, полная и рыхлая, очень недалекая и запуганная мужемъ, не безъ страха ожидала воеводу около самыхъ дверей опочивальни, держа въ рукахъ подносъ съ оловяннымъ жбаномъ и серебрянымъ жалованнымъ ковшикомъ. Она твердо помнила обычаи своего супруга и потому, какъ только онъ отперъ дверь опочивальни и переступилъ порогъ комнаты, поспѣшила ему поднести жбанъ съ ковшомъ.

— Кваску испить не изволишь ли, батюшка? обратилась воеводша къ супругу съ низкимъ поклономъ.

Но на этотъ разъ воеводѣ было не до квасу...

По насупленнымъ бровямъ и сердитымъ морщинамъ на лбу, было видно, что онъ весь проникнуть сознаниемъ лежащихъ на немъ государственныхъ заботъ.

— Убирайся ты съ квасомъ! закричалъ онъ грозно на Агафью Тихоновну. — Дьякъ гдѣ? Куда ты его дѣвала? Квасъ мнѣ суешь, чѣмъ бы дьяка ко мнѣ позвать! Аль на это догадки нѣтъ!

— Да я не смѣла, батюшка, впустить его сюда, не смѣла тревожить тебя, стала оправдываться воеводша, пятась къ дверямъ въ сѣни.

— Чего тамъ не смѣла! зыкнулъ воевода. — Дьяка зови! А квасъ куда несешь? Здѣсь поставь — тогда и зови; а то мечешься, какъ угорѣлая!

Совершенно растерявшаяся воеводша быстро подошла къ столу, поставила подносъ съ квасомъ на самый краешекъ его, а сама опрометью бросилась къ выходнымъ дверямъ, опасаясь новаго окрика отъ своего грознаго господина и повелителя. X

Повелитель, когда дверь захлопнулась за Агафьей Тихоновной, подошелъ къ столу, грузно опустился на лавку, придвинулъ къ себѣ жбанъ съ квасомъ и съ видимымъ удовольствіемъ промочилъ засохшую гортань двумя ковшами свѣжаго и забористаго мятнаго кваса.

— «Дура-баба, думалъ онъ, опоражнивая второй ковшъ, — а квасы варить горазда»...

Едва успѣлъ онъ поставить ковшъ на подносъ и отереть ладонью усы, какъ дверь изъ сѣней скрипнула, пріотворившись на половину, и пропустила въ

комнату тощую фигуру дьяка Автонома Ильича, который переступил порогъ, согнувшись, чтобы не удариться лбомъ о притолку, а затѣмъ вытянулся около дверей во весь ростъ, отвѣсилъ воеводѣ поясной поклонъ и произнесъ мягкимъ и пѣвучимъ голосомъ:

— Кликать изволилъ, государь всемилоостивый?

— Чего тамъ кликать? Чай самъ знаешь, зачѣмъ? Какой тамъ нарочный? Съ какимъ указомъ?

— Съ Москвы, господинъ! Нарочный съ государевымъ указомъ присланъ.

— Да съ какимъ? О чемъ указъ-то?.. Нѣтъ ли бѣды какой? тревожно допрашивалъ воевода, всматриваясь въ морщинистое, испитое и совершенно безжизненное лицо стараго дьяка.

— Не могу знать, батюшка, Тихонъ Григорьевичъ, потому я только однимъ глазкомъ въ указъ заглянулъ. А такъ, значить, думаю, что дѣло спѣшное и важное, потому нарочному приказано здѣсь, въ Холмогорахъ, всего три дня перебыть и отъ тебя на ту царскую грамоту отписку привезть...

И дьякъ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда какой-то свертокъ, а изъ свертка добылъ столбецъ— и сдѣлалъ два шага къ столу, собираясь подать грамоту воеводѣ.

Но тотъ остановилъ его на подорогѣ:

— Читай скорѣй, о чемъ тамъ писано? сказалъ воевода нетерпѣливо.

Дьякъ осторожно развернулъ столбецъ, отнесъ его на нѣкоторое разстояніе, окинулъ глазами, по-

томъ отклонилъ голову въ сторону и прочелъ слѣдующее:

«Отъ благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержца стольнику и воеводѣ Тихону Григорьевичу Головкову. Въ Новгородскомъ приказѣ выписано. Въ прошломъ 167 году, по указу великаго государя и царя и великаго...»

— Да ну же! торопиль воевода.— Это знаемъ, — дальше-то что?

Дьякъ молча провелъ пальцемъ по строкамъ титула и продолжалъ, не измѣняя голоса:

— По титулѣ... бояре, слушавъ выписки въ передней, приговорили: на Двину къ стольнику и воеводѣ...

— И это знаемъ! крикнулъ воевода дьяку.— Дальше-то что — не мучь ты меня! Нѣтъ ли грозы какой? X

Дьякъ опять провелъ указательнымъ пальцемъ по строкамъ грамоты и продолжалъ также безстрастно:

... «Послать великаго государя грамоту, велѣть по прежнимъ указамъ отца его государева, благовѣрнаго государя и присноблаженныя памяти царя Михаила Феодоровича... съ двинскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ и обѣльныхъ сошекъ крестьянъ на ихъ государскую кречатню, для полевой потѣхи и для посылокъ въ нныя государства, на 168 годъ взять и впредь на вся годы имать кречатовъ красныхъ и цвѣтныхъ большихъ самыхъ добрыхъ по 50-ти птицъ на годъ...»

— Ухъ! Отлегло... Слава Богу! проговорилъ воевода, проясняясь и крестясь на иконы.—А ужъ я думалъ и невѣсть что!.. Забралъ въ голову—неябеда ли какая, что такъ спѣшно отвѣды требуютъ! А тутъ это, значить, насчетъ кречетовъ... Это уже не наша забота—на нее здѣсь свои люди есть: кречатъ помытчики! За нихъ, значить, надо приниматься—имъ читать грамоту! Пусть они и отдуваются своими боками! Такъ, что ли, Автономъ Ильичъ? А?

— Такъ точно, государь всемилостивый! отвѣчалъ съ поклономъ старый дьякъ, собирая въ кулакъ свою жиденькую бороденку.

— Ну, такъ вели же немедленно, на завтра, рано утромъ собраться въ съѣзжую избу всѣмъ посадскимъ и всѣмъ выборнымъ отъ крестьянъ уѣздныхъ и отъ обѣльныхъ сошекъ. Тамъ этотъ самый указъ государевъ прочтешь, да и потолкуешь... Авось либо изъ этого указа и намъ какаянибудь прибыль отъ мужиковъ перепадетъ? А ты мнѣ кстати и выпись приготовь, сколько за прошлые два года моего воеводства здѣшними помытчиками ловчихъ птицъ на государевъ обиходъ доставлено.

— Слушаю, государь всемилостивый, приготовлю! отозвался дьякъ.—А указъ-то царскій, изволь, господинъ, въ кованый ларецъ схронить, чтобы мнѣ изъ-за него какой бѣды не приключилось.

И дьякъ, подавъ воеводѣ указъ, поклонился ему въ поясъ и, согнувшись въ три погибели, юркнулъ черезъ полуотворенную дверь въ сѣни. Воевода, по-

вертѣвъ грамотку въ рукахъ и осмотрѣвъ приложенную въ ней печать Новгородскаго Приказа, бережно свернулъ ее и опустилъ въ кованый, рѣзной ларецъ «съ терешкомъ», который и заперъ на ключъ. Поворачивая ключъ въ замкѣ съ «музикой», воевода посиѣивался себѣ въ бороду и радовался тому, что не оправдались его опасенія... Въ то же время онъ соображалъ, какую пользу можно будетъ извлечь изъ царскаго указа, напоминавшаго двинянамъ о поставкѣ ко двору кречетовъ и соколовъ—давнемъ, исконномъ и трудно-выполнимомъ обязательствѣ.

II.

На другой день, спозаранку, около съѣзжей избы, въ Холмогорахъ, толпился народъ—посадскіе люди, крестьяне уѣздные и крестьяне обѣльных сошекъ. Старосты и выборные собрались въ избѣ въ ожиданіи воеводскаго дьяка, который съ вечера распорядился созвать ихъ и распустилъ слухъ о томъ, что прислана изъ Москвы царская грамота о кречатыхъ помытчикахъ и что по той грамотѣ всемъ грозитъ бѣда неминучая. Мудрено ли, что собравшіеся посадскіе и крестьяне стояли понуря головы и тоскиво перекидывались между собой отдѣльными словами, пожимаясь отъ холоднаго, апрѣльскаго утренника, который насквозь пронизывалъ студеннымъ и рѣзкимъ вѣтромъ.

— Ты, Гаврила, не слыхалъ ли, что за грамота?

— А почему я знаю? Не я ее писалъ—небось!

— Да я, было, думалъ, что ты съ холопями воеводскими водишься...

— Ну такъ что въ томъ, что вожусь?

— Да вотъ то и есть, что, молъ, не слыхалъ ли отъ нихъ чего?..

— А имъ почему знать—дура голова!

— А вотъ потошъ и знать, что они воеводскіе холопи...

— Ну тебя и съ ними...

— Дьякъ идетъ, дьякъ идетъ! раздалось въ толпѣ.

— «Разступися грязь—навозъ идетъ!» вздумалъ было кто-то подшутить, но на шутника накинулись со всѣхъ сторонъ съ руганью: настроеніе толпы было тревожное и гнѣвливое.

Дьякъ Автономъ Ильичъ, закутавшись въ теплую шубу на молодыхъ олешкахъ, нахлобучивъ на голову превысокій колпакъ изъ пестрыхъ оленьихъ лоскутовъ и бережно неся за пазухой берестяной бауль съ копией царской грамоты и съ другими бумагами—степенно и важно прошелъ черезъ толпу въ сѣзжую избу, скинулъ въ сѣняхъ шубу и колпакъ, сдалъ ихъ на руки сторожу и вошелъ въ присутствіе. Здѣсь всѣ старосты и выборные встрѣтили дьяка низкими поклонами, на которые онъ едва отвѣчалъ кивкомъ головы. Затѣмъ подошелъ къ столу, вынулъ бумаги изъ баула и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ суровымъ взглядомъ, произнесъ громко и торжественно:

— Указъ государевъ!

Всѣ насторожили уши и вытянули впередъ головы, видимо не желая проронить ни слова, ни звука.

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ! прошепталъ кто-то въ углу избы.

Автономъ Ильичъ прочелъ извѣстный намъ указъ, но совсѣмъ не такъ, какъ онъ его читалъ наканунѣ въ воеводскихъ хоромахъ; а съ такою выразительностію и съ такимъ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ будто дѣло въ указѣ шло о жизни и смерти всѣхъ присутствующихъ. Такъ истово и выразительно читались дьяками только статейные списки съ изложеніемъ винъ преступника передъ смертною казнью.

Внушительное чтеніе указа подѣйствовало одинаково на всѣхъ слушателей. Когда дьякъ закончилъ и, сложивъ грамоту, обвелъ присутствующихъ суровымъ, испытующимъ взглядомъ среди общаго молчанія, въ отвѣтъ на грамоту слышались только глубокіе вздохи.

— Что скажете, православные? спросилъ дьякъ, закидывая руки за поясъ и возводя очи горѣ.

— Тяжеленько это будетъ, батюшка, Автономъ Ильичъ,—по 50 птиць-то на годъ! заговорило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Указъ государевъ! строго замѣтилъ дьякъ.— Разумѣйте, языци, и покоряйтесь!

— Покоряемся, кормилецъ,—это что и говорить! А только тяжеленько, потому какъ въ прошлые годы и по тридцати птиць съ великой нужей добывали...

— Знать этого намъ не указано... Добывали по тридцати, коли такъ было велѣно; а теперь указъ вамъ прочитанъ, чтобы добывали по пятидесяти. А

буде чего не доловите, такъ вамъ же вѣдомо, какъ въ прежнихъ грамотахъ писано: «за недоловныя птицы на двинянахъ посадскихъ людяхъ и на уѣздныхъ крестьянахъ и на кречатыхъ помытчикахъ доправить за всякую птицу по 10 рублей».

— Охъ, вѣдомо намъ это, кормилецъ, вѣдомо! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Опять же и то, батюшка, Автономъ Ильичъ, подумай: теперь время позднее, промышлять птицу у насъ некому. Наши первые кречаты помытчики, Лупка Проскурнинъ да Исачка Заборцевъ, съ мѣсяцъ тому назадъ на звѣриный, да на рыбный промыслы ушли; а самый-то главный кречатникъ, Якушка Омельяновъ, на ладанъ дышетъ! Кого же намъ по кречеты посылать будетъ, да и гдѣ же ихъ такую силу взять?

— Значить, вы тому указу государеву ослушники учиняетесь? грозно спросилъ дьякъ, принимаясь за перо.

— Что ты, что ты, кормилецъ, батюшка! Намъ это и въ мысль не виѣщается! громко воскликнули всѣ старосты и выборные разомъ.

— Ну, такъ вотъ и расписывайтесь, что указъ вамъ читанъ и вы по тому указу безъ всякаго мотчанія исполненіе учините.

И дьякъ, на оборотѣ копій, четко и кудревато выписалъ имена присутствующихъ, а они, одинъ за другимъ, стали ставить противъ своихъ именъ — кто кресты, а кто — знаменья.

Во время этой длинной процедуры между старо-

стами и выборными происходили въ дальнемъ углу избы какіе-то переговоры, то шопотомъ, то въ полголоса; переговоры эти, вѣроятно, были финансоваго свойства, потому что, въ концѣ ихъ, всѣ стали рыться по карманамъ, заворачивая полы тулуповъ и кафтановъ, или опуская руки за голенище и вытаскивая изъ-за него завѣтный чересокъ. Старшій изъ выборныхъ собиралъ деньги въ шапку, а затѣмъ завернулъ ихъ въ тряпицу изъ синей крашенины, завязалъ узелкомъ и подошелъ съ поклономъ къ столу, за которымъ дьякъ такъ же сурово, какъ и прежде, рылся въ своихъ бумагахъ; ставилъ на нихъ какія-то помѣты и пощелкивалъ перомъ о край стола.

— Батюшка, кормилецъ, Автономъ Ильичъ, вкрадчиво заговорилъ выборный, — исполненіе мы по тому указу учинить должны, да только ты ужъ замолвь за насъ словечко воеводѣ, чтобы онъ насъ не очень нудилъ да поспѣшалъ... Вотъ ужъ мы тебѣ по силѣ... насколько, значить, хватило...

И на столѣ передъ дьякомъ, невѣдомо кѣмъ положенный, явился узелокъ изъ синей крашенины. Дьякъ на него и не посмотрѣлъ, и головы отъ бумагъ не поднялъ, и только какъ бы между дѣломъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Сказать воеводѣ и поболѣзновать за васъ я не прочь... Только вѣдь это ужъ, какъ онъ похочетъ... Послѣзавтра долженъ онъ на тотъ указъ отвѣдъ отправить. Такъ вы у него завтра и побывайте, да поклонитесь пониже, чтобы онъ съ васъ еще не сталъ недоловныхъ птицъ за прошлые годы

взыскивать. У него же, кстати, завтра канунъ именинъ младшаго его сына...

И дьякъ снова заскрипѣлъ перомъ по бумагѣ. Старосты и выборные поняли, почему именно этотъ канунъ именинъ пришелся «кстати» для воеводы, и, поклонившись пизенько дьяку, вышли изъ стѣзжей избы, крѣпко почесывая въ затылкахъ.

III.

А ужъ на Руси такъ изстари ведется, что если русскій человекъ, послѣ окончанія дѣловой бесѣды, даже и согласившись на сдѣлку и ударивши по рукамъ, выходитъ изъ комнаты, почесывая въ затылкѣ—это значитъ, что онъ недоволенъ собою и собирается совсѣмъ уже [налаженное дѣло начать съизнова.

Такъ оно было и въ данномъ случаѣ. Когда выборные и старосты вышли гурьбою изъ избы и вся толпа крестьянъ и посадскихъ, стоявшая у входа въ приказное святилище, узнала объ указѣ и о подробностяхъ бесѣды съ дьякомъ—всѣ въ одинъ голосъ заявили о своемъ неудовольствіи.

— Это что же, братцы, такое? Дьяку посуловъ по алтыну съ брата ужъ сбѣжало, а воеводѣ еще по три алтына давай, да и то, пожалуй, рыло воротить станетъ?

— Это вы, братцы, придумали пегораздо! За что дьяку посуль дали? Бѣса лысаго онъ вамъ подвелъ...

— За что ему дали — только разлакомили воеводу-то!

— Да пойдн же ты не дай, онъ бы тебѣ такой городъбы нагородилъ на бумагѣ-то, что, пожалуй, по-міру пойти пришлось бы съ ребятишками!

— Враки! Давать не слѣдовало... А дали — теперь шевели мощной...

— Вѣстимо, неслѣдъ было... Да и подписывать того указа не надо бы! Чтѣ бы онъ взялъ, кабы не подписали?..

— А то бы и взялъ, что отписалъ бы: учинились, моль, ослушны...

— А не написалъ бы, потому что воеводѣ и самому бы по шеѣ попало отъ Новгородскаго Приказа...

— Теперь подписали: поди-ка добывай 20 птиць лишнихъ! Снаряжай ватагу на Терскій берегъ, либо на Тиунскій берегъ. Вотъ оно что!

— А гдѣ людей возьмешь? Всѣ кречатьи помытки вь разгонѣ; а вернутся ли, нѣтъ ли, съ промысловъ-то, еще какъ Богъ дастъ!

— Ну, чего вы разсопѣлись на насъ? Какъ разуйѣли, такъ и свертѣли! Велика важность 20 птиць лишнихъ... Въ прошложъ году, небось, 74 птицы добыли...

— Добыть-то добыли, а что взяли-то? Только за тридцать птиць изъ казны деньги выдали, а тѣ всѣ еще памъ же въ горбъ убытковъ набавили.

Однимъ словомъ, чѣмъ подробнѣе вопросъ объ указѣ, о дьякѣ и о дѣйствіяхъ крестьянскихъ старость и выборныхъ обсуждался въ толпѣ, тѣмъ пре-

нія становились шумнѣе и безтолковѣе, тѣмъ болѣе разыгрывались страсти и разгорались сердца. Положеніе не выяснилось; спорившіе не приходили ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, выискался-таки какой-то добрый и разумный человѣкъ, который посоветовалъ идти всѣмъ міромъ на бесѣду къ старому кречатѣму помытчику, Якушеву Омельянову, о которомъ всѣ отзывались въ одинъ голосъ, что онъ «старая, ношенная птица», и что онъ, «если пустится на хитрости, такъ и самого дьяка, пожалуй, оплететь».

Двинулись гурьбою къ Якушкину дому и стали стучать къ нему въ кадитку. Вслѣдъ за стукомъ слышался отчаянный лай дворныхъ собакъ; черезъ минуту кадитка отворилась и на порогѣ показался молодой, красивый парень лѣтъ двадцати, русоволосый, кудрявый, очень бойкій и развязный въ движеніяхъ.

— Чего вамъ надо, сосѣдшки? спросилъ парень, остановившись на порогѣ и придерживая рукою калитку, изъ-за которой сердито рычали на толпу пришедшихъ злыя, лохматые дворняги.

— Да вотъ, Ларюшка, къ твоему батюшкѣ. Советъ просить пришли...

— Не домогаеть батька-то, сами знаете; а то первый на сходѣ былъ бы...

— А былъ бы онъ, такъ не далъ бы насъ дьяку оплести, загалдѣло разомъ нѣсколько голосовъ. — А то вонъ наши-то сдуру...

— Молчи! самъ, небось, умнѣе...

Началась перебранка и шумъ, къ которому совершенно равнодушно прислушивался паренъ на порогѣ калитки, а псы изъ-за его спины вторили своимъ лаемъ и ворчаніемъ.

— Такъ вотъ, значить, намъ бы повидать Якова Омеляныча, заискивающимъ тономъ заговорили старосты и выборные.

— Всѣхъ васъ гдѣ же впустить? Со всѣми вами отецъ-отъ и разговаривать не станеть. Вѣдь онъ недужный... Выбирайте выборныхъ, а я покаместъ схожу къ батькѣ — его спрошу.

Калитка захлопнулась и задвинулась засовомъ. Посадскіе и крестьяне стали между собою толковать; поспорили, пошумѣли, поругались и посчитались всякими старыми счетами и, наконецъ, рѣшили, по жеребью, выбрать три человѣка изъ старость и выборныхъ, да три человѣка изъ остальныхъ мірянъ — и отправить ихъ на совѣтъ къ Якушкѣ Омелянову. Когда жеребьевка окончилась, выборные заявили, что не пойдутъ иначе къ Якушкѣ на совѣтъ, какъ заручившись заранѣе согласіемъ на все, что они обща съ Якушкою по этому мудреному дѣлу надумаютъ.

— Вѣстимо, вѣстимо! Ужъ мы его знаемъ! Онъ старикъ дѣшлый — худо не придумаетъ.

— Ну, такъ ужъ помните же, православные, слово твердо! Чуръ насъ не корить, неразумьемъ не попрекать... А то, право, только худоумье наводите...

— Ни, ни! Корить не будемъ. Ступайте, совѣ-

туйте съ нимъ на нашемъ полномъ уговорѣ! закричали выборнымъ всѣ міряне.

— Такъ ступайте же съ Богомъ по домамъ, не за чѣмъ здѣсь мерзнуть. А послѣ вечеренъ собирайтесь опять всѣмъ міромъ къ сѣзжей избѣ.

Какъ разъ въ это время засовъ у калитки отодвинулся, калитка распахнулась настежь, и Ларюшка появился на порогѣ.

— Просимъ милости, сосѣдушки, пожалуйте въ горенку. Батка ждетъ васъ и готовъ съ вами говорить и совѣтовать.

IV.

Яковъ Омеляновичъ былъ дѣйствительно старою, ношеною птицею. Лѣтъ сорокъ сряду числился онъ кречатымъ помытчиомъ; «помыкаль» (т. е. промышляль) птицъ для великихъ государей; раза два и на Москвѣ бывалъ и живалъ по-долгу, сдавая на Потѣшный дворъ привозную изъ Холмогоръ ловчую птицу — кречетовъ, соколовъ и челиговъ; нигдѣ счастье самому дѣду государеву, патриарху Филарету, челою ударить парюю красныхъ кречетовъ рѣдкой, диковинной красоты, и за то былъ имъ назначенъ сопровождать царскаго пристава, который отвозилъ ловчихъ птицъ черезъ Архангельскій городъ, черезъ Амборъ и Любку въ городъ Ведень въ подарокъ самому кесарю Римскому. За то, что порученіе это было Яковомъ Омеляновичемъ выполнено усердно и толково, онъ и отъ кесаря удостоенъ былъ подар-

комъ въ три золотыхъ корабленника и отъ государей великихъ получилъ великое жалованье — половинку сукна жаркаго цвѣта на кафтанъ, да киндикъ дорожчатый на подкладку, да пару соболей на воротникъ и на шапку.

И съ тѣхъ поръ Яковъ Омеляновичъ зажилъ въ Холмогорахъ припѣваючи; обзавелся дождкомъ и хозяйствомъ; поставлялъ ежегодно въ Москву соколовъ и кречетовъ для государевой потѣхи и дѣлялъ барыши, получаемые съ этого промысла, съ двумя другими товарищами помытчиками, которые, однако же, далеко уступали Якову Омеляновичу и въ умѣ, и въ опытности, и въ служебныхъ заслугахъ. Въ теченіе своей долгой службы, дѣйствительно, Яковъ Омеляновичъ успѣлъ до такой тонкости изучить свое дѣло, такъ превосходно узналъ нравы, привычки и хитрости ловчей птицы, что никто не умѣлъ искуснѣе его эту птицу розыскивать, ловить, вскармливать и приручать. Въ то время, когда другіе помытчики, нанимая большія ватаги ловцовъ, отправлялись съ ними въ отдаленнѣйшія мѣстности Поморья или ловили птицъ случайно, Яковъ Омеляновичъ шель всегда навѣрняка, на ближнія, ему одному извѣстныя, старыя кречаты и соколы сѣдбища, на которыхъ у него уже была памѣчена птица, и ловилъ птицу своими особыми ловушками, подманивая ее какими-то мудреными способами, которые держалъ въ глубокой тайнѣ. На повѣрку выходило такъ, что въ то время, когда другіе двое помытчиковъ набирали съ собою на промыселъ по 8 и по 9

человѣкъ и уходили изъ Холмогоръ на Терскій или Тѣнскій берегъ, розыскивать ловчую птицу, Яковъ Омельяновичъ бралъ съ собою всего троицъ наймитовъ и уходилъ недалеко отъ дома, верстъ за сто, за 150; а приносилъ съ собою вдвое и втрое болѣе птицъ, нежели его товарищи. При томъ же и наймиты, которые съ Яковомъ ходили на вретатій и соколий промыселъ, возвращаясь домой, никому не могли объяснить — гдѣ и какъ ловилъ и добывалъ свою птицу старый помытчикъ. Ловушки свои носилъ онъ въ мѣшкѣ за спиною, и никогда ни при комъ своего мѣшка не развязывалъ; а разставлялъ тѣ ловушки ходилъ только съ своимъ сыномъ, покинувъ наймитовъ на становищѣ, и отъ становища уходилъ далеко, въ такія трущобы, которыя ему одному были вѣдомы по особымъ насѣчкамъ и знаменіямъ на деревьяхъ и камняхъ. Наймитовъ же бралъ съ собою Яковъ только для береженія уловленной птицы и для снабженія ее свѣжимъ мясомъ. Но въ послѣдніе годы старый помытчикъ сталъ похварывать, да года два назадъ простудился на весеннемъ промыслѣ и совсѣмъ слегъ: у него отпались ноги, и онъ вынужденъ былъ почти недвижно лежать на печи, къ великому горю своей старухи-жены и сына, которому онъ старался передать постепенно всю свою науку, со всѣми ея тайнами и хитростями. Единственнымъ помысломъ Якова Омельяновича было желаніе устроить судьбу своего сына, въ которомъ онъ видѣлъ къ своему дѣлу способность и охоту.

Но видѣлъ онъ также, что его же товарищи-по-

мытчики не дадутъ сыну его никакого хода и, какъ старшіе, не допустятъ Ларюшку занять въ промыслѣ то мѣсто, которое занималъ онъ самъ. «Повывѣдаютъ отъ него, что имъ надобно», думалъ старикъ, кряхтя и ворочаясь на печи, — «а ни съ птицами на Москву не пошлютъ, ни до жалованья царскаго не допустятъ. И что въ томъ толку, что онъ будетъ послѣ моей смерти помытчикомъ? Одна только слава! А какъ отобьютъ у него мѣста, да способы переймутъ — прійдется и ему изъ-за чужой спины смотреть, да у старшихъ помытчиковъ себѣ хлѣба искать».

Въ виду именно этихъ соображеній, Яковъ Омеляновичъ очень обрадовался, когда услышалъ отъ сына, что «сосѣдушки» въ какой-то просакъ попали и желаютъ отъ него совѣта и помощи.

— Здравствуй, батюшка Яковъ Омелянычъ, заговорили «сосѣдушки», вступая въ жарко-натопленную избу стараго помытчика, крестясь на иконы и кланяясь по направлеію къ печкѣ, на которой копошился и кряхтѣлъ хозяинъ.

— Какъ можешь, батюшка, Яковъ Омелянычъ? допрашивали «сосѣдушки», ближе подступая къ печи, на которой кое-какъ приподнялся Яковъ и обернулся къ вошедшимъ, подпирая свою кудластую голову крѣпкими, жилистыми руками. Не смотря на то, что Якову было далеко за пятьдесятъ лѣтъ, ни въ волосахъ его, ни въ длинной, густой бородѣ не было замѣтно ни одного сѣдого волоса. Сѣрые,

большіе глаза его свѣтились умомъ, но брови были насуслены и лицо выражало неудовольствіе.

— Какъ могу? отозвался Яковъ на привѣтствіе «сосѣдушекъ», — чай сами видите, съ печи, почитай, ужъ годъ не слѣзаю... Да вамъ что! Небось и не заглянули бы сюда, кабы нужда горькая не загнала!

«Сосѣдушки» переминались съ ноги на ногу, перебирали въ рукахъ колпаки и треухи оленьи и не знали, что отвѣчать на справедливый укоръ Якова.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло! Мнѣ съ вами не приходится долго лясы точить!..

— Да вотъ, кормилецъ, какое дѣло наверху, да на шеѣ у насъ и огрузло... заговорилъ старшій изъ выборныхъ, и затѣмъ изложилъ все, что уже намъ извѣстно объ указѣ государевомъ, о томъ, что они росписались въ немедленномъ исполненіи по тому указу и что поднесли дьяку благодарность.

Яковъ слушалъ ихъ внимательно, отъ времени до времени покачивая головой и поглаживая бороду. Когда говорившій все ему передалъ и наступило молчаніе, всѣ «сосѣдушки» такъ и впидись въ Якова глазами, выжидая, что имъ скажетъ этотъ старшій, «ношенный кречеть».

— Ну, что-жъ теперь заведете дѣлать? обратился къ нимъ неожиданно Яковъ Омеляновичъ, устремляя на нихъ свой умный, испытующій взглядъ.

— И ума не приложимъ, кормилецъ! Помоги, затѣмъ и пришли, чтобы твоего совѣта слушать...

— Да что же вы прежде думали-то? Вамъ бы на

указѣ не росписываться, рукъ къ нему не прикладывать—да тогда бы ко мнѣ прійти! А теперь-то я тутъ причемъ?..

— Отецъ родной! Вызволи насъ! Помоги — не попусти насъ послѣдніе животишки отдать!

— Сами вы на себя руки наложили. Тутъ теперь ничего не подѣлаешь: росписались, что добудете 50 ловчихъ птицъ безъ всякаго мотчанья—ну, и добывайте ихъ гдѣ знаете! А не добудете, за недоловную птицу платите въ Новгородскій Приказъ по 10 рублевъ.

— Охъ, Господи! завопили въ одинъ голосъ «сосѣдушки».—Гдѣ же намъ экую силу птицы добыть! Самъ знаешь, теперь наши всѣ помыкальщики на промыслахъ звѣриныхъ да на рыбныхъ — разбрелись... Когда еще вернутся-то! А тутъ еще дьякъ съ ножомъ къ горлу присталъ — молъ роспишись! Не роспишитесь, значить, государеву указу учинитесь ослушны,—ну, мы и того!

— Вотъ тебѣ и того!.. А вамъ бы упереться, да стать на своемъ, что, молъ, рукъ къ тому указу не приложимъ, потому безъ кречатыхъ помытчиковъ мы того дѣла не смыслимъ, а ихъ негдѣ взять...

— Говорили, отецъ родной! Охъ, говорили! отвѣчали разомъ всѣ сосѣдушки.—Да вишь онъ, окаянный, насъ и слушать не захотѣлъ...

— А вы бы ему въ бороду наплевали, потому въ нашихъ грамотахъ, которыя намъ, двинскимъ помытчикамъ, еще при дѣдахъ нашихъ даны, сказано: «на кречати промыслы двинянамъ, посадскимъ лю-

дямъ и уѣзднымъ крестьянамъ наймовать охочихъ людей, повольною цѣною, которые возьмутъ дешевле, чтобы отъ того двинянамъ лишникъ тягостей и убытковъ не было». А гдѣ же вы теперь возьмете охочихъ людей, когда всѣ на промыслы ушли? Вамъ изъ казны государевой за птицу всего-на-все платятъ по два рубля; за краснаго кречета по три рубля; а прійди ты теперь ко мнѣ да попробуй меня наймовать на птичій промыселъ, такъ я съ тебя самъ менѣе четырехъ рублей не возьму за самаго ледящаго челига!..

— Батюшка, Яковъ Омелянычъ! Да вѣдь мы же люди темные, грамотъ тѣхъ вашихъ помытчиныхъ въ головѣ не держимъ, какъ вотъ ты ихъ держишь... Ну, вотъ онъ, дьякъ-отъ анаеемскій, и подвелъ насъ... Въ разоръ, значить, разорилъ!

— Въ разоръ! повторилъ Яковъ Омеляновичъ, покачивая головою. — Да еще вы же ему посулъ поднесли, и воеводѣ поминки пообѣщали. Эка дурость, подумаешь!

— Пообѣщали, кормилецъ, пообѣщали... Да вѣдь ужъ тутъ, что выговорено, то и вымолочено! Завтра и нести придется!

— А послѣзавтра онъ отповѣдь въ Приказъ отправить, что, молъ, будутъ государю всѣ птицы ловчія сданы безъ всякаго мочанія... Его оттуда похвалятъ... а на будущій годъ съ васъ ужъ не 50 птицъ потребуютъ, а больше...

— Смилуйся, Яковъ Омелянычъ, научи, вразуми насъ, темныхъ людей...

— Да что вы заладили—вразуми да вразуми! Глупаго учить, что мертваго лечить! Коли вы темные, такъ раньше бы за тѣхъ ухватились, кто васъ умнѣе, а то теперь волдсь ухватились, когда и голову съ плечъ сняли. Теперь съ вами воевода да дьякъ все то сдѣлають, чего ихъ душа желаетъ: захотятъ съ кашей съѣдать, захотятъ масло спахтають! Позабыли вы пословицу: коль напишетъ дьякъ, такъ ужъ быть тому такъ!

Всѣ понурили головы, сознавая справедливость укоровъ. Наконецъ, одинъ изъ сосѣдушекъ рѣшился подать голосъ въ такомъ родѣ:

— Коли не можешь помочь, Яковъ Омелянычъ, такъ ужъ, значить, на насъ такая кара Господомъ Богомъ послана—такъ тому и быть! А коли можешь помочь, да не хочешь, такъ мы вѣдь чаемъ, что и на тебѣ, старъ человѣкъ, тоже хрѣсть есть!

— То-то, хрѣсть есть! какъ бы смягчаясь, замѣтилъ старый кречеть.— Сами вы по дурости своей напутаете, а я поди за васъ расхлебывай... Да еще вы же мнѣ хрѣсть въ глаза тычете! Надо мной, братъ, тоже скоро хрѣсть-отъ ставить придется, такъ тогда вотъ, каково будетъ отъ васъ моей старухѣ да сынишкѣ...

— Что ты, Яковъ Омелянычъ, да мы, вотъ-те передъ Истиннымъ, заговорили разомъ всѣ «сосѣдушки»,—вотъ-те ей-ей, готовы и женѣ твоей, и сыну все, какъ ты прикажешь!.. Да ты только положи что... не постоймъ ни за чѣмъ... Только вызволи!

— Старъ я, братцы! Тоже изъ семи печей хлѣбъ-то ѣдалъ, такъ меня такъ вабить, какъ глупаго челига, не приходится... Теперь мнѣ съ вами говорить-то не въ моготу больше! Да и умомъ-разумомъ пораскинуть надо. Подумаю о вашемъ дѣлѣ, померекаю... Приходите сегодня по вечеру. Только такъ и знайте, если что путное надумаю, такъ ужъ вы по тому и сдѣлайте... И уговоръ тогда положимъ... А теперь мнѣ съ вами калякать больше не подѣ сляу...

И Яковъ, кряхтя и покашливая, опустился на изголовье, давая тѣмъ знать «сосѣдушкамъ», что аудіенція кончена.

— Придемъ, батюшка, Яковъ Омеляновичъ... Помогай тебѣ Богъ, придемъ по вечеру! заговорили сосѣдушки, отвѣшивая низкіе поклоны и направляясь къ порогу съ облегченнымъ сердцемъ.

— Сказаль, что подумаетъ, померекаетъ, толковали между собою сосѣдушки, сходя съ крыльца избы во дворъ.—А ужъ коли онъ подумаетъ, такъ надумаетъ! Старая, ношенная птица!

V.

Что надумаль Яковъ Омеляновичъ, лежа на печи, кряхтя и ворочаясь подѣ оленьей малицей—объ этомъ онъ никому не сказаль ни слова: ни женѣ, ни сыну. Знаемъ только, что, часа три спустя послѣ разговора съ сосѣдушками, Яковъ Омеляновичъ позваль своего сына, потолковаль съ нимъ о чемъ-

то долго и вразумительно, и передалъ ему свой завѣтный мѣшокъ съ ловушками. А сряду послѣ разговора съ отцомъ, его сынъ снаряжился въ дорогу, навьючилъ мѣшокъ и всякій дорожный запасъ на легкія саночки, запрягъ въ санки бойкую, длинношерстую лошаденку, распростился съ отцомъ, съ матерью и съѣхалъ со двора въ поле задними воротами. Только его и видѣли...

Когда подъ вечеръ подошли сосѣдушки къ дому Якова Омеляновича, калитку имъ отворила его жена, провела ихъ къ мужу и тотчасъ удалилась, плотно притворивши за собою дверь. Сосѣдушки подошли къ печкѣ, гдѣ, еще пуще чѣмъ утромъ, крахтѣлъ, ворочаясь, старый помытчикъ, который теперь показался посадскимъ и крестьянамъ настоящимъ Соломономъ Премудрымъ. Никто и рта не смѣлъ разинуть первый: всѣ ждали отъ него, чѣмъ онъ провѣщится, какъ разрѣшить ихъ загадку.

— Подумалъ я, братцы! сказалъ наконецъ Соломонъ Премудрый,—подумалъ, да вижу голова-то у меня ужъ не прежняя стала...

Сосѣдушки переглянулись между собою съ лукавой улыбочкой, зная, что это только присказка, а сказка-то еще впереди будетъ.

— Подумалъ я... пораскинулъ... Какъ ни кинь, все клинь выходитъ... Дрянъ ваше дѣло.

«И это все не къ дѣлу говорить», сообразили сосѣдушки.

— И вижу я, православные, что дьякъ свое получилъ, и воевода свое получить завтра—этого не

минуете!—А я-то при чемъ буду, братцы, коли васъ изъ бѣды вызволю?..

— Да, что вы, Яковъ Омелянычъ! заговорили посадскіе.—Отъ насъ тебѣ благодарность во какая будетъ. Ничего не пожалѣешь...

— И чего жалѣть! добавили крестьяне.

— Не ты поможешь, такъ все равно насъ дьякъ съ воеводой разуютъ и рубаху съ насъ послѣднюю снимутъ...

— Эхъ, вы! А еще о хрестѣ ономнясь утромъ поминали, еще хрестомъ мнѣ глаза кололи! А теперь думаете, что и я тоже, какъ крапивное сѣмя, какъ строкѣ приказная, васъ раздѣвать да разувать стану? Стѣило бы васъ всѣхъ отсюда за это самое по шеямъ выгнать, а не совѣтъ давать!

— Батюшка, отецъ родной! спохватились сосѣдушки,—да вѣдь намъ ни къ чему! Не прогнѣвись на насъ... Яковъ Омелянычъ! по христіанству помоги...

— Ну, то-то же, по христіанству!.. Такъ вотъ слушайте же, что я вамъ говорить стану—слушайте во всѣ уши. Ничего мнѣ съ васъ не надобно... Изъ бѣды я васъ вызволю...

— Сердечный ты нашъ! Отецъ родной — радѣлецъ!..

— Только одинъ уговоръ... А уговоръ, сами знаете, лучше денегъ!.. Вотъ вы мнѣ сейчасъ передъ образомъ поклонитесь, что вы изъ моей воли ни на шагъ не выйдете...

— Присягнуть готовы! Вотъ тебѣ Никола Угод-

никъ и Знаменье Пречистое, загалдѣли въ одинъ голосъ сосѣдушки, подымая руки къ потемнѣвшимъ иконамъ, передъ которыми въ углу теплились лампады.

— Крестъ цѣлуйте и за себя, и за вашихъ выборщиковъ, чтобы изъ уговора со мною не выйти, безъ спроса моего рукъ ни къ чему не прикладывать, и все то выполнять, что я вамъ прикажу, хоть бы вамъ воевода грозился, что голову съ плечъ вамъ сниметъ и на правежъ васъ до смерти кнутовьемъ забьетъ!..

Всѣ сосѣдушки разомъ, какъ по командѣ, полѣзли за пазуху, вытащили свои деревянные, рѣзные и мѣдные литые кресты и набожно приложили ихъ къ устамъ, проговоривъ:

— Будь противъ насъ сила Животворящаго Креста, коли мы отъ уговору съ тобою отступимъ или изъ воли твоей выйдемъ!

Всѣ понимали, что дѣло идетъ къ благополучной развязкѣ.

Когда крестоцѣлованіе было закончено, Яковъ Омеляновичъ самодовольно провелъ рукою по бородѣ, и сказалъ сосѣдушкамъ:

— Ну, коли такъ, такъ я же вамъ обѣщаю, что все дѣло ваше я поправлю. Въ нонѣшнемъ году не прійдется вамъ больше шести птицъ государю великому промыслить...

— Больше шести?! удивленно переспросили два голоса.

— Ну, да! Аль говорю невнятно? Всего шесть

птиць промыслить — и о тѣхъ не ваша забота! Я вамъ тѣ птицы предоставлю... Только одно впередъ говорю — вамъ прійдется на Москву ходака снарядить.

— Ходака? Да вѣдь, батюшка ты, радѣлецъ нашъ, какъ намъ его снарядить? Мы люди темные, а тутъ грамотенъ человѣкъ нужень... А прознаеть воевода о томъ ходакѣ, въ погонь за нимъ пошлетъ, челобитную отъ него отобрать велить, а насъ батожьёмъ поучить...

— Вы, значить, опять въ свою голову вершить дѣло хотите! громко крикнулъ Яковъ Омеляновичъ. — Молчать! Аль цѣлованье крестное забыли? Коли я говорю, что ходака послать надо, такъ чтобы было! И того ходака я вамъ самъ укажу, а о челобитной не ваша забота.

— Да ты не прогнѣвись, кормилецъ, робко замѣтили «сосѣдушки», — вѣдь на ходака опять деньги скоплять надуть, да и опять же воевода коли прознаеть...

— Я вамъ говорю — не ваша забота! Денегъ никакихъ не надо — ходака отправимъ на счетъ казны государевой; а воеводы бояться нечего, потому онъ самъ того ходака въ сани подсаживать будетъ, да на дорогу-то ему еще пирога за пазуху сунеть!..

Сосѣдушки удивленно и недоувѣрчиво переглянулись между собою. Яковъ Омеляновичъ понялъ ихъ взгляды и поспѣшилъ объяснить:

— Чего переглядываетесь? Небось, думаете, что старый хрѣвъ на печи разумъ проспалъ — говорить

неладное!? Такъ я же вамъ докажу! Я и воеводу, и дьяка по своей дудкѣ плясать заставлю.—Только чуръ! не робѣть! какъ бы они на васъ ни кричали, чѣмъ бы ни грозились, вы все одно твердите: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ,—безъ Якушки Омелянова ничего не смѣемъ, потому онъ здѣсь одинъ помытчикъ, а и тотъ на ладанъ дышетъ!»—Такъ и говорите и до тѣхъ поръ дурака валяйте, пока я велю! А тамъ ужъ я за себя самъ отвѣчу: вашихъ головъ подъ обухъ не подставляю.

— Ну, а какъ станетъ воевода грозить страшнымъ именовъ царскимъ, какъ въ послушники насъ заппшетъ...

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Онъ только потому грозить вамъ можетъ, что вы, какъ курицы мокрая, передъ нимъ крылья опускаете! Знаетъ, что до Бога высоко, а до царя далеко—вотъ и хорохорится. А развѣ же вы не знаете, что если дураками прикинетесь, такъ и послушниками царскими не будете? Что съ дурака возьмешь?—дураку законъ не писанъ.

— Ишь вѣдь какъ складно росписываетъ! невольно сорвалось у одного изъ посадскихъ.—Ну, а какъ же это ты...

— Э-э, братъ! За пазуху ко мнѣ лѣзешь! ска-заль на это Яковъ, хитро прищуривая глаза.—Нѣтъ, погоди! Мое при мнѣ пусть и останется... А на первый разъ вотъ вамъ мой приказъ: завтра, какъ пойдете на поклонъ къ воеводѣ, снесите ему по три алтына съ головы... Теперь его задобрить надо! А

потомъ слоны ему эти алтыны придутся—и всё онъ ихъ намъ воротить съ лихвою. Ступайте теперь по домамъ, да спите спокойно... А объ нашемъ уговорѣ — ни, ни! Никому! Скажите только выборщикамъ, что я взялся дѣло ваше наладить и что вы мнѣ дали на то полную мочь и въ томъ за нихъ крестъ цѣловали.

— Слушаемъ, батюшка, Яковъ Омеляновичъ.

— Да постойте-ка! Сколько бишь, въ прошломъ-то году, Лупка Проскуринъ да Исачка Заборцевъ, вмѣстѣ съ моими, залишнихъ ловчихъ птицъ въ Москву свезли?

— Да всего-то надо было имъ тридцать отвезть, а тутъ благодать такая привалила — 74 птицы добыли; значить 44 птицы залишнихъ доставили...

— А денегъ за нихъ изъ казны государевой и по сей часъ не выдали? насмѣшливо замѣтилъ Яковъ Омеляновичъ.

— Досель не выдали, батюшка!

— А деньги-то у насъ подъ носомъ и по сю пору лежать!

— Какъ же такъ?

— А также! Въ нашихъ старинныхъ грамотахъ именно сказано: «Давать помытчикамъ великихъ государей изъ казны по два рубля за птицу изъ двинскихъ таможенныхъ и Кружечнаго двора доходовъ». А вамъ изъ тѣхъ доходовъ здѣсь не выдали; значить, ваши деньги и теперь въ таможнѣ да на Кружечномъ дворѣ лежать, коли ихъ ужъ воевода не

получилъ оттуда да не подѣлился съ таможеннымъ и съ кружечнымъ старостой!

— Такъ вотъ оно что?.. Какъ же это онъ такъ насъ забижать смѣетъ? Значить, мы должны съ него требовать! Значить, намъ съ него еще 88 рублей сойти должно.

— Поди, требуй! А онъ тебѣ скажетъ—отпишу, моль, въ Новгородскій Приказъ, а тамъ и свалить на московскую волокиту—и ты не одни сапоги сносишь, за своими деньгами ходивши.

«Сосѣдшники» опять растерялись и сообразить не могли, какъ же это—и есть деньги, и получить ихъ нельзя?

— Нѣтъ, братцы, вы объ этихъ деньгахъ теперь и думать забудьте, а вотъ какъ ходока-то своего мы на Москву отправимъ, такъ въ челобитной его и пропишемъ, что противъ прежнихъ старинныхъ грамотъ воевода намъ денегъ не додалъ, а птицы мы тѣ сдали, и на то у насъ есть и видоки, и послухи, и памяти изъ Новгородскаго Приказа на тѣ птицы взяты, въ томъ, что тѣ птицы на Потѣшный дворъ сданы, по росписи, и роспись та въ приказѣ въ столпѣ внесена. Вотъ тогда-то и заплашетъ онъ у насъ... воевода-то! А теперь посулы ему несите, поминками его яо губищамъ-то мажьте! Будетъ и на нашей улицѣ прмонка!

VI.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На другой день выборные, и отъ посадскихъ и отъ крестьянъ, пошли на поклонъ къ воеводѣ, который былъ уже предупрежденъ дьякомъ о ихъ посѣщеніи. Воевода принялъ ихъ привѣтливо, выслушалъ не брюжжа и не ругаясь ихъ словесную просьбу о томъ, чтобы имъ никакихъ притѣсненій и спѣшки по поводу новаго указа не вышло, принялъ отъ нихъ какой-то узелокъ съ вещественными доказательствами ихъ покорства и рабской готовности служить великому государю—и еще разъ посмѣялся себѣ воевода въ бороду.

— Вотъ онъ! Указъ-то! Служить службишку! говорилъ самъ себѣ воевода, ссыпая въ ларецъ принесенные алтыны и гривны, а я-то еще тогда трусу отпраздновалъ, да и на бабу свою осерчалъ! Анъ, смотришь, двухъ дней не прошло, а ужъ съ указа-то мнѣ доходъ, ужъ есть и сынишкѣ на молочишко.

И затѣмъ прошло еще двѣ-три недѣли, въ теченіе которыхъ и обыватели мѣстные были вполне довольны воеводой и воевода былъ доволенъ обывателями. Въ концѣ третьей недѣли мирное теченіе жизни холмогорцевъ было нарушено нѣкотораго рода событіемъ.

Ларька Омельяновъ вернулся въ городъ изъ отлучки и привезъ съ собою шесть ловчихъ птицъ, и въ томъ числѣ одного превосходнаго краснаго кре-

чета. Съ этими птицами онъ явился въ сѣзжую избу вмѣстѣ съ выборными отъ крестьянъ и отъ посадскихъ людей и заявилъ дьяку слѣдующее:

— Былъ я на Терскомъ берегу съ двумя работными людьми изъ Самояди, отъ отца моего, Якушки Омельянова, на кречатій промыселъ посланъ. И 20-го мая, какъ пришли мы на старыя птичьи помчи да пожкнули по птицы, и далъ намъ Богъ, на великаго государя счастье, птицу кречета самаго добраго, а 22-го мая еще двухъ кречетовъ, да трехъ челиговъ. И всѣ тѣ шесть уловныхъ птицъ прошу принять для отсылки на Москву къ великому государю.

— А какъ же я ихъ отъ тебя приму, куда я ихъ дѣну? сердито огрызнулся дьякъ.—Уловилъ, такъ и держи ихъ у себя до случая. Пока напишемъ, да намъ отпишутъ—времени не мало пройдетъ.

— Ты мнѣ отписку дай, что уловныхъ птицъ отъ меня принялъ и что тѣ шесть птицъ тебѣ доставлены въ цѣлости.

— Это зачѣмъ?

— А зачѣмъ, что я у себя этой птицы самовольно держать не могу: эта птица на великаго государя изловлена, и если съ нею что приключится—я могу быть въ отвѣтѣ.

— Не дамъ я тебѣ никакой отписки... Убирайся!

— Не дашь? Такъ вотъ у меня и видоки есть, что я тебѣ тѣхъ птицъ принесъ и доставилъ, и тутъ ихъ тебѣ въ сѣзжей избѣ и покину... Что хочешь, то съ ними и дѣлаешь—да самъ за нихъ передъ государемъ и отвѣтъ несешь! Такъ ли, братцы?

— Такъ, такъ, Ларюшка, такъ! отозвались въ одинъ голосъ всѣ посадскіе и крестьяне.

Дьякъ подумаль, подумаль, а затѣмъ, какъ бы испытывая бойкаго парня, сказалъ:

— Ну, а если я отъ тебя тѣхъ птицъ не приму?

— Не принять не можешь, Автономъ Ильичъ. По нашимъ стариннымъ помытчичьимъ грамотамъ я тебѣ въ приказной избѣ птицу на великаго государя объявить долженъ, а ты ее отъ меня принять долженъ. А потомъ, какъ примешь на великаго государя птицу, ты мнѣ ее сдать на руки долженъ для уходу и для прокорму до указа государева.

— Дана какія же ты это старинныя грамоты слылаешься? Я такихъ грамотъ и въ глаза не видалъ...

— А на тѣ грамоты, которыя намъ, сокольнымъ да кречатымъ помытчикамъ, еще великимъ княземъ Василюмъ Ивановичемъ даны—отцомъ Грознаго царя. И тѣ грамоты у насъ хранятся и батька тѣ грамоты наизусть знаетъ.

Задумался дьякъ. «Ишь!» думаетъ, «чертенокъ какой выдался: изъ молодыхъ да ранній!»

— Погодите вы здѣсь—и съ птицами... Я схожу къ воеводѣ—его спрошу.

Пошелъ дьякъ къ воеводѣ. Переглянулись между собою посадскіе и крестьяне: «клюеть», значить, «выгораетъ дѣло».

Вернулся дьякъ хмуренъ. Швырнувъ шапку на столъ, говорить:

— Воевода приказалъ принять птицъ на великаго государя и отписку тебѣ выдать.

Свѣль, написалъ отписку, подалъ Ларькѣ Омелянову; а тотъ отписку взялъ, пробѣжалъ глазами, да и говоритъ:

— Я такой отписки отъ тебя, Автономъ Ильичъ, принять—воля твоя—не могу.

— Какую же тебѣ еще?..

— Да тутъ у тебя писано, что принялъ шесть птицъ ловчихъ, а какихъ и не сказано. А птица—птицѣ розъ! Этой цѣна 2 рубля, а этой казенная цѣна 3 рубля.

— Да ты развѣ грамотный? съ досадою спросилъ дьякъ.

— Грамотѣ у соловецкихъ отцовъ обучень.

— «А будь имъ пусто! Плодятъ грамотныхъ намъ на горе!» подумалъ дьякъ.—Какъ же тебѣ отписку писать?

— А вотъ изволь выписать, что принялъ отъ меня одного кречета красного, молѳдика, да двухъ кречетовъ подкрасныхъ, дикомытей, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, молѳдиковъ, да одного челига кропленого, молѳдика же.

Дьякъ написалъ. Ларька просмотрѣлъ его росписку и потребовалъ, чтобы выборные къ ней положили руки.

— Ну, а теперь какъ укажешь съ птицами быть, и кому ходить за ними, и кому ихъ кормить? обратился Ларька къ дьяку.

— А мнѣ какое дѣло! По мнѣ, кто хочетъ, тотъ и корми!

— Нѣтъ, Автономъ Ильичъ, такъ-то нельзя, за-

говорили въ одинъ голосъ выборные. — Ты отъ Ларьки на государево имя птицъ принялъ; тебѣ теперь съ воеводою объ нихъ и забота. Мы за нихъ отвѣчать не можемъ.

— Куда-жь я ихъ приму? Развѣ я помытчикъ или сокольничій—я къ птицамъ и приступиться не умѣю! Несите ихъ къ помытчику—къ Якушкѣ Омелянову.

— Якушка Омеляновъ на ладанъ дышетъ—не до птицъ ему ужъ теперь! отвѣчали въ одинъ голосъ выборные.—А другіе помытчики всѣ въ разгонѣ... на промыслахъ.

— Такъ кто же птицъ кормить и держать станетъ до указа государева?

— Да некому больше, какъ Якушинову сыну—вотъ ему, Ларюшкѣ Омелянову.

— Ну, коли нѣкому больше, такъ что же вы ко мнѣ лѣзете? Ему и отдайте.

— Не можемъ мы отдать—теперь эта птица на великаго государя отписана, такъ ей только господинъ воевода распорядиться можетъ; опять же и насчетъ корму...

— Что насчетъ корму?

— Имъ теперь, государевымъ ловчимъ птицамъ, кормъ отъ казны долженъ быть положенъ. А корму имъ сходитъ по положенію—гнѣздо голубей на кречета, да полгнѣзда на челига; а гдѣ голубей не будетъ, въ голубей мѣсто, за два гнѣзда голубей по двое вуровъ имать на день.

Дьякъ бросилъ съ досады перо на столъ, даже

позабывъ его отщелкнуть, схватился за шашку и крикнулъ:

— Ступайте за мной къ воеводѣ!

Пошли за дьякомъ выборные, понесли съ собою и птиць государевыхъ; поплелся за ними и Ларюшка.

VII.

Придя во дворъ къ воеводѣ, выборные съ Ларюшкой и съ птицами остались въ сѣняхъ, а дьякъ вошелъ въ комнату къ воеводѣ.

Какъ разъ въ это время Тихонъ Григорьевичъ только что собирался за столъ садиться. Супруга его уже и настойку его любимую передъ нимъ поставила; онъ уже и чарочку въ руки взялъ, какъ вдругъ голова дьяка показалась въ дверяхъ...

Выборные въ сѣняхъ не слышали, что докладывалъ дьякъ, но тотчасъ послѣ доклада дьяка услышали голосъ воеводы, который обрушился на дьяка съ такою грозой, что и въ сѣняхъ вчужѣ дрожь пробирала. Затѣмъ дверь распахнулась настежь и самъ воевода, всею своею тучною особою, выкатился въ сѣни со сжатыми кулаками, съ молніями во взорахъ. Онъ уже открылъ ротъ, готовясь осыпать пришедшихъ отборнѣйшею бранью, какъ вдругъ Ларюшка выступилъ впередъ, поклонился воеводѣ въ поясъ и произнесъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Мы къ твоей милости, по дѣлу государеву.

— Ка...а...къ? Что такое... Что? по какому го...судареву дѣлу? крикнулъ оторопѣвшій воевода.

— Да вот тутъ птицы государевы ловчія, всѣхъ счетовъ шесть, которыя мнѣ радѣніемъ уловлены и въ государеву казну приняты—такъ кому ты ихъ кормить и содержать прикажешь до указа государева?

— Кому же, какъ не государевымъ кречатьиимъ помытчикамъ! рывкнулъ воевода.

— Нѣтъ ихъ здѣсь, государь, ни единого. Одинъ только Якушка Омельяновъ, загорланили выборные,—да и тотъ немочень, почитай, на ладанъ дышетъ...

— Что же мнѣ за дѣло! Кто хочетъ, тотъ и корми!

— Мы, государь, ихъ кормить не умѣемъ — мы государевы тяглецы, а не помыкальщики.

— А я-то что же? Помыкальщикъ, что ли, вамъ достался? заревѣлъ воевода, страшно разгнѣванный на то, что тотъ приходъ выборныхъ отбивалъ его отъ настойки и горячихъ щей.

— Государь все милостивый! вкрадчиво вступилъ дьякъ,—они говорили мнѣ, что нѣкому больше здѣсь птицъ на кормъ поручить, какъ только Ларькѣ Омельянову, Якушкину сыну.

— Ну, пусть его и кормить, и ухаживаетъ за ними! рѣшилъ воевода, лстя себя надеждою на то, что этимъ дѣло и кончится.

— Готовъ я ту птицу государеву на прокормъ и на всякое береженье принять, сказалъ Ларюшка,—только я безъ писаной грамотки ихъ принять не могу; безъ писанаго приказа, значить. {

— Дьякъ! напиши ему приказъ...

— Да ужъ кстати, государь, и на кормъ тѣмъ птицамъ прикажи кормовыя деньги по положенью выдать...

— Это еще что! Какое тамъ положеніе! опять за-гремѣлъ воевода. — Да какъ ты, холопъ, смѣешь?.. Да ты ихъ долженъ кормить! Самъ недоспи, недо-ѣшь, — а ихъ корми!

— И радъ бы кормить, да они шей да каши ѣсть не стануть... Имъ нужно ежедѣнь свѣжее убойное птичье мясо давать... А гдѣ же я его возьму — его купить надо! А по положенью...

— О какомъ ты смѣешь говорить положеніи! Кто его выдумалъ?..

— Не моги такъ говорить, государь; то положеніе въ нашихъ старинныхъ грамотахъ прописано. И въ нихъ именно сказано, что государевымъ уловнымъ птицамъ давать въ день — по гнѣзду голубей на кречета, да по полугнѣзду на челига; а гдѣ голубей не будетъ, въ голубей мѣсто, за два гнѣзда голубей имать по двое куровъ на день.

— Ну, ты ихъ и корми по положенію; а какъ придетъ указъ государя, что съ тѣми уловными птицами дѣлать, въ то время тебѣ за прокормъ и уплатится, проговорилъ воевода, стараясь примирительнымъ тономъ и согласіемъ на требованіе поскорѣе отдѣлаться отъ докучнаго дѣла.

— Гдѣ же мнѣ кормить ихъ! Я человекъ бѣдный; я и такъ ужъ изловилъ тѣхъ птицъ на великаго государя на своихъ проторяхъ, безъ всякаго госуда-

рева жалованья и помочи, да еще я же ихъ и корми... Нѣтъ, воля твоя, не могу.

— Такъ вы должны на кормъ птицамъ государевымъ выдать деньги! обратился воевода къ выборнымъ.

— Мы люди бѣдные, государь, гдѣ же намъ экую силу денегъ взять! Вѣдь это, почитай, по алтыну на день выйдетъ. Экой тягости взять на себя не можемъ!

— А въ грамотахъ нашихъ именно сказано, вступился Ларюшка, — кормъ на кречеты государевы въ городахъ имать у воеводъ и приказныхъ людей, а по станамъ у ямскихъ охотниковъ и у крестьянъ.

— Провались ты со своими грамотами! заревѣлъ въ изступленіи воевода и ногами затопалъ.

Но сколько онъ ни кричалъ, сколько ни топалъ ногами, выборные и Ларюшка, понимая выгоды своего положенія, отвѣчали ему только одно:

— Твоя воля, государь, а мы той тягости на себя принять не можемъ.

А Ларюшка прибавлялъ:

— Нѣтъ отъ тебя птицамъ корму, при тебѣ и птицы государевы; при тебѣ и отвѣтъ за нихъ, коли имъ что приключится.

Пришлось воеводѣ согласиться на требованіе Ларюшки и выборныхъ. Онъ отдалъ приказъ дьяку написать на имя Ларьки Омельянова грамоту и по той грамотѣ сдать ему птицъ государевыхъ на прокормъ и на береженье; а на покупку имъ корму приказалъ изъ таможенныхъ и Кружечнаго двора сборовъ выдавать ему же, Ларькѣ, по пяти алтынъ на день, впредь до полученія указа государева.

VIII.

На другой же день воевода, крайне обеспокоенный тѣмъ, что на его отвѣтственности содержатся и кормятся въ Холмогорахъ шесть ловчихъ птицъ государевыхъ, приказалъ позвать къ себѣ дьяка и велѣлъ ему написать, прямо на имя государево, бумагу слѣдующаго содержания:

«Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 168 году, мая въ 20-й день, пришелъ съ кречатья промысла, кречатья помытчика сынишко Ларька Омеляновъ и въ стѣзжай избѣ объявилъ намъ, холопямъ твоимъ, шесть птицъ кречетовъ и челиговъ; а ходилъ тотъ Ларька Омеляновъ собою, на своихъ проторяхъ, и птицъ помкнулъ на старыхъ птичьихъ пдмчахъ, и уловилъ своимъ радѣніемъ одного кречета красного, самаго добраго, да двухъ подкрасныхъ, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, да одного челига кропленнаго. И съ тѣми птицы, кречеты и челиги, oprичъ того Ларьки Омелянова, водиться и кормить было некому—и велѣлъ я тѣхъ птицъ отдать ему для береженья и корму. И ты, великій государь, насъ, холопей своихъ, пожалуй, вели тѣ уловныя птицы отпустить къ себѣ, великому государю, къ Москвѣ и подѣ тѣ птицы дать подводы и на подводы прогонныя деньги и птицамъ кормъ».

Но заботы воеводы о птицахъ государевыхъ не кончились съ отправкою этой грамоты.

Каждый день утромъ онъ посылалъ въ домъ къ Якушкѣ Омелянову справляться о здоровьѣ тѣхъ

птиць и успокоивался только тогда, когда ему приходили докладывать, что «государевы птицы, Божію милостію, здоровы». А тутъ еще какъ-то прослышалъ воевода, что птицы плохо привыкають къ ручному корму, такъ сталъ иногда къ Якушкѣ и по вечерамъ посылать, справляться о птицахъ — «ѣдятъ ли»? И только тогда засыпалъ спокойно, когда ему доносили, что «государевы птицы, Божію милостію, ѣсть приобыкли».

Но не прошло и недѣли, какъ явилась новая забота у воеводы: Якушка Омеляновъ заявилъ ему черезъ сына, что «государевыхъ птицъ нельзя везти въ Москву на простыхъ подводахъ», а нужно для нихъ приготовить особые болчки (т. е. возки или крытыя повозки) и въ тѣхъ болчкахъ устроить имъ мѣста, «какъ прежь сего велось». На устройство болчковъ и мѣста требовались матеріалы: сукно сермяжное, гвозди и ремни. Распорядиться такимъ важнымъ дѣломъ воевода не рѣшался самъ, такъ какъ на него требовалась затрата рубля въ два: нужно было испросить на это разрѣшеніе великаго государя черезъ Новгородскій Приказъ, потому что, въ противномъ случаѣ, эти два рубля могли быть взысканы приказомъ съ самого воеводы. И вотъ, вслѣдъ за первой грамотой, отправлена была вторая, къ думному дьяку, завѣдывавшему Новгородскимъ Приказомъ, которая гласила слѣдующее:

«Новгородскаго приказа дьяку Григорію Филипповичу Нарышкину двинскій воевода Тишка Голозовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, въ 168 году

далъ Богъ на великаго государя 6 птицъ кречетовъ и челиговъ, и о тѣхъ птицахъ, мая въ 31-й день, великому государю отъ меня, холопа твоего, писано; а тѣ птицы сданы для береженья и корму сынишкѣ кречатыя помыкальщика Ларькѣ Омельянову, и тотъ Ларька ежедень въ сѣзжей избѣ словесно сказываетъ, что-де тѣ государевы птицы, кречаты и челиги, Божією милостію, здоровы и ѣсть приобыкли; а кормить-де ихъ Ларька, тѣхъ государевыхъ птицъ, своимъ кормомъ, свѣжимъ убойнымъ, чистымъ мясомъ. И для провозу тѣхъ птицъ къ Москвѣ, буде великій государь повелитъ, болчковъ и мѣсть построить нечѣмъ, а надобно-де къ тѣмъ болчкамъ на строенье сукна бѣлаго сермяжнаго, и гвоздья, и ремня, чѣмъ тѣмъ птицамъ государевымъ, въ болчкахъ мѣста устроить, какъ прѣжь сего велось. И о томъ, по указу великаго государя, что ты укажешь?»

Случилось, что эти обѣ грамоты двинскаго воеводы пришли на Москву какъ разъ въ то время, когда на государевой кречатнѣ околѣлъ любимый государевъ красный кречетъ Сѣкачъ, и молодой царь, прослышавъ о томъ, что въ Холмогорахъ «уловленъ красный кречетъ самый добрый», немедленно приказалъ себѣ оттуда этого кречета добыть и велѣлъ съ другими птицами къ Москвѣ доставить.

Полетѣлъ скорый гонецъ въ Холмогоры, привезъ воеводѣ царскій указъ—переслать уловныхъ птицъ къ Москвѣ «безъ всякаго мотчанья».

Засуетился воевода. Приказалъ собрать въ сѣзжую избу выборныхъ отъ уѣздныхъ крестьянъ, и

отъ посадскихъ людей, и спросить ихъ, съ кѣмъ ему тѣхъ «уловныхъ государевыхъ птицъ» отправить, кому на руки деньги на кормъ ихъ и прогоны на подводы выдать. Отвѣчали ему въ одинъ голосъ выборные: — Тѣ птицы некому къ Москвѣ везти, опричь Ларьки Омелянова, потому всѣ другіе кречатьи помытки въ разгонѣ, а отецъ его, Ларькинъ, на ладанъ дышетъ. А въ подмогу Ларькѣ изъ добрыхъ посадскихъ людей и изъ крестьянъ дать двоихъ выборныхъ.

Воевода сначала было затруднялся, какъ отправить въ Москву съ птицами молодого парня помимо старшихъ кречатьихъ помытниковъ; но выборные основательно ему замѣтили, что птицы у него все время на рукахъ были и изъ рукъ его ѣсть приобыкли, да притомъ онъ и отъ отца своего птичьему разумѣнію обученъ — и воевода долженъ былъ сдаться на ихъ доводы.

Когда выборные пришли къ Якову Омеляновичу объявить объ этомъ рѣшеніи воеводы, старый кречеть какъ-то особенно легко и быстро поднялся на печи и, ухмыляясь лукаво, оскалилъ свои бѣлые, крѣпкіе зубы.

— Что, братцы? Не правду ли я вамъ сказывалъ, что у насъ ходокъ по нашему дѣлу найдется? Вотъ онъ ходокъ-то! Ларюшка мой: да онъ же и грамотный... Приходите сегодня вечеромъ, онъ вамъ и челобитную напишетъ... Вотъ оно что значить, какъ если съ воеводой-то говорить «по грамотамъ» — да «по положенью»!

— Что и говорить, Яковъ Омелянычъ! Супротивъ грамотъ да супротивъ положенія никакой воевода не устоитъ! Твоимъ разумомъ наше дѣло поправляется... Дай тебѣ Богъ здоровья!

— А то взяли вы, сдѣру-то, сами на себя какую обузу набухали! Чѣмъ бы выслушать указъ да въ ноги бы воеводѣ бухнуть: «Отецъ, молю, милосердый, пощади людей бѣдныхъ! не можемъ, молю, больше тридцати птицъ давать на годъ!» — а тогда-то бы ему и сунуть... А они словно кречеты въ тетерью ловушку попались!.. Сразу и указъ подписали, и ни за что, ни про что, еще дьяку съ воеводой посулы отдали! Тьфу, прости Господи...

— Да ужъ ладно, ладно, не кори, сосѣдушка! На тебя надежда... Съумѣлъ ты воеводу на этихъ птицахъ по своей дудкѣ плясать заставить, съумѣешь и челобитную написать.

— Ну, ладно, ладно! Приходите вечеромъ, напишемъ, авось?

Сосѣдушки распрощались и удалились въ сопровожденіи Ларюшки, который долженъ былъ ихъ оберечь отъ собакъ и проводить до калитки; а старый помытчикъ все ухмылялся себѣ въ бороду и потиралъ руки съ видимымъ удовольствіемъ.

Когда же Ларюшка вернулся въ избу, Яковъ Омеляновичъ весело глянулъ на него острыми сѣрыми глазами и проговорилъ:

— Ну, Ларюшка, счастье тебѣ само въ руки дается! Смотри, не просни его — проспишь, не вортишь!

IX.

Ближній стольникъ государя и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ съ утра поднался пасмуренъ: дурной сонъ ему привидѣлся и всю ночь до разсвѣта не давалъ ему покою. Только онъ отъ него очнется, перекрестится и сомкнетъ глаза, какъ тотъ же сонъ опять представляется ему, какъ наяву... И видится ему, что самъ великій государь ходитъ по кречатнѣ на Ваганьковѣ въ великомъ гнѣвѣ, и водить его, Матюшкина, за-воротъ и кажетъ ему на кречати и соколы стулья, и Матюшкинъ съ ужасомъ видитъ будто на всѣхъ этихъ стульяхъ, вмѣсто любимыхъ царскихъ соколовъ и кречетовъ, и челиговъ, сидятъ простыя сороки, вороны и галки, въ птичемъ большомъ нарядѣ — въ клубучкахъ, расшитыхъ серебромъ по червчатому бархату, въ обносцахъ и должникахъ, тканыхъ съ золотомъ волоченышъ; и на хвостахъ съ колокольцами серебряными. И кричитъ великій государь на Матюшкина гнѣвнымъ голосомъ: «Гдѣ ты дѣвалъ моихъ любимыхъ ловчихъ птицъ? да какъ ты дерзнулъ на эту падалъ! вздѣтъ птичій большой нарядъ. Эй, подсокольникій, возьми его, закуй его въ желѣза»... И вотъ, какъ разъ на этихъ самыхъ «желѣзахъ» сонъ каждый разъ обрывался, и Матюшкинъ просыпался измученный тягостными впечатлѣніями сновидѣнія, которое такъ страшно расходилось съ дѣйствительностію... Аѳанасій Ивановичъ

приходился великому государю двоюроднымъ братомъ (по матери), вмѣстѣ съ нимъ выросъ во дворцѣ и провелъ всю юность, и уже лѣтъ десять занималъ высокое положеніе ловчаго, слѣдовательно, завѣдывалъ и лѣтнею, и зимнею государевой охотой и, раздѣляя съ нимъ страсть къ охотѣ во всѣхъ видахъ, былъ ему самымъ надежнымъ и преданнымъ товарищемъ въ охотничьемъ дѣлѣ.

— «Недобрый сонъ!» думалъ про себя Аѳанасій Ивановичъ, поднимаясь съ постели и спѣшно натягивая легкій стеганный кафтанъ, обшитый пластинами изъ сѣрой мерлушки.

— «Недобрый сонъ!» вертѣлось въ головѣ у Аѳанасія Ивановича въ то время какъ слуга поливалъ ему голову струею студеной воды изъ серебрянаго рукомойника надъ серебряной лоханью; и Аѳанасій Ивановичъ потряхивалъ своими черными кудрями, такъ что брызги летѣли во всѣ стороны.

— «Не въ добру этотъ сонъ!» продолжалъ твердить про себя Аѳанасій Ивановичъ въ то время, какъ другой слуга съ низкимъ поклономъ подавалъ ему расшитый шелковый убрूसъ, а третій стоялъ наготовѣ съ зеркаломъ и рѣзнымъ костянымъ гребнемъ.

И Аѳанасій Ивановичъ сталъ припоминать впечатлѣнія вчерашняго дня, въ которыхъ, очевидно, слѣдовало искать разгадки этому недоброму и тягостному сну.

Впечатлѣнія эти были очень непріятны. Вчерашнее посѣщеніе государевой кречатки на Ваганьковѣ много напортило крови Аѳанасію Ивановичу.

Онъ нашелъ вездѣ и во всемъ большіе безпорядки, не засталъ на кречатнѣ начальнаго сокольника второй статьи, который, какъ оказалось, уже второй день находился въ отлучкѣ. Само собой разумѣется, что коли начальникъ отлучился, то и подначальные ему, рядовые сокольники, тоже не оказались на своихъ мѣстахъ, и за птицами приходилось присматривать рядовымъ сокольникамъ другихъ статей... А отъ этой путаницы и въ другихъ статьяхъ были неурядица и запущенія.

— «Вѣдь вотъ, кажется, только на недѣлю я изъ Москвы отлучился», думалъ Аванасій Ивановичъ, — «и то по государеву же дѣлу ѣздилъ, а ужъ они вотъ чего накуралесили. И птицы не на мѣстахъ, и кормъ не тотъ... И большыя птицы сидятъ рядомъ со здоровыми, и молодыя — со старыми... И другъ на дружку сокольники пыхтятъ и злятся, — рады товарища въ лужѣ утопить! И Хомяковъ-то тоже хорошъ: во всемъ на подсокольничьихъ полагается. А они вотъ какъ его слушаютъ!»

И Матюшкинъ припоминалъ, какъ онъ вчера разнесилъ весь этотъ людъ, поставленный надзирать и ухаживать за государевымъ птичьимъ царствомъ; какъ вдругъ услышалъ топотъ коня по мостовой двора и выглянулъ въ окно, выходившее на дворъ изъ опочивальни. У надворнаго крыльца двое слугъ высаживали изъ сѣдла старшаго подсокольничаго — Петра Семеновича Хомякова.

— «А! вотъ онъ и самъ ко мнѣ пожаловалъ», проговорилъ про себя Матюшкинъ, — «надо будетъ

ему здѣсь-то, на досугѣ да наединѣ, голову еще-таки намылить! Чай опять съ какими нибудь оправданіями да увертками пріѣхаль?.. »

— Эй, кто тамъ?! Проводите ко мнѣ Петра Семеновича въ садъ, къ сажалкѣ—я тамъ буду.

И, накинувъ сверхъ кафтана фѣрязь темно-синяго цвѣта, съ темнымъ бархатнымъ откиднымъ воротомъ и серебряными застежками, Матюшкинъ вышелъ въ садъ изъ опочивальни. А садъ былъ чудесный, старинный, тѣнистый — съ вѣчнымъ шумомъ и шелестомъ высокихъ, вѣтвистыхъ вязовъ, липъ, кленовъ и дубовъ, съ вѣчными птичьими пересвистами и пѣніемъ, съ чуднымъ ароматомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ... Особенно теперь, въ раннюю утреннюю пору, въ саду было такъ хорошо, что даже и у Аванасія Ивановича полегчало на сердцѣ, когда онъ прошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ по саду до сажалки или прудочка, и опустился на скамью, въ тѣни развѣсистой старой рябины.

— Ишь какъ жужжать! проговорилъ онъ, прислушиваясь къ гудѣнью пчелъ, шмелей и осъ въ вѣтвяхъ рябины, — словно бы лѣту середина! А у насъ ужъ сентябрь на дворѣ!

Позади рябины послышались спѣшные шаги, и высокій, стройный мужчина, въ кафтанѣ свѣтло-зеленаго сукна съ золотой оторочкой и плетеными нашивками на груди, подошелъ съ поклономъ къ Аванасію Ивановичу.

— Здравствуй, Петръ Семеновичъ! произнесъ ему навстрѣчу Матюшкинъ. — По здорову ли?

— Живъ и здоровъ по Божіей милости, батюшка Аванасій Иваповичъ! Къ тебѣ чуть-свѣтъ поспѣшилъ...

— Уже опять не оплошкою ли вашей что на кречатнѣ учинилось? съ досадою и безпокойствомъ перерылъ Хомякова Матюшкинъ, взглядывая въ открытое и добродушное лицо старшаго подсокольничаго.

— Поспѣшилъ съ письмомъ государевымъ...

— Съ письмомъ?! сказалъ Матюшкинъ, волнуясь и протягивая руку за письмомъ. — Когда получено?

— Сегодня, въ первомъ часу дня изъ-подъ Колоязина стадный конюхъ сюда пригонилъ, прямо къ намъ, на Ваганьково.

Матюшкинъ поднялся со скамьи, принялъ отъ Хомякова письмо правою рукою, приложилъ его къ груди и почтительно наклонилъ голову. Затѣмъ бережно взломилъ печать и сталъ пробѣгать строку за строкою, между тѣмъ какъ Хомяковъ стоялъ передъ нимъ безъ шапки и внимательно слѣдилъ глазами за выраженіемъ лица своего начальника.

— Великій государь изволить писать, что онъ изволить прибыть къ концу будущей недѣли въ село Коломенское, и намъ всѣмъ туда вѣдѣть быть со всею его государевою птичьею охотою, а до той поры августа по 24-е число съ тою птичьею охотою ѣздить по вся дни...

Хомяковъ хотѣлъ было вставить слово, но Матюшкинъ, съ особеннымъ удареніемъ, продолжалъ читать государево письмо:

... «Да и то молвь Петру, чтобы самъ людей пѣ-
 часту днемъ и ночью смотрѣлъ, всѣ ли тутъ, да и
 самъ ты смотри ихъ пѣ-часту: да прикажи и то ему:
 котораго не будетъ, и онъ бы на смерть съѣкъ ба-
 тоги; да чтобы у нихъ бережно было и пьяныхъ бы
 не было, а за пьянство бы на смерть били».

И Матюшкинъ глянулъ на Хомякова, какъ бы
 желая выразить взглядомъ: понимаешь ли ты это! а?
 А затѣмъ продолжалъ:

«Да ты-жъ писалъ съ сокольникомъ съ Аеонькой
 Кельнымъ: Мурату кречету есть легче, а какую бо-
 лѣзнью боленъ былъ, того къ намъ не пишешь; а про
 Алая пишете, что есть ему легче, и къ намъ о томъ
 вы не писывали, что онъ боленъ и чѣмъ боленъ?»

«А будетъ вашимъ небреженіемъ, Адаръ или Му-
 рать, или Сгрѣлай, или Лихачъ, или Салтанъ,
 умрутъ — и вы меня и не встрѣчайте; а сокольни-
 ковъ всѣхъ велю кнутомъ перепоротъ; а если убе-
 режете, и васъ милостиво пожалую, и сокольниковъ
 такъ же пожалую».

Матюшкинъ бережно сложилъ письмо, положилъ
 его за пазуху и опустился на скамью.

Хомяковъ попрежнему стоялъ молча, ожидая во-
 просовъ и рѣчей своего начальника.

— Что ты на это письмо скажешь, Петръ Семе-
 новичъ? Послѣ вчерашняго-то моего дозора? ска-
 залъ наконецъ сокольничій.

— Воля великаго государя казнить насъ и ми-
 ловать! уклончиво отвѣчалъ Хомяковъ.

— Это все такъ—да ты и свое приложи? Я то-

бой недоволенъ, Петръ Семеновичъ! Грозы отъ тебя твоимъ подначальнымъ мало! На что же тебѣ и дана полная ночь?

— Одной грозой не возьмешь, батюшка Аванасій Ивановичъ! Всего батогами не сдѣлаешь—коли въ людяхъ совѣсти нѣтъ. Вѣдь въ одинъ-то клинъ бить надо такъ, чтобы клинъ не разбился... а наше дѣло такое мудреное, что иногда не знаешь, какъ съ нимъ и быть!.. Грозою-то въ ино время такъ испортить дѣло можно, что потомъ и не поправишь! За лишнюю грозу тѣ же рядовые сокольники такого мнѣ дѣла надѣлать могутъ, что я и головы на плечахъ не сношю... Самъ изволишь знать, что я все при дѣлѣ! И день смотрю, и ночь смотрю— да гдѣ же за всѣмъ усмотришь? Вѣдь у меня, oprичъ всего остального, до 3,000 однихъ ловчихъ птицъ на рукахъ! Здѣсь на Ваганьковѣ, да въ Коломенскомъ, да въ Семеновскомъ на Потѣшномъ дворѣ... А другой-то запасной птицы что? Однихъ голубей какая сила,— до 100,000 гнѣздъ! А тутъ, только царь отлучился съ Москвы— и пошло все наизнанку... Только по та и порядокъ держится, какъ самъ великій государь не въ походѣ и есть опаска, что онъ нагрянеть.

— Что же, по-твоему, дѣлать намъ, чтобы твоихъ сокольниковъ на умъ наставить?

— Да коли ты моего совѣта спрашиваешь, Аванасій Ивановичъ, такъ я по моему разуму одно сказалъ бы: обновлять людей надо бы... не давать имъ, чтобы жирѣли, на одномъ мѣстѣ сидя... Самъ знаешь, что и соколъ, коли дать ему засидѣться да

много тѣла ему набавить, какъ разъ зажирѣеть и добычу забудеть... Вотъ такъ-то и наши сокольники! Они и противъ жильцовъ, и противъ стремяныхъ конюховъ, люди пожалованные, и денежными жалованьями, и помѣстьями, и вотчинами! Пьютъ и ѣдятъ все царское: вотъ и зажрались...

— Кто же тебѣ мѣшаетъ! Мѣняй ихъ, ищи людей, обучай, сажай на мѣста! Я развѣ тебѣ учиню въ томъ помѣху?

— Скоро сказка сказывается, Аэзасій Ивановичъ, да не скоро дѣло дѣлается! Ну, самъ посуди, гдѣ же мнѣ съ ними тягаться? Вѣдь ихъ у меня подъ началомъ 100 человекъ, а я одинъ за всѣхъ въ отвѣтъ. Теперь они вонъ между собою и грызутся, и ногу другъ дружкѣ подставляютъ, а подика, тронь я одного—всѣ на меня бросаются... Да и то тебѣ вѣдомо, что если бы я кого и спихнулъ съ мѣста, онъ пойдетъ во дворецъ, да черезъ родню-то свою на заднихъ переходахъ, черезъ тѣгокъ да сестеръ, да черезъ истопничихъ, да черезъ постельницъ, на меня же такую бурю подниметь, что самъ великій государь его обратно на кречатню принять велить! А мнѣ выговаривать станеть.

Матюшкинъ сознавалъ вполне правоту словъ Хомякова и самъ не зналъ, что бы придумать такое, что могло бы облегчить неравную борьбу съ распущенною и своевольною дворцовою челядью.

— Коли такъ, сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь со скамьи и положила руку на плечо Хомякова,— такъ мы же съ тобою отнынѣ положимъ, да на томъ

и великому государю челомъ битъ будемъ: чтобы на убылыя мѣста—со стороны людей искать и сажать, и беречь... А если кто по третьей винѣ попался, того съ мѣста гнать и на мѣсто ни въ какомъ разѣ не ворочать!

Хомяковъ съ нѣкоторымъ недоумѣемъ посмотрѣлъ на Матюшкина, который понялъ его взглядъ и сказалъ рѣшительно:

— Я же тебѣ крестъ цѣлую, что буду въ своемъ словѣ твердъ! А теперь сейчасъ поѣдемъ съ тобою опять на Ваганьково, тѣхъ же больныхъ птицъ провѣдать, о которыхъ государь въ письмѣ пишетъ. Хотя въ ихъ животѣ и смерти Богъ воленъ, а все надо намъ и себя оберечь, и имъ все на пользу сдѣлать, чтобы государю-батюшкѣ скорбно не было, какъ встрѣчать его станемъ.

Х.

Государевъ Потѣшный дворъ въ селѣ Ваганьковѣ подъ самую Москву представлялъ собою громадную, богатѣйшую усадьбу, на обширномъ пространствѣ застроенную высокими, прочными сараями—въ два жилья, очень похожими, по внѣшнему виду, на сушила кожевенныхъ заводовъ. И верхнія, и нижнія жилья этихъ сараевъ, освѣщенныхъ поперечными прорѣзными окнами, въ видѣ широкихъ щелей, были заняты сотнями соколовъ, кречетовъ, челиговъ и ястребовъ, которые входили въ составъ

огромной государевой птичьей охоты. У каждой изъ этихъ птицъ былъ свой стулъ или сидѣнье (нашесть); къ стулу она была привязана дольникомъ, пропущеннымъ въ кольца кожаныхъ, подбитыхъ сукномъ, онучекъ, которыя плотно обхватывали лапу ловчей птицы и назывались обножцами или обносками. Лучшія, обученныя, старыя ловчія птицы государевы сидѣли даже въ особыхъ, довольно просторныхъ и свѣтлыхъ чуланахъ, а любимыя птицы государевы въ отдѣльныхъ, большихъ и богатыхъ клѣткахъ. Все было устроено богато и удобно и на широкую ногу—для всего были отдѣльные углы и помѣщенія: и для больныхъ птицъ, и для молодыхъ, еще не обученныхъ и дикихъ, и для корму, и для запасной снасти. На чердакѣ, подъ высокими кровлями со множествомъ слуховыхъ оконъ, вѣчно гуляли и ворковали несмѣтныя стаи голубей, которыхъ на Потѣшномъ дворѣ тщательно разводили и воспитывали; ихъ свозили сюда цѣлыми обозами со всей Россіи, чтобы пропитать и насытить государству ловчую птицу.

Рядомъ съ этими обширными сараями, которые и составляли собственно кречатню государеву, тянулись жилия избы для сокольниковъ, для служни, для конюховъ и возчиковъ, которые исключительно заняты были ежедневною доставкою запасовъ для кречатни съ государева Житнаго дворца. Въ особыхъ флигеляхъ, по четыремъ угламъ двора, помѣщались четверо старшихъ или начальныхъ сокольниковъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ свою особую

статью (или отдѣлъ) вратни. У самыхъ воротъ Потѣшнаго двора стояли нарядныя хоромы или такъ называемая передняя изба, въ которой помѣщался самъ подсокольничій, Петръ Семеновичъ Хомяковъ. Здѣсь же, въ нижнемъ жильѣ, происходили и всѣ тѣ церемоніи, которыми сопровождалось возведеніе рядового сокольника въ начальные сокольники; здѣсь происходили приемы и встрѣчи государя во время его частыхъ пріѣздовъ на Потѣшный дворъ и угощеніе начальныхъ и рядовыхъ сокольниковъ жалованными государевыми «столами». По другую сторону воротъ помѣщалась дьячья изба, въ которой скрипѣли перьями подъячіе подъ начальствомъ старшаго «верхового подъячаго сокольнаго пути», который завѣдывалъ всею обширною письменною отчетностью государева Потѣшнаго двора. Рядомъ съ дьячьей избой помѣщался въ другой избѣ «сокольнаго пути казначей», который завѣдывалъ обширною и разнообразною движимостью государева птичьяго царства. Въ его вѣдѣніи состояли огромныя кладовыя, примыкавшія къ его избѣ и тщательно-охраняемыя день и ночь вооруженною стражею. Въ этихъ кладовыхъ, въ величайшемъ порядкѣ и бережи, сохранялись «птичьи рядовые наряды» и запасный матеріалъ для ихъ постоянной починки и пополненія; «птичьи большіе наряды», расшитые и затканые золотомъ, низанные жемчугомъ и усаженные драгоценнымъ камнемъ; рядовые наряды сокольниковъ и большіе наряды ихъ изъ цвѣтнаго сукна съ золотыми и серебряными нашивками;

нарядныя рукавицы, расшитыя золотомъ, горностаевыя шапки, серебряныя рожки, нарядныя перевязки, вабила, вошаги, тулунбасы. И рядомъ съ этимъ драгоценнымъ запасомъ — цѣлыя горы веревокъ, сѣтей, всякихъ дудочекъ и сопѣлочекъ для приманки птицъ, всевозможныхъ силковъ, опрометовъ, западней, тайниковъ и другихъ снастей для ловли птицъ всѣхъ породъ, всѣхъ размѣровъ и сортовъ.

Весь Потѣшный дворъ былъ обнесенъ высокими и здоровыми тыномъ, и всѣ входы и выходы въ немъ день и ночь тщательно охранялись стражей, которая не смѣла допускать во дворъ ни одного посторонняго человѣка. Всѣ сокольники, особою присягою, обязывались хранить въ глубокой тайнѣ все, что на государевой кречатнѣ совершалось и происходило: не даромъ же вся птичья охота государева находилась въ вѣдѣніи Приказа Тайныхъ Дѣлъ! Только самому государю, да Матюшкину съ Хомяковымъ было извѣстно то, что вершалось и строилось въ стѣнахъ Потѣшнаго двора на Баганьковѣ, откуда ввозились сюда ловчія птицы, какъ онѣ здѣсь обучались и куда отсюда развозились.

Одинъ изъ иноземныхъ пословъ, удостоенный отъ великаго государя особою милостью, добился того, что ему были показаны шесть любимыхъ кречетовъ царя Алексѣя Михайловича. Посоль, польщенный вниманіемъ государя, рѣшился было задать Матюшкину вопросъ: «Гдѣ такіе великіе и славные кречеты добываются?» Матюшкинъ только молча смѣрилъ

посла глазами, таинственно приложилъ палецъ къ устамъ и сухо отвѣтилъ:

— Тѣ великіе и славные кречеты добываются во владѣніяхъ нашего великаго государя.

И дѣйствительно, тотъ, кто переступалъ черезъ порогъ Потѣшнаго двора, вступалъ въ предѣлы какого-то особаго, таинственнаго птичьяго царства, въ которомъ на все были свои законы, свои обычаи, обряды, порядки, приемы, даже свой особый языкъ, недоступный простому смертному. Онъ видѣлъ себя въ кругу людей, которые весь свой вѣкъ, отъ ранней юности до глубокой старости, проводили среди тысячной стаи хищныхъ птицъ, то кормя, то обучая ихъ, то напуская на добычу, то приманивая ихъ и руководя ихъ движеніями на высотѣ, едва доступной глазу, при помощи птичьихъ свистовъ и птичьихъ криковъ, при посредствѣ сигнальныхъ звуковъ рожка или бубна... Эти люди, отдѣленные отъ остального міра толстымъ тыномъ своего Потѣшнаго двора, окруженные тайною и привыкнувшіе зорко охранять свою жизнь отъ посторонняго, нескромнаго взгляда, подъ конецъ такъ сжились между собою, такъ тѣсно свыкались съ подчиненными имъ пернатыми хищниками, что уже и между собою научилась объясняться на какомъ-то особомъ языкѣ, который состоялъ изъ рѣзкихъ, рокошующихъ и свистящихъ звуковъ, изъ загадочныхъ словъ, болѣе напоминающихъ птичій языкъ, нежели говоръ разумнаго человѣка—царя вселенной.

— Врели горь сотьло? спрашивалъ старшій со-

кольникъ подсокольничаго передъ началомъ охоты.

— Сшай даръ, съ невозмутимою важностью отвѣчалъ ему подсокольничій.

— Дарыкъ чапу врестилъ данъ, говорилъ подсокольничій, обращаясь къ своимъ поддатнямъ, которые держали лично ему порученныхъ кречетовъ, и первый изъ поддатней подавалъ ему лучшаго изъ кречетовъ.

— Дрыганса, говорилъ подсокольничій, и первый изъ его поддатней подносилъ ему крыло съ кускомъ голубинаго мяса, которымъ подсокольничій, непременно изъ своихъ рукъ, кормилъ своихъ кречетовъ.

XI.

Когда Аванасій Ивановичъ Матюшкинъ съ Петромъ Семеновичемъ Хомяковымъ, часа два спустя послѣ известной намъ бесѣды, подъѣхали верхами на своихъ игреневыхъ иноходцахъ къ воротамъ Потѣшнаго двора, сторожевой сокольникъ, стоявшій у воротъ дневальнымъ, затрубилъ въ рогъ, извѣщая сокольниковъ всѣхъ статей о приѣздѣ ихъ начальника «государева ловчаго и сокольничаго». Громко откликнулись рога сокольниковъ во всѣхъ концахъ обширнаго сокольничьяго городка. Всѣ сторожевые сокольники въ рядовомъ нарядѣ, въ стеганныхъ кожаныхъ шапкахъ и лосиныхъ рукавицахъ, съ рогомъ черезъ плечо и съ длиннымъ ножомъ за поясомъ, высыпали къ воротамъ. Старшій изъ начальныхъ сокольниковъ, Парентій Яковлевичъ Таба-

линь и верховой подъячій Василій Ботвиньевъ, появились на порогѣ дьячьей избы и отвѣшивали приѣзжимъ низкіе поклоны, между тѣмъ какъ четверо сокольниковъ держали ихъ иноходцевъ подъ уздцы и помогали имъ спѣшиться.

— Здравствуйте, сокольники! крикнулъ Аванасій Ивановичъ, сойдя съ коня и кланяясь всѣмъ общимъ, привѣтливымъ поклономъ.

— Здравствуй и ты, господинъ нашъ сокольничій! браво крикнули сокольники, между тѣмъ какъ Матюшкинъ всходилъ на крыльцо дома Хомякова и подзывалъ къ себѣ Табалина и Ботвиньева.

— Парентій Яковлевичъ! обратился Матюшкинъ къ старшему, сѣдому и почтенному начальному сокольнику.— Каково ты въ своей статьѣ птицами государевыми промысляешь?

— Промысляемъ, батюшка Аванасій Ивановичъ, какъ великій государь приказалъ: всякому кречету пускаемъ по четыре осорья въ недѣлю, да на коршака по дважды каждаго кречета спускаемъ; а въ другорядъ даемъ ему ставокъ пять-шесть сдѣлать, а разметываться ему широко не даемъ... Тотчасъ его назадъ вѣбимъ...

— Чтобы тѣла у кречетовъ не убавить, пояснилъ Хомяковъ Матюшкину,— потому великій государь любитъ своихъ кречетовъ въ тѣлѣ видѣть.

— А какъ въ тѣлѣ-то будетъ—не забудетъ ли добычи?

— Нѣтъ, ужъ мы такъ на корму наводимъ, чтобы не отяжелѣли очень, продолжалъ Табалинъ, мягко

развода руками.—А своихъ кречетовъ къ государеву приходу готовимъ, а челигами своими также промышляемъ и на дикое напускаемъ, чтобы ихъ ввалить въ молодежь...

— А честе ли проку-то въ молодежи?

— Въ Бояринѣ, да въ Беляѣ, да въ Ковачѣ—чаемъ проку, Аѳанасій Ивановичъ. Нечай—тотъ ужъ и къ вабилу теперъ хорошо летитъ; и Паледь челигъ, коли изволишь помнить, добываетъ добръ добро, а вотъ Салтанъ—тотъ глупенець...

— А изъ Сѣвскихъ соколовъ, вступился Хомяковъ,—одного, котораго государь «Другомъ» назвалъ, я ужъ даже кlobучечить сталъ, и ваблю его, и ворочаю. Къ государеву приѣзду готовъ будетъ—и важный изъ него соколъ вышелъ!

— Сѣвскимъ-то соколамъ государь изволилъ всѣмъ имена назначить, и они у меня въ росписъ государевой ловчей птицы внесены, замѣтилъ Ботвиньевъ,—а какъ укажешь, батюшка Аѳанасій Ивановичъ, насчетъ послѣдней присылки, что съ Холмогоръ кречеты да челиги присланы?

— А у кого же они на рукахъ, Петръ Семеновичъ? обратился Матюшкинъ къ Хомякову.

— Пока еще никому не сданы на руки, и ни въ чью статью не вписаны,—безъ государя не сѣтемъ. Какъ великій государь повелитъ имъ имена дать, тогда и самъ укажетъ, котораго въ которую статью вписать. А есть тамъ между ними красный кречеть—красавецъ на-даво!

— А кто же за ними ходитъ?

— Да ужъ по наряду назначаемъ изъ каждой статьи на день, сказалъ Хомяковъ, — чай самъ изволишь знать, что лишнихъ людей у насъ нѣтъ. Едва успѣваемъ по утрамъ съ ними въ поле выѣхать. И съ большими птицами съ ногъ сбились... Теперь у насъ ихъ до сотни наберется...

— Какъ разъ въ это время Ботвиньовъ, стоявшій позади Хомякова, нагнулся къ нему низко и сказалъ вполголоса:

— А не забылъ ли ты нашего челобитчика, Петръ Семеновичъ?

— Да вотъ кстати сказать, батюшка Аѳанасій Ивановичъ. Какъ ты изволилъ быть въ отлучкѣ, навязался тутъ къ намъ одинъ паревѣкъ, изъ холмогорскихъ помытчиковъ, ежедѣнь къ намъ ходитъ, въ ногахъ валяется, проситъ, чтобы мы ему дозволили государеву больную птицу легчить. Мы ужъ его какъ ни отваживали, а онъ все свое да свое. А какъ прослышалъ, что ты вернуться изволилъ — слезно молитъ твои ясныя очи видѣть.

— Гдѣ же онъ? Можетъ, онъ и точно намъ пригоденъ будетъ?.. сказалъ Матюшкинъ.

— Сегодня ужъ съ утра здѣсь! отозвался Ботвиньевъ, — въ дьячьей избѣ дожидается.

— Позвать его сюда! Посмотримъ, что за человекъ?

Ботвиньевъ ушелъ и вернулся черезъ минуту въ сопровожденіи двухъ дюжихъ сокольниковъ, между которыми шествовалъ высокій и стройный парень лѣтъ 25, въ сермяжномъ армякѣ, подтянутомъ ремнемъ.

Какъ ввели парня въ переднюю Хомякова, такъ онъ и повалился въ ноги Матюшкину:

— Батюшка-бояринъ, не прикажи казнить — прикажи слово молвить!

— Кто ты такой? Откуда?

— Холмогорскаго кречатя помытчика, Якушки Омельянова, сынишко, Ларька Омельяновъ. Мы тамотка изстари, холопишки государевы, въ кречатыхъ помытчикахъ состоимъ... И теперь я сюда отъ воеводы холмогорскаго съ государевыми птицами присланъ.

— Что ты врешь? Развѣ же не было тамъ постарше тебя помытчиковъ, что съ тобою птицъ отравили...

— Не было, бояринушка! Мой-то отецъ и старше всѣхъ, да, почитай, на ладанъ дышетъ — съ печи другой годъ не слѣзаетъ; а другіе-то помытчики, что постарше меня, всѣ по промысламъ разметались... А я къ ловчей птицѣ отцомъ еще съ измальства приученъ — всѣ ея повадки знаю...

— Что же тебѣ до меня за нужда? спросилъ Ларюшку Матюшкинъ, которому начинало приглядываться умное и открытое лицо парня, не смѣтруя на то, что парень былъ видимо смущенъ присутствіемъ вельможи. — Говори скорѣе, да толкомъ!

— Батюшка-бояринъ! Изобижены мы совсѣмъ — разорены въ конецъ! Смилуйся! Я на кречатій промыселъ ходилъ собою, на своихъ проторяхъ и радѣніемъ своимъ помкнулъ шесть кречетовъ и челиговъ, и тѣ птицы со мною къ великому государю къ Мо-

сквѣ присланы и въ Новгородскій Приказъ сданы въ цѣлости... А великаго государя жалованья и помощи, противъ великаго государя указа, мнѣ въ Холмогорахъ ничего не дано и нынѣ на Москвѣ за тѣмъ дѣломъ волочатъ... Пить-ѣсть нечего! Не дай, бояринъ, въ конецъ погнуть.

И Ларюшка еще разъ поклонился въ ноги Матюшкину и разсыпалъ у ногъ его по полу свои свѣтлорусыя кудри.

— Вотъ и все такъ! съ досадою проговорилъ Матюшкинъ, обращаясь къ Хомякову, — указы даны, а исполнять ихъ некому!

Затѣмъ, обращаясь къ Ларюшкѣ, онъ сказалъ строго:

— Если ты мнѣ солгалъ и меня обманулъ — берегись! Я добьюсь правды! А отчего же тамъ, въ Холмогорахъ, воевода денегъ не отдастъ?

— Воевода намъ уже второй годъ денегъ за уловную птицу не платитъ... Говоритъ: въ Москвѣ получите! А какъ сюда пріѣдутъ помытчики съ птицей, здѣсь, въ Новгородскомъ Приказѣ, и говорятъ имъ: «намъ до васъ дѣла нѣтъ! Требуйте съ воеводы — онъ вамъ заплатитъ изъ таможеннаго да изъ Кружечнаго двора сборовъ». А воевода-то нашъ и въ прошломъ-то году намъ за 44 уловныхъ птицы денегъ не заплатилъ... Вотъ тутъ и челобитная у меня къ великому государю отъ всѣхъ нашихъ посадскихъ, да отъ крестьянъ! Пожалуй, намъ, бояринушка, прикажи намъ тѣ деньги выплатить, противъ нашихъ

жалованных грамотъ, чтобы напередъ, своей братаей кречатниками изобижену не бы...

Матюшкинъ принялъ челобитную отъ Ларюшки, пробѣжалъ ея глазами и, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Я тутъ сдѣлать ничего не могу: это дѣло мнѣ не вмѣстно. Однако, я прикажу дѣло разсмотрѣть и скажу о немъ государю, только ты такъ и знай: если ты дерзнулъ великаго государя неправымъ дѣломъ тревожить, я тебя отправлю къ Варварѣ на расправу *); а если твое дѣло правое — не сдобровать будетъ и воеводѣ...

— Спасибо, бояринушка, на милостивомъ словѣ!

И Ларюшка еще разъ стукнулъ лбомъ о полъ.

— А правду ли говорили мнѣ, будто ты берешься легчить птицъ государевыхъ отъ всякой лихой болѣсти?

— Правда, бояринъ!

— Чѣмъ же ты легчишь? Какими снадобьями?

Ларюшка провелъ рукою по кудрямъ, почесалъ за ухомъ и съ нѣкоторою опаскою и верѣшительностью сказалъ:

— Этого я тебѣ, бояринъ, сказать не могу...

— Какъ не можешь! Ты, можетъ, чарами какими или заклятьями легчишь!

— Не приведи Господи! Мы, помытчики государевы, съ нечистымъ не знаемся... А только не могу сказать, потому что отцомъ на то зарокъ положенъ!

*) Т. е. на Варварскій крестецъ, гдѣ находилась главная московская тюрьма.

сказать, потому что отцовъ на то зарокъ положёнъ!

— Какой зарокъ?

— А такой, что онъ отъ дѣда перенялъ и никому, oprичъ меня, не передалъ; а я тоже— только сыну передать могу... Я въ томъ отцу крестъ дѣловаль—не прогнѣвись, бояринъ!

Это окончательно расположило Матюшкина въ пользу Ларюшки. Онъ улыбнулся на его слова и, обращаясь къ Хомякову и Табалину, сказалъ:

— Ни дать, ни взять, какъ въ нашей присягѣ сокольничьей: «обѣщаюсь во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть...»

Хомяковъ и Табалинъ одобрительно покачали головами.

— Ну, коли такъ, сказалъ Матюшкинъ, поднимаясь съ своего мѣста,—такъ я тебя поручаю под-сокольничему... Петръ Семеновичъ! Попробуй этого парня на дѣлѣ — точно ли онъ въ птичьихъ болѣстяхъ и недугахъ смыслить... Да смотри за нимъ въ оба! Никуда его отсюда, безъ моего приказа, не выпускать! Сначала дай ему, Петръ Семеновичъ, двухъ птицъ на руки; а коли вылегчить, допусти къ остальнымъ. Ступай—да держи ухо востр! Помни, что ты съ государевой птицей водиться будешь!

Ларюшка поклонился и вышелъ опять въ сопровожденіи тѣхъ же сокольничихъ; за нимъ слѣдомъ вышелъ и Табалинъ. Когда дверь за ними захлопнулась, Матюшкинъ передалъ челобитную Ботвиньеву и сказалъ:

— Розыщи и разслѣдуй это дѣло въ Новгород-

скомъ Приказѣ; провѣрь и по нашимъ записямъ, чтобы къ приѣзду государеву у тебя всѣ справки были наготовѣ. Дѣло вопіющее и для царскаго имени зазорное!

Ботвиньевъ поклонился и вышелъ.

— Вотъ ты говорилъ мнѣ сегодня утромъ о новыхъ людяхъ, Петръ Семеновичъ! мнѣ этотъ парень очень приглянулся: смысленъ и толковъ, и упряжка поморская въ немъ есть... Коли онъ, точно, окажется намъ годенъ, смотри же, поддержи его—не дай нашимъ старымъ псамъ его на посмѣхъ да на растерзаніе.

XII.

Всѣ тѣ десять дней, которые еще оставались до приѣзда государева, на Потѣшномъ дворѣ, на Ваганьковѣ кипѣла такая дѣятельность, шли такія спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ государевой, къ переѣзду «красной и славной птичьей охоты государевой» въ село Коломенское, что у непривычнаго, сторонняго человѣка могла бы голова пойти кругомъ. Съ самаго ранняго утра раздавались во всѣхъ четырехъ «статяхъ» звонкіе призывы рожковъ, сокольники суетились и бѣгали по птичьимъ сараямъ и партія за партіей выѣзжали изъ воротъ Потѣшнаго двора, рассыпаясь по окрестностямъ для упражненія ловчихъ птицъ въ «напускъ» и «въ добычѣ». Со старыми «вѣшенными» соколами и кречетами сокольники уѣзжали за нѣсколько верстъ отъ двора,—въ заповѣдныя государевы поля и болота;

а съ молодыми и недоученными располагались на полянахъ, около самаго села, выпускали нутъ летать на веревкѣ и учили слетать къ вабѣлу или бросаться сверху на живую приманку.

Вся окрестность оглашалась звуками рожковъ и бубенъ, звонкими охотничьими окликами и криками, топотомъ бѣшеной скачки вслѣдъ за ловчею птицею и громкой командой начальныхъ и первыхъ сокольниковъ. Матюшкинъ уѣзжалъ на охоту съ сокольниками первыхъ двухъ статей, съ готовыми птицами; Хомяковъ неутомимо слѣдилъ за упражненіемъ двухъ вторыхъ статей, занимавшихся обученіемъ и подготовкою птицъ молодыхъ. Въ то же самое время въ различныхъ углахъ Потѣшнаго двора шла чистка, мытье и уборка; въ кладовыхъ перебиралась, перетряхивалась, подновлялась вся сокольничья «сбруя» и всѣ «птичьи» и «сокольничьи» наряды. Всѣ знали, что царь Алексѣй Михайловичъ, на цѣлый мѣсяцъ отлучившійся изъ Москвы на богомолье, тотчасъ по возвращеніи изволить посѣтить свой Потѣшный дворъ, осмотрить его во всѣхъ подробностяхъ, а затѣмъ ужъ, конечно, весь сентябрь мѣсяцъ проведетъ на своей любимой птичьей потѣхѣ. Въ этихъ-то видахъ «государево птичье царство» и готовилось показать себя въ полномъ блескѣ, а поставленные надъ нимъ ближніе государевы люди и любимцы, Матюшкинъ и Хомяковъ, изъ силъ выбивались, чтобы доставить государю, къ пріѣзду его, какъ можно больше радости и удовольствія.

Когда подь вечерь возвращались съ поля одна за другою охотничьи партіи, весь дворъ во всѣхъ закоулкахъ гудѣлъ разговорами и росказнями о подвигахъ ловчихъ птицъ различныхъ статей.

— Вы гдѣ нонечь ѣздили? спрашивалъ одинъ сокольникъ у другого.

— Поѣхали отвѣдывать на Васильевъ прудъ. Такъ двое-то, изъ молодежи, летѣли высоко гораздо, да еще не слазять—къ уткамъ.

— А мы, между Суцова и Напруднова, наѣхали на Прыскъ, а въ камышахъ-то тамъ: свѣязи, щилохвѣсти, чирята—сила силой. Такъ Есаула какъ спустили — безмѣрно хорошо леталъ! — да высмотрѣлъ одно утѣ, палъ на нее, и какъ по шеѣ мѣкнетъ! Богъ ты мой! она разъ десять перекинулась... Стрѣлить хотѣли... Почаяли, что худо заразишь, анъ смотримъ: у нея и кишки вонъ, а онъ ужъ и сидитъ на ней... Богатый соколъ!

— А мы въ Тверскихъ поляхъ рыскали и тамъ Парентьевой статьи кречетъ Нечай добылъ коршака, и добывалъ добрѣ-добро и ходко! А подь Введенскимъ старымъ челигомъ тѣшились: добылъ двѣ совки—въ великомъ верху! Съ одною совкою было съ 15 ставокъ, и росшибъ ее вверху, такъ что упала безъ вѣдома!

— Ну, нѣтъ, у насъ не то! Все съ дикомытjami бились—еще глупы; вабили ихъ съ вервью, а безъ верви-то и не летять, и не ворочаются...

И среди этого говора во всѣхъ углахъ слышались голоса начальныхъ сокольниковъ, которые то

наставляли, то распекали свою братію, подначальныхъ или рядовыхъ сокольниковъ. Когда же шумъ и гамонъ на Потѣшномъ дворѣ затихаль и всѣхъ статей птицы и ловцы были дома и на мѣстахъ, начальные сокольники собирались въ хоромы Хомякова, сообщали ему свои отчеты и наблюденія, и получали приказанія на слѣдующій день. Матюшкинъ, который до пріѣзда государева рѣшився не съѣзжать съ Потѣшнаго двора, тоже присутствовалъ при этихъ вечернихъ пріемахъ и подтверждалъ распоряженія Хомякова своимъ вѣскимъ словомъ.

Въ этихъ хлопотахъ и приготовленіяхъ прошло дней восемь. До выступленія государевой птичьей охоты въ село Коломенское оставалось уже не болѣе двухъ дней, и Матюшкинъ былъ озабоченъ только тѣмъ, чтобы повсюду разослать надежныхъ людей и черезъ нихъ строжайшіе приказы—не допускать не только въ заповѣдныхъ мѣстахъ, но и по всѣмъ окрестностямъ Москвы птичьей посторонней охоты и беречь птицъ для «красной и славной потѣхи государевой».

— Пошли сказать въ Коломенское, — приказывалъ Митюшкинъ Хомякову, — чтобы тамъ никто не ѣздилъ и не травилъ бы ни утокъ, ни орлаковъ. И въ Голенищевѣ вели сказать приказчику патриаршему, чтобы берегли всякую птицу: а про Хвильскія и Хорошевскія болота приказать Петрункѣ Жидовскому, что если кто изъ охотниковъ птицу всякую прежде государя выѣздитъ, такъ онъ у меня не порадуется!

И сокольничій государевъ задумался, припоминая, не позабыль ли еще какихъ распоряженій...

Хомяковъ и всѣ начальные сокольники стояли кругомъ стола, у котораго сидѣлъ Матюшкинъ, и выжидали его словъ. Вдругъ онъ спохватился и, обратясь къ Табалину, сказалъ:

— А вѣдь вотъ главнаго-то я и не припомнилъ! Парентій Яковлевичъ, а что-жъ нашъ дохтуръ? Легчить ли соколовъ и кречетовъ больныхъ?

— Виновать я передъ тобой, батюшка Аванасій Ивановичъ! спохватился старый сокольникъ. — Въ хлопотахъ-то нашихъ я и запамятовалъ доложить тебѣ о паренкѣ-то этомъ... Толковый вѣдь онъ!.. Въ недѣлю-то онъ ужъ никакъ съ полсотни птицъ намъ на ноги поставилъ!..

— Что ты? Да развѣ же ты ему всѣхъ сдалъ на руки?

— Нѣтъ, я сначала сдалъ только пару, какъ ты приказывалъ... Да вижу потомъ, что онъ ихъ живо оправилъ — и сталъ просить меня:

— «Давай, молъ, больше: заодно легчить»...

— Вотъ я и винюсь передъ тобой, что безъ твоего приказа птицъ передалъ ему...

— Коли онъ, точно, ихъ вылегчилъ, такъ въ чемъ же ты винишься?

— Да все же не порядкомъ я сдѣлалъ...

— И что же, скажи пожалуй — государевы-то кречеты: Адаръ, Мурать, Стрѣляй, Салтанъ — тѣ какъ?

— Здоровы (лишь бы не сглазить!) — и Лихачъ,

и Булатъ — здоровы же и всё ѣсть стали попрежнему! Коли вздохнуть еще денекъ-другой — сажай на рукавицу, да въ поле съ ними выѣзжай...

Матюшкинъ развелъ руками и обвелъ сокольниковъ изумленнымъ взглядомъ.

— Да что ж онъ? Ужъ и, точно, не колдунъ ли какой? Вѣдь вы же ихъ легчить пытали?

— Пытать-то пытали, батюшка, да не съ того конца за дѣло брались, съ улыбкой замѣтилъ старый сокольникъ.

— Какъ же онъ-то дошелъ? Что-жъ онъ такое дѣлалъ съ ними?

— Да вотъ мы всё четверо между собою совѣщались, сказала Табалинъ, указывая рукою на товарищей, начальниковъ другихъ «статей», и положили легчить больную птицу той персидской мазью, что, изволишь помнить, года съ два тому назадъ, намъ бухарець-сокольникъ продалъ? Стали мазать, а птицамъ что ни день, то хуже!.. Отъ кормовъ отстали, клювами лапы себѣ въ кровь деруть — до живого мяса... Что ты будешь дѣлать?

— Ну! а онъ-то какъ же?

— А онъ этой мази не взялъ, потому, говорить, это «снадобе бусурманское». Спросилъ воды въ тазахъ, да льду велѣлъ съ погреба припести — и заперся въ чуланъ съ птицами, съ Салтаномъ, да съ Адаромъ.

— Съ любимыми-то государевыми кречетами?

— Съ любимыми, Аванасій Ивановичъ! И ужъ какъ я за нихъ трясса... у дверей чулана стоючи...

Всю-го душу онъ у меня вымоталъ! Слышу: водой плещеть и птицъ въ воду окунаеть... А онѣ только: крр... крр... Значить — отраднo имъ! Вотъ я ножомъ-то скважину и прочистилъ; думаю: дай погляжу! Пожалуй, еще нашептываетъ на воду-то или сыплеть въ нее чего? И вижу, — онъ съ обонихъ кречетовъ и обносцы, и долгики снялъ, на стулахъ нарядъ ихъ покинулъ, а кречетовъ самихъ поставилъ въ два таза, въ ледяную воду, да ковшикомъ ту воду черпаетъ и поливаетъ на нихъ. А тѣ стоятъ въ водѣ по грудь и не шелохнутся, что хошь съ ними дѣлай... Такъ-то поливалъ ихъ, поливалъ, да слышу шепчетъ что-то... Я уши насторожилъ, да только и могъ разслышать: «Мать Пресвятая Богородица...» да «ороси насъ милостью, великою благостью»... да «преподобные угодники соловецкіе»... Ну, тутъ ужъ и отошло у меня отъ сердца-то! Ужъ это какое же колдовство — это молитва!.. Такъ-то, батюшка! А на другой день тоже онъ съ ними, утромъ и вечеромъ, въ чуланѣ запирался... Я ужъ — ничего! Смотрю, на третій день птицамъ-то легче: видъ бодрый, взоръ этакой ясный, голову высоко несутъ — и ѣсть стали жадно. Ну, тутъ я ему ужъ и не побоялся другихъ-то птицъ отдать...

Матюшкинъ выслушалъ рассказъ Табалина внимательно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дивныя дѣла, господа сокольники! сказалъ онъ, поглядывая на всѣхъ присутствующихъ. — Невѣдомо откуда какой безусый, безбородый выискался, да насъ, бородатыхъ, уму-разуму научилъ. А

какъ бы ты думалъ, Петръ Семеновичъ, и вы, начальныя? Вѣдь парень-то толковый — недурно бы намъ его при Потѣшномъ дворѣ оставить?

Сокольники молча переглянулись между собою, какъ бы выжидая, чтобы выискался ктонибудь пошлѣе, да сказалъ бы свое слово первый. Съ минуту продолжалось неловкое молчаніе, въ теченіе котораго Хомяковъ поглядывалъ на Матюшкина съ улыбкой... Глаза его ясно высказывали его мысль:

— Изволишь, молъ, видѣть, какъ они рады новому-то человѣку?

Но Матюшкинъ не успѣлъ дожидаться отвѣта отъ сокольниковъ. У воротъ раздался звукъ рожка, возвѣщавшаго о прибытіи какого-то поздняго гостя. Всѣ переглянулись.

— Что бы это значило? Такъ поздно? Кто бы это? воскликнулъ Матюшкинъ.

— И въ такую темь! Вѣдь зги не видно! отозвался Хомяковъ, приподнявъ окно и выставляя голову въ надворье.

Двое молодыхъ сокольниковъ направились къ воротамъ за вѣстями... Потѣшный дворъ, давно уже наглухо запертый, былъ въ эту вечернюю пору ни для кого недоступенъ.

Но сокольники вернулись и доложили впопыхахъ, что скорый гонецъ присланъ государемъ изъ похода съ вѣстью къ господину сокольничему.

Черезъ минуту въ комнату введенъ былъ и этотъ гонецъ въ ѣздовомъ платьѣ, съ ногъ до головы покрытый густымъ слоємъ пыли.

— Что скажешь? Откуда ты великимъ государемъ посланъ?

— Великій государь отсюда за два стана. На разсвѣтѣ будетъ слушать раннюю обѣдню въ Алексѣевскомъ селѣ; приказалъ сказать тебѣ, стольнику и ловчему московскому, Аеанасію Ивановичу Матюшкину, что онъ, великій государь, въ Коломенское село ѣхать не изволить, а изъ Алексѣевского раннимъ утромъ пожалуетъ прямо сюда, на свой Потѣшный государевъ дворъ, не заѣзжая въ Москву.

Всѣ встрепенулись и вытянулись, ожидая приказаній ловчаго и сокольничаго.

— Спасибо за добрую вѣсть, сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ гонцу, — рады мы видѣть пресвѣтлыя очи великаго государя. Накормить гонца, да добрый оловянный медъ ему!

— Ну, Петръ Семеновичъ, сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ Хомякову и старшимъ сокольникамъ, когда гонецъ вышелъ съ младшими сокольниками, — намъ сегодня, пожалуй, спать и не придется? Всѣ по мѣстамъ! къ разсвѣту чтобы было все готово для встрѣчи батюшки-царя!

XIII.

На другое утро, въ седьмомъ часу дня, весело и звонко затрубили рога на Потѣшномъ дворѣ, навстрѣчу поѣзду государеву, приближавшемуся къ воротамъ со стороны Троицкой дороги отъ села Алексѣевского. Какъ бы привѣтствуя государя,

встрепенулись во всеѣ дворѣ тысячи ловчихъ птицѣ на своихъ стулахъ, помахивая крыльями и бряцая колокольцами въ отвѣтъ на веселые звуки рожка и грохкіе, радостные клики сокольниковъ. И птицы, и сокольники какъ бы чуяли, что возвращеніе царя и ихъ возвратитъ къ новой, шумной жизни, къ тревогамъ «красной и славной птичьей потѣхи», къ приволью полей и шири поднебесной, къ раздолью лѣсовъ и мокрыхъ луговинъ по берегамъ излучистой рѣчки, къ лихимъ «напускамъ» и «ставкамъ» на высотѣ, едва доступной человѣческому оку — тамъ, гдѣ только «солнце свѣтитъ да кречеть гуляетъ», какъ говорится объ этомъ въ одной татарской пѣснѣ.

Ларюшка не участвовалъ въ этомъ общемъ взрывѣ радости при встрѣчѣ царя-охотника на Потѣшномъ дворѣ. Въ дальнемъ углу дальняго сарая онъ сидѣлъ съ своими большими птицами и ухаживалъ за ними со всеѣмъ усердіемъ, занятый только одною мыслію — какъ бы ему угодить тому боярину Матюшкину, передъ которымъ все эти сокольники, и рядовые, и начальные, стояли на вытяжку. Ему, непривычному къ московскимъ порядкамъ и отношеніямъ, этотъ сокольниковій государевъ представлялся идеаломъ величія — человѣкомъ на верху власти и силы, для котораго нѣтъ и не можетъ быть ничего невозможнаго.

Любимою и самою смѣлою мечтою Ларюшки, за время его пребыванія на Потѣшномъ дворѣ, — являлось желаніе угодить Матюшкину настолько, чтобы заслужить отъ него благодарность, получить

удовлетвореніе по челобитной и прогону на обратный путь въ Холмогоры. Далѣе этого не простирались желанія Ларюшки, и онъ, при помощи опытности и знанія, унаслѣдованныхъ отъ отца, — добился того, что дней въ десять поставилъ на ноги около семидесяти птицъ изъ той сотни больныхъ соколовъ, кречетовъ и челиговъ, которые были ему сданы на руки Табалинымъ. Но Табалинъ не обмолвился передъ нимъ ни единой похвалою, и Ларюшка оставался въ томъ же положеніи не то полоняника, не то заключеннаго, которое онъ занялъ съ самаго прихода на Потѣшвыи дворъ. Матюшкинъ при немъ приказалъ: «смотри́ть за нимъ въ оба! Никуда его безъ приказа не выпускать!» И за Ларюшкой смотрѣли «въ оба», запирали его на замокъ съ большими птицами, а когда онъ выносилъ изъ своего угла здоровыхъ птицъ и сдавалъ ихъ Табалину, о-бокъ съ нимъ всюду, какъ тѣни, ходили тѣ же два дюжихъ сокольника и, подводя къ какимъ-то запертымъ дверямъ, говорили: «обожди здѣсь, — туда нельзя!» — я одинъ изъ нихъ шелъ о немъ докладывать. И тѣмъ же путемъ, тѣ же сокольники отводили его назадъ и снова запирали съ большими птицами впередъ до прихода Табалина или другихъ трехъ начальныхъ.

Къ самой вѣсти о приѣздѣ государя, которая была неожиданною новостью даже для Матюшкина и Хомякова, Ларюшка былъ вовсе не подготовленъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его держали подъ замкомъ на Потѣшномъ дворѣ, никто не прсмолвилъ съ нимъ ни единого

слова и онъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о жизни «государева птичьяго царства», которая совершалась около него, но внѣ сферы его наблюденія. Каждое утро онъ только слышалъ рожки, вызывавшіе партіи охотниковъ «въ отъѣзжее поле», слышалъ топотъ коней при отъѣздѣ партій, да нѣсколько громкихъ окликовъ на незнакомомъ ему, таинственномъ языкѣ сокольниковъ—и только. Табалинъ обмолвился передъ нимъ какъ-то, что охота царская скоро двинется въ село Коломенское... Вотъ почему и сегодня, когда весь дворъ огласился веселой, переливчатой музыкой рожковъ и вдали раздались какіе-то громкіе клики, Ларюшка одинъ на всемъ Потѣшномъ дворѣ, оставался равнодушенъ къ этимъ звукамъ и не понималъ ихъ значенія.

— «Ишь, раструбились!» думалъ онъ, прислушиваясь къ необычайному шуму:— «ужъ не сегодня ли вся охота въ Коломенское выступаетъ?»

И онъ, съ прежнимъ усердіемъ и спокойствіемъ, продолжалъ ходить отъ птицы къ птицѣ, то покармливая ихъ изъ рукъ свѣжимъ мясомъ, ввязаннымъ въ пучокъ перьевъ, то купая ихъ въ тазакъ съ ледяною водою, съ обычными наговорами, въ которыхъ поминалась и «Мать Пресвятая Богородица», и «Бѣль-горючъ-камень», и «разрывъ-трава», и «угодники соловецкіе», примѣшавшіеся къ древнему языческому заклинанію на Сѣверѣ, гдѣ они пользуются такимъ громаднымъ значеніемъ. Но «охота государева», видимо, не собиралась уходить

въ село Коломенское. Тѣ же звуки рожковъ и клики повторялись неоднократно въ теченіе двухъ часовъ, то въ одношь углу Потѣшнаго двора, то въ другомъ, переливаясь звонкими и радостными раскатами, которые доносились и до Ларюшки, и только еще больше увеличивали тоску его мрачнаго уединенія.

Но чтò это? Шумъ ближе, ближе... Вотъ слышатся громкіе голоса, вотъ спѣшныя, торопливыя шаги по лѣстницѣ: слышно, какъ нѣсколько чело-вѣкъ разомъ подошли къ дверямъ и брякочуть замкомъ, отмыкая его. Къ Ларюшкѣ не входитъ, а почти вбѣгаетъ Табалинъ, а за нимъ чело-вѣкъ пять рядовыхъ сокольниковъ и двое слугъ съ какимъ-то вѣрохо-мъ платья. Да какіе всѣ нарядныя! Въ красныхъ кафтанахъ съ черными гербовыми орлами, нашитыми на спинѣ и на груди, въ высокихъ красныхъ шапкахъ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. А у Табалина кафтанъ весь золотомъ блеститъ, черезъ плечо на золотой перевязи рогъ серебряный, черезъ другое—сума бархатная, на рукахъ рукавицы перстатыя, съ раструбами за локоть, вокругъ расшитыя золотомъ... У Ларюшки, отъ внезапнаго появленія этихъ людей, очевидно озабоченныхъ какою-то важною заботою, отъ яркихъ красокъ и блеска ихъ одеждъ, въ глазахъ зарябило... Онъ оставался передъ ними въ недоумѣніи, не зная, пугаться ли ему ихъ прихода или радоваться ему?

Табалинъ, какъ вбѣжалъ, такъ и крикнулъ слу-гамъ:

— Эй, ребята, раздѣвай его, да живо, — живо!

— Господинъ, начальнй сокольничй! взмо-
дился Ларюшка, совершенно растерявшись и не по-
нимающа значеня этого приказа, — смилуйся, скажи,
чѣмъ я провинился? Вѣдь я, кажись, все по-хоро-
шему жилъ, по закону... За что же меня...

— Вотъ за то, что по-хорошему жилъ, за то тебя
и Богъ наградилъ! загадочно и съ улыбкой про-
говорилъ Табалинъ. — Да ну, живѣй поворачивайся:
господинъ сокольничй у насъ ждать не любитъ!
У него дѣло не медвѣдь, а соколъ... Пурхъ — и уле-
тѣло!..

И точно, по щучьему велѣнью, какъ въ сказкахъ
дѣлается, ловкіе слуги мигомъ раздѣли и разули
нашего Ларюшку: одѣли его въ чистую рубаху кам-
чатную съ шитымъ воротомъ, и въ порты дорожча-
тые, и въ синій кафтанъ суконный, и въ сапоги ще-
гольскіе, желтые, сафьянные, съ острыми припод-
нятыми носками. Одинъ изъ слугъ снялъ съ себя
пестрый кушакъ, подтянулъ Ларюшкѣ кафтанъ и
мудренымъ узломъ врозь-концы завязалъ; другой
расчесалъ ему русыя кудри гребнемъ на обѣ стороны.

И сталъ нашъ Ларюшка передъ Табалинымъ
молодецъ-молодцомъ и самъ не могъ удержаться отъ
самодовольной улыбки, когда оглядѣлъ себя. Но
самодовольство тотчасъ же смѣнилось чувствомъ
неопредѣленной тревоги, когда Табалинъ и соколь-
ники стали его поворачивать и оглядывать, съ ве-
ликимъ вниманіемъ оправляя каждую складочку его
одежды, счищая съ нея каждую пылинку, каждую
пушинку.

— Ну, теперь его и вести можно! сказалъ Табалинъ, принимая строгій, начальнической видъ и устанавливая Ларюшку въ рядъ между нарядными сокольниками.

— Господинъ начальникъ сокольничій! Скажи ты мнѣ ради всего святаго, взмолился не на шутку напуганный Ларюшка, — куда ты вести меня ладить? Не томи ты меня злою мукою...

Табалинъ отступилъ отъ него на шагъ, выпрямился и произнесъ торжественно:

— Посѣтилъ тебя Богъ великою милостью: мнѣ велѣно явить тебя передъ пресвѣтлыя очи государевы! Впередь!..

— Господи!.. сорвалось невольно у Ларюшки, и ему стало еще болѣе жутко и страшно, когда онъ зашагалъ по лѣстницамъ за сокольниками.

XIV.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ страстнымъ охотникомъ — изъ тѣхъ, которые занимаются охотою не какъ забавою, не какъ пріятнымъ развлеченіемъ, а какъ серьезнымъ дѣломъ, захватывающимъ на время все существо человѣка. Улучая для охоты удобное время, оторвавшись отъ остальныхъ житейскихъ заботъ и тягостей государственнаго управленія, царь Алексѣй Михайловичъ предавался охотѣ всей душой и находилъ въ ней источникъ несказанныхъ наслажденій. Недаромъ написалъ онъ въ

предисловіи къ своему «Уряднику сокольничьяго пути», обращаясь къ охотникамъ: «Забавляйтесь, утѣшайтесь сею доброю потѣхою, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». И прибавилъ потомъ: «Дѣлу время, и потѣхѣ часъ», какъ бы желая этимъ сказать: «отдавайте все ваше время дѣлуно умѣйте отдать часть времени и потѣхѣ».

И онъ умѣлъ удѣлить этотъ часъ, умѣлъ его найти и умѣлъ въ этотъ краткій часъ такъ цѣльно, такъ горячо отдаться своей любимой потѣхѣ, что становился неузнаваемъ — перерождался въ новаго человѣка. Ближніе люди, которые бывали съ царемъ неразлучны и постоянно дѣлили съ нимъ его труды и его забавы, изумлялись той перемѣнѣ, которая происходила въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда онъ пріѣзжалъ на Потѣшный дворъ или выѣзжалъ съ охотою въ «отѣзжія поля». Можно было подумать, взглянувъ на этого страстнаго охотника, что для него не существуетъ ничего на свѣтѣ, кромѣ охоты. Любимцы государевы даже говорили: «угоди царю охотою, а тамъ и проси чего хочешь». Они, конечно, намекали при этомъ на то свѣтлое и радостное расположеніе духа, которое никогда не покидало государя во время рѣдкихъ и немногихъ чаосовъ, посвященныхъ «красной и славной птичьенотѣхѣ». Этому расположенію много способствовали отсутствіе того чопорнаго и суроваго этикета, который царилъ при московскомъ государевомъ дворѣ. Являясь на Потѣшный дворъ съ двумя-тремя любимцами, такими же страстными сокольниками, какъ

онъ самъ, царь Алексѣй Михайловичъ здѣсь такъ же забывалъ о строгихъ требованіяхъ этикета, какъ и о государственныхъ заботахъ. Здѣсь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на хозяина охоты, какъ на старшаго среди старшихъ сокольниковъ, и заботился только о соблюденіи тѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которые самъ ввелъ и установилъ въ своей птичьей охотѣ, любя во всемъ «благочиніе, устройство и уряженіе». Здѣсь онъ видѣлъ себя среди своей охотничьей семьи и входилъ съ удовольствіемъ во всѣ ея интересы, тревоги, радости и заботы, не пренебрегая никакими мелочами охотничьяго быта и охотничьяго хозяйства, въ которыхъ, кстати сказать, былъ великимъ знатокомъ.

При торжественной и шумной встрѣчѣ, подготовленной благодушному царю-охотнику Матюшкинымъ и Хомяковымъ, ему прежде всего бросились въ глаза его любимые кречеты и соколы—Адаръ, Муратъ, Стрѣляй, Булатъ и Салтанъ, которыхъ сокольники держали на рукавицахъ «честно и явно», къ «видѣнію человѣческому и къ красотѣ кречатъей».

— А! весело воскликнулъ царь, обращаясь къ Матюшкину, — значить, здоровы? Ну, ваше, счастье, сокольники! А то ужъ я вамъ за нихъ какую грозу готовилъ... Помнишь, и въ письмѣ тебѣ писалъ?..

Матюшкинъ улыбнулся и сказалъ:

— Трепетали мы не грозы твоей, государь, а того, что скорбью омрачить сердце твое при встрѣчѣ.

— А чѣмъ они были больны? Кто ихъ легчилъ? продолжалъ разспрашивать царь, остановившись

передъ своими кречетами-любимцами и любуясь ихъ статуями и новыми роскошными нарядами.

Матюшкинъ подробно и толково изложилъ царю весь эпизодъ съ «легченіемъ птицъ», припомнилъ кстати и о томъ, что царь еще не видалъ новоприсланныхъ двинскихъ птицъ и въ двухъ словахъ упомянулъ о дѣйствіяхъ воеводы, описанныхъ въ челобитной холмогорскихъ крестьянъ и посадскихъ.

Царь выслушалъ Матюшкина и сказалъ:

— Ты мнѣ послѣ этого дохтура покажешь... А теперь веди осматривать кречатню: да смотри все покажи—во всѣхъ четырехъ статьяхъ—ничего не утай! Я ваши порядки и оплошки сразу запримѣчу... У меня ужъ глазъ такой! Вонъ у него,—сказалъ, улыбаясь, царь, указывая на Хомякова,—у него глазъ лучше моего въ отъѣзжемъ полѣ, а въ его кречатнѣ мой глазъ вѣрнѣе видитъ!.. Такъ ли, Петръ Семеновичъ?

— Такъ, такъ, великій государь! поспѣшилъ согласиться Хомяковъ, который уже давно не видалъ царя въ такомъ милостивомъ и веселомъ настроеніи.

И затѣмъ всѣ начальныя послѣдовали за царемъ, котораго сопровождали бояре Борисъ Морозовъ и Юрій Ромодановскій—оба такіе же страстные охотники, какъ и самъ царь, и также ничего ни жалѣвшіе на пріобрѣтеніе ловчихъ птицъ и на содержаніе обширныхъ птичьихъ охотъ.

Осмотръ кречатни продолжался около двухъ часовъ и закончился осмотромъ сараевъ, въ которыхъ

собраны были разныя породы ястребовъ и кобчиковъ. Царь и его любимцы (тоже тонкіе знатоки дѣла) остались очень довольны осмотромъ Потѣшнаго двора, и Алексѣй Михайловичъ, закончивъ осмотръ, ласково потрепалъ Матюшкина по плечу:

— Братъ! сказалъ онъ ему добродушно, — а я, признаться, хотѣлъ тебя врасплохъ застать! Вѣдь я тебѣ писалъ, чтобы ты въ Коломенское выѣзжалъ — да вдругъ и отиѣнилъ! Дай, думаю, наѣду... Вы, чай, ужъ завтра и въ путь бы сдвинулись?

— Сдвинулись бы, государь; все уложено ужъ было...

— Когда же ты это успѣлъ все опять уставить и урядить?

— Времени было вдоволь, государь. Гонецъ твой къ намъ пріѣхалъ въ третьемъ часу ночи съ доброй вѣстью... А въ «урядникѣ» твоемъ недаромъ сказано: «Достовѣрному же охотнику вѣсть разсужденія временамъ и порамъ». Вотъ мы ночь-то обратили въ день — и къ встрѣчѣ твоей изготавились...

— Спасибо, братъ! сказалъ государь съ видимымъ удовольствіемъ, — утѣшилъ ты меня!

И царь протянулъ Матюшкину руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ.

— Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ! На сей разъ вижу, что ты и въ кречатнѣ такъ же здрокъ сталъ, какъ и въ отъѣзжемъ полѣ...

Хомяковъ поклонился государю въ поясъ.

— Спасибо и вамъ, начальныя! громко произнесъ царь, обращаясь къ начальнымъ сокольникамъ

четырёх статей,—вижу, что вы робятъ въ рукахъ держите... И всѣмъ рядовымъ передайте мое царское спасибо! Вижу, что нашъ государскій птичій промыселъ не поизмѣшался во время отлучки нашей!

Громкіе, радостные клики всѣхъ сокольниковъ были отвѣтомъ на царское милостивое слово.

— А теперь не изволишь ли, государь, осмотрѣть новые большіе птичьи наряды въ нашей сокольничьей казнѣ? спросилъ Матюшкинъ, указывая рукою въ сторону дьячьей избы, на порогъ которой стояли и казначей, и подъячій сокольничаго пути, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Нѣтъ, спасибо,—послѣ посмотрю! Я сегодня у тебя, братъ, въ гостяхъ и еще гостей тебѣ привелъ: всѣ у тебя будемъ кушать.

— Удостой насъ, государь, сей великой чести! Столъ про тебя и про гостей твоихъ уготованъ въ нашей сокольничьей передней избѣ, сказала Матюшкинъ, почтительно кланаясь царю.

— Такъ туда прямо и веди насъ. А послѣ обѣда, поотдохнувши, и въ казну загляну къ Епуслану Дрыганову, и въ книги къ Василью Вотвиньеву.

Произнося эти слова, государь обернулся къ начальнымъ сокольничимъ и громко произнесъ обычные слова команды по «Уряднику»:

«Начальные, время отдохновенія птицамъ и намъ премѣненію платья и часъ обѣда».

Начальные дали знакъ трубачеямъ, и веселые звуки переливчатыхъ серебряныхъ рожковъ возвѣ-

стили всему Потѣшному двору о наступленіи временного отдыха и обѣда.

Царь съ боярами, съ сокольникомъ Матюшкинымъ и подсокольничимъ Хомяковымъ поднялся на крыльцо передней избы, устланное богатымъ персидскимъ ковромъ,—и передъ нимъ съ низкими поклонами разступилась почетная стража изъ сокольниковъ, въ большомъ сокольничьемъ нарядѣ поставленныхъ у дверей передней избы.

XV.

Когда Табалинъ съ сокольниками свелъ Ларюшку сверху, изъ того угла, гдѣ онъ былъ запертъ съ большими птицами, то приказалъ ему обождать въ дьячьей избѣ, а самъ направился обратно въ кречатню и приказалъ сокольникамъ вынести оттуда шесть кречетовъ и челиговъ, которые были уловлены и привезены къ Москвѣ Ларькой Омеляяновымъ. И кречатьяго помытчика, и «помкнутыхъ» имъ птицъ хотѣли одновременно «явить предъ царскія пресвѣтлыя очи».

Ларюшка, оставшись одинъ-одинешенекъ въ дьячьей избѣ, былъ до такой степени встревоженъ ожиданіемъ, что не могъ совладать съ собою; на него напалъ страхъ великій и трясло его съ головы до ногъ, какъ въ лихоманкѣ.

Ждать пришлось ему, на его счастье, недолго:—царь Алексѣй Михайловичъ, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, какъ монахъ, не сидѣлъ за столомъ долго и

отдыхалъ послѣ обѣда не больше двухъ часовъ. Какъ только онъ вышелъ изъ опочивальни, устроенной въ особыхъ хоромахъ, около передней избы, на случай царскихъ пріѣздовъ, такъ тотчасъ позвалъ къ себѣ въ «переднюю» Матюшкина и Хомякова, переговорилъ о чемъ-то съ ними наединѣ и затѣмъ вышелъ въ переднюю избу, гдѣ уже были собраны всѣ начальныя сокольники и первые изъ рядовыхъ.

По знаку, данному Хомяковымъ, дверь въ боковой покой отворилась и въ комнату чинно вошли шесть сокольниковъ въ большомъ нарядѣ, съ кречетами и челигами на рукавицахъ, и съ начальнымъ Табалинымъ впереди; позади этихъ сокольниковъ — Ларюшка между двумя рядовыми сокольниками. Табалинъ и сокольники съ кречетами разиѣстились въ рядъ передъ самыми креслами государя; Ларюшка съ сокольниками остался у дверей, въ ожиданіи новаго приказа.

Картина, которая представилась изумленнымъ взорамъ молодого помытчика, такъ поразила его, что онъ даже позабылъ о своемъ смущеніи и тревогѣ, и весь обратился въ слухъ и зрѣніе.

Передъ нимъ, на богатомъ рѣзномъ и золоченомъ креслѣ, съ низкою и широкою спинкою, около стола, покрытаго пестрымъ ковромъ, сидѣлъ мужчина величавой наружности. Небольшая, но окладистая черная борода и усы отгѣняли его правильное, бѣлое и румяное лицо, а темнокаріе глаза смотрѣли зорко и привѣтливо изъ-подъ темныхъ, красиво-обрисованныхъ бровей. Это былъ царь Алексѣй Ми-

хайловичъ. Голова его была прикрыта небольшою бархатной скуфейкой, кругомъ унизанной крупнымъ жемчугомъ; а спереди, какъ жаръ, горѣла на скуфейкѣ заплата изъ рубиновъ, сапфировъ и изумрудовъ. Богатая ферязь изъ толстой камки съ птицами и травами обхватывала красивыми складками стройную и полную фигуру царя; досчатый, среброкованный поясъ, къ которому былъ привѣшенъ богато-опрavenный и усыпанный камнями охотничій ножъ, — дополнялъ одежду царя. Двое знатныхъ бояръ, — въ богатѣйшихъ кафтанахъ, блиставшихъ золотомъ и низанныхъ жемчугомъ по высокому стоячему воротнику-козырю, стояли о-бокъ царя по сторонамъ его кресла.

Бояре не приглянулись Ларюшкѣ: ни Морозовъ, съ его хитрыми, быстрыми карими глазками, ни Ромодановскій, съ его суровымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, — не внушали ему нидовѣрія, ни уваженія. Но царь Алексѣй Михайловичъ очаровалъ его съ перваго взгляда. Онъ почувствовалъ на себѣ невольное обаяніе той силы и той спокойной увѣренности, которыя выражались въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи царя.

И онъ замѣтилъ, что это обаяніе царственной особы ясно сказывалось на всѣхъ окружающихъ: всѣ присутствовавшіе стояли притаивъ дыханіе, не спуская глазъ съ царя и на немъ сосредоточивая все свое вниманіе; они старались не проронить ни одного слова царскаго, ни одного взгляда. И не

только Хомяковъ и Матюшкинъ, но даже эти два знатные боярина, которые стояли по сторонамъ царскаго кресла—высокіе дородные, видные, гордые своимъ величіемъ и значеніемъ,—совершенно стирались передъ царемъ и такъ же подобострастно, такъ же зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ царя, какъ и послѣдній изъ стоявшихъ около него сокольниковъ.

Царь перебиралъ лежавшіе передъ нимъ на столѣ бархатные и парчевые соколы клубочки, расшитые золотомъ и жемчугомъ, и улыбался, поглядывая на Матюшкина:

— Ай-да паряды же ты, братъ, моимъ соколамъ нашиль.— Исполать тебѣ! гдѣ ты тѣхъ и швей-то выискалъ, что росписали и расцвѣтили ихъ такими мудреными узорами.

— Во Владимірѣ, въ Рожественскомъ монастырѣ такія искусницы живутъ! замѣтилъ Матюшкинъ.— Туда посылай.

— Ужь, точно, искусницы! Борисъ Ивановичъ, обратился царь къ Морозову,—напомни мнѣ, чтобы я не забылъ: надо будетъ въ тотъ монастырь велѣть запаску отпустить съ Житнаго двора.

— Слушаю, государь; напомню.

— А это вотъ и есть тѣ уловныя птицы, что съ Двины присланы? вдругъ обратился царь къ Хомякову, указывая на сокольниковъ съ птицами.

— Тѣ самыя, великій государь! Онѣ еще у насъ, до твоего указа, безъ именъ живутъ...

— Да, да, знаю! Дай-ка ихъ сюда поближе!..

По знаку Хомякова сокольники двинулись впередъ и остановились на шагъ отъ государя.

— А вотъ это и есть тотъ красный кречеть, о которомъ ты мнѣ писалъ, Аванасій Ивановичъ?.. Ахъ, какой красавецъ! Вотъ такъ кречеть!

И царь, поднявшись съ кресла, гладилъ кречета по шеѣ и спинѣ, между тѣмъ какъ тотъ пугливо поводилъ большими глазами и старался клювомъ поймать пальцы царской руки.

— Дивій! Глупъ еще! посмѣиваясь, говорилъ царь, продолжая дразнить кречета и любясь его движеніями. — О-го-го! го-го! приговаривалъ онъ съ улыбкою знатока и любителя, внимательно разсматривая птицу. — Князь Юрій! — посмотри-ка, какъ ковы ногтищи! Мнѣ сдается, что этотъ кречеть, какъ выносится, будетъ лучше моихъ любимцевъ, Адара и Салтана?

И царь опустился въ кресло, не спуская глазъ съ кречета и продолжая имъ любоваться. Всѣ сокольники съ птицами на рукавицахъ замерли безъ движенія въ ожиданіи своей очереди.

— А гдѣ же тотъ помытчикъ, что уловилъ красавца-кречета?

Сокольники съ птицами раступились, какъ по командѣ, и двое сокольниковъ, стоявшихъ около Ларюшки, разомъ выдвинули смущеннаго Ларюшку передъ царскія очи.

Ларюшка ударилъ земной поклонъ.

— Какъ тебя звать?

— Ларька Омельяновъ, великій государь, сы-

нишко холмогорскаго помытчика твоего, Якушки Омельянова.

— Омельяновъ?.. Омельяновъ? повторялъ царь, вглядываясь своими зоркими очами въ открытое и красивое лицо Ларюшки. — Что-то помнится мнѣ... Не Омельянова ли батюшка мой, блаженной памяти, да дѣдъ мой — посылали съ кречетами къ кесарю римскому съ подношеніемъ?

— Такъ точно, государь! подтвердилъ Матюшкинъ.

— Такъ это твой отецъ? переспросилъ царь у Ларюшки.

— Батъка, государь, — онъ самый!

— Ну, видно, вамъ на роду написано такое счастье на уловъ кречетовъ! Гдѣ же ты сыскалъ такого молодца?

Ларюшка, въ величайшемъ смущеніи, опустилъ очи въ землю и не зналъ, что отвѣчать царю.

— Гдѣ ты уловилъ его — и какъ? Какой ловушкой? съ возрастающимъ интересомъ допрашивалъ царь, полагая, что парень, растерявшись, не дослышалъ вопроса.

— Уловилъ я его на старыхъ батькиныхъ кречатыхъ сѣдбицахъ, государь! А гдѣ и какими снарядомъ ловилъ — того сказать не могу.

Изумленіе, почти испугъ — выразились на всѣхъ лицахъ... Ромодановскій насупилъ брови, а Морозовъ смѣрилъ глазами Ларюшку съ головы до ногъ.

— Какъ же ты не можешь? Вѣдъ ты самъ уловилъ его? спокойно продолжалъ допрашивать го-

сударь; но въ голосѣ его слышалось нѣкоторое недовольство...

— Самъ я уловилъ, государь! Видитъ Богъ — самъ... Да у меня съ отцомъ зарокъ положенъ — никому ни сѣдбищъ его не показывать, ни сварядовъ...

— А если я тебѣ... приказываю! сказалъ, всплилъ, царь Алексѣй Михайловичъ.

Ларюшка упалъ на колѣни!

— Прикажи казнить, государь! въ совершенномъ отчаяніи воскликнулъ онъ, — а зарокъ нарушить... не могу! Я въ томъ крестѣ цѣловалъ! ✕

Наступила минута очень тяжелаго ожиданія. Всѣ впились глазами въ царя, который, видимо, боролся съ собою и вдругъ просіялъ лицомъ.

— Встань! сказалъ онъ твердо:— ты правъ! И соколъ выше солнца не летаетъ — такъ не бывать и царскому приказу выше креста Господня? Хвалю, что твердъ въ словѣ... Аѳанасій Ивановичъ! этого кречета назвать «Холмогоромъ». Дай Богъ, чтобы онъ въ напускѣ на всякую лѣсную и болотную птицу былъ такъ же упористъ, какъ этотъ малый въ крестоцѣлованьи.

Затѣмъ, царь еще разъ обратился къ Ларкѣ и сказалъ:

— За то, что ты намъ, великому государю, угодилъ твоимъ уловомъ, жалуемъ мы тебя изъ нашей казны кафтаномъ; выдать ему на кафтанъ синяго сукна лундыша (обратился царь къ Матюшкину)! А за то, что ты своимъ радѣніемъ нашихъ царскихъ

птицъ вылегчилъ и отъ злого недуга избавилъ, приказываемъ принять тебя рядовымъ сокольникомъ на нашъ Потѣшный дворъ.

Ларюшка, самъ себя не помня отъ радости, повалился царю въ ноги.

— Принимаете ли вы его въ свою братью, господа сокольники? ласково обратился царь къ начальнымъ и рядовымъ, находившимся въ комнатѣ.

— Готовы принять съ радостью! крикнули въ одинъ голосъ сокольники.

— Такъ возьми же ты его, Парѣентій Яковлевичъ, въ свою статью. Научи его нашей красной и славной сокольничьей наукѣ.

XVI.

Недаромъ говорятъ старые люди, что коли Господь Богъ взыщетъ когонибудь счастьемъ, такъ счастье того человѣка и въ лѣсной трущобѣ, подъ колодой найдетъ. Такъ случилось и съ Ларюшкой. Приглянулся онъ съ перваго раза царю Алексѣю Михайловичу, который не могъ забыть ни о своей вспышкѣ, ни о твердости молодого холмогора. Когда, на другой день, Матюшкинъ передалъ царю челобитную холмогорскихъ посадскихъ людей и крестьянъ, привезенную Ларюшкой, а при этомъ и всѣ справки и выписки, добытыя изъ Новгородскаго Приказа, царь сказалъ прямо:

— Ну, коли этотъ самый Ларька Омеляновъ челобитную привезъ, да тебѣ по ней отвѣтъ дер-

жалъ, значить правда. Этотъ не станетъ кривить душой!

И тотчасъ положилъ царь на той челобитной свое суровое рѣшеніе: залишнихъ уловныхъ птицъ—со-рокъ четыре сокола и кречета—зачестъ холмогорамъ за нынѣшній годъ и больше съ нихъ «ни пера» до будущаго года не взыскивать. Уплатить за ту птицу всѣ деньги сполна изъ царской казны, да, сверхъ того, съ воеводы взыскать тѣ деньги, которыя онъ за ту птицу получилъ изъ сборовъ Таможеннаго и Кружечнаго двора.

Но и послѣ этого великій государь не забывалъ Ларюшки, не обходилъ его своею милостью. Каждый разъ, когда царю случалось бывать на Потѣшномъ дворѣ, онъ справлялся о Ларюшкѣ у Матюшкина, у Хомякова, у Табалина—и отъ всѣхъ слышалъ о немъ похвальные отзывы.

Вѣроятно, на этомъ основаніи царь сказалъ, чтобы любимый кречеть его «Холмогоръ» былъ отданъ на руки Ларюшкѣ.

— Отдай моего «Холмогора» на руки Ларкѣ Омелянову, сказалъ царь Матюшкину,—они земляки и другъ друга не выдадутъ.

Видя такую явную милость къ молодому соколь-нику, смѣтливый Пареентій Яковлевичъ, взявъ къ себѣ Ларюшку, приналегъ на него, да года въ два и выучилъ его всякой сокольничей премудрости. Такъ твердо выучилъ, что тотъ сталъ у него постоянно подъ рукой ходить и въ умѣньи вынашивать птицъ сравнялся съ первыми въ числѣ рядо-

выхъ сокольниковъ, которые жили на дворѣ лѣтъ по семи и болѣе. Твердо помнилъ Ларюшка завѣтъ отца:—«смотри, не проспни счастья—проспнишь, не воротится». И онъ бился изо всѣхъ силъ, чтобы счастье въ рукахъ удержать: не досыпалъ и не доѣдалъ—убивался надъ дѣломъ, и «служилъ и работалъ вѣрою и правдою», какъ требуетъ того «Урядникъ сокольникаго пуги» отъ каждаго сокольника. Табалинъ на него нарадоваться не могъ, не могъ имъ нахвалиться; Хомяковъ—выставлялъ его въ образецъ другимъ рядовымъ сокольникамъ; а Матюшкинъ—приказывалъ давать ему на руки всѣхъ лучшихъ птицъ, потому что вѣрилъ въ его умѣнье съ ними обращаться, вѣрилъ въ его счастье и въ «легкую руку». Къ тому же и кречеть «Холмогоръ» вышелъ просто диковинный. Всѣхъ царскихъ кречетовъ загонялъ—лучше всѣхъ добывать сталъ. Да что за сила, что за полетъ! И при томъ покладливый, умный, «вѣжливый»:— не то что глоса Ларюшки слушался, а всякій свистъ его понималъ, всякій знакъ, всякое слово... Только-только что самъ не говорилъ по-человѣчьи!.. Сталъ тотъ кречеть царю Алексѣю Михайловичу всѣхъ его ловчихъ птицъ милѣе; сталъ имъ однимъ царь тѣшиться, и какъ выѣдетъ въ поле, такъ на него одного и любитъ. И повелѣлъ великій государь, чтобы сокольники Ларька Омельяновъ на всѣхъ царскихъ охотахъ ѣздилъ въ первой статьѣ, за спиной у Табалина—подъ рукой его, государевой.

Случилось однажды, какъ пошелъ третій годъ службы Ларюшки на Потѣшномъ дворѣ, что назначилъ царь великую охоту соколиную въ селѣ Коломенскомъ и приказалъ звать на ту птичью потѣху и польскихъ пословъ, и крещеныхъ царевичей, и всѣхъ ближнихъ бояръ и окольничихъ.

Въ день, назначенный для этой потѣхи, погода была чудесная. Въ тотъ годъ бабье лѣто стояло такое, какого давно не бывало въ Москвѣ. Ясные, солнечные дни, съ совершенно-безоблачнымъ небомъ и удивительно прозрачнымъ воздухомъ, тишина и свѣжесть, и яркія, разнообразныя, пестрыя краски, которыми покрывалась трава на лугахъ и жнивье на поляхъ, и листва на опушкѣ лѣса—все манило кречатника въ отъѣзжее поле и сулило ему такую охоту, о которой онъ могъ только мечтать въ иное время года.

Поблекшая зелень еще серебрилась отъ холоднаго сентябрьскаго утренника, а рѣчки и болота были еще подернуты легкою дымкою утренняго тумана, когда затрубили рога на Коломенскомъ Потѣшномъ дворѣ и царская соколиная охота стала высыпать изъ воротъ въ поле и выстраиваться по статьямъ и по наряду. Было тутъ на что посмотреть, было чѣмъ полюбоваться! Поистинѣ—«красною и славною» была эта птичья потѣха государева! Сто челоуѣкъ сокольниковъ, въ красныхъ и зеленыхъ суконовыхъ кафтанахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ, въ синихъ и желтыхъ кафтанахъ, обшитыхъ серебреннымъ, въ высокихъ островерхихъ шапкахъ,

въ цвѣтныхъ кожаныхъ рукавицахъ съ раструбами за локоть, въ строгомъ порядкѣ выходили и выѣзжали изъ воротъ Потѣшнаго двора и занимали около своихъ начальныхъ тѣ мѣста, которыя должны были сохранить и въ отъѣзжѣ полѣ. Въ каждой статьѣ, около начального сокольника, стояли по четверо поддатней (или подручныхъ сокольниковъ), которые держали четырехъ лучшихъ птицъ: кречета и кречатьяго челига, сокола и соколяго челига. Эти четверо поддатней, какъ и самъ начальный сокольникъ, были всѣ на коняхъ. Остальные сокольники въ каждой статьѣ шли пѣшіе, держа птицъ на рукахъ.

По случаю торжественной потѣхи не одни сокольники, а и птицы были наряжены въ большой нарядъ. У всѣхъ были на глаза надвинуты клобучки изъ червчатого бархата, на ногахъ были обносцы изъ тесьмы, волооченной серебромъ и золотомъ. Изъ той же тесьмы были и должики, которыми птица была привязана къ кольцу на соколичьей перевязи. Серебряные колокольцы были приколоты къ среднимъ хвостовымъ перьямъ птицъ. Еще богаче были наряжены царскіе любимцы—Салтанъ, Адаръ, Муратъ и Холмогоръ. Клобучки на нихъ были низаны жемчугомъ съ изумрудными искрами; крупными буршицкими зернами были усажены на нихъ и обносцы, подбитые бархатомъ, а на мѣсто должиковъ были къ ихъ ногамъ прикрѣплены золотыя цѣпочки съ бляхами тонкаго сканнаго дѣла.

Когда всѣ сокольники выстроились и ихъ обоглаживая каждого съ головы до ногу и подробно осматривая птицу, къ Матюшкину былъ посланъ сокольникъ съ докладомъ, что вся «красная славная государева птичья потѣха въ сборѣ и ждетъ его, сокольникъ».

Четверть часа спустя, изъ боковыхъ воротъ дворца выѣхалъ Матюшкинъ на своемъ любимомъ игреновомъ иноходцѣ, и мелкой перевалистой рысцою подѣхалъ къ сокольникамъ; Матюшкинъ, точно такъ же, какъ и Хомяковъ, и всѣ начальныя сокольники, былъ въ большомъ сокольничьемъ нарядѣ: въ высокой шапкѣ подпущенной горностаемъ, въ рукавицахъ, расшитыхъ по сафьяну золотомъ, «притчами»; шелковый убръ, украшенный пестрымъ узоромъ, висѣлъ у него черезъ плечо. Двое слугъ везли позади его баулы съ серебрянымъ золоченымъ блюдомъ и съ серебрянымъ рукоюйникомъ.

Поздоровавшись съ сокольниками, Матюшкинъ, точно такъ же, какъ и Хомяковъ, объѣхалъ всѣ статьи сокольниковъ. Онъ твердо помнилъ наставленіе «Урядника сокольникаго пути», по которому слѣдовало прежде выѣзда въ поле озаботиться «о словочестіи, устроеніи, уряженіи сокольникяго чина начальныхъ людей и птицъ ихъ рядовыхъ по чину же», а потомъ на полѣ «утѣшаться и наслаждаться сердечнымъ утѣшеніемъ». Матюшкинъ, однакожъ, не удовольствовался исполненіемъ этого наставленія «Урядника»; осмотрѣвъ птицъ, онъ поѣхалъ съ Хомяковымъ взглянуть на обозъ, который должень

былъ выступить изъ Потѣшнаго двора вслѣдъ за охотой съ богатѣйшимъ походнымъ шатромъ для государя, съ необходимыми запасомъ для птицъ и для самихъ сокольниковъ.

— Ну, теперь, кажется, все въ порядкѣ, Петръ Семеновичъ? сказалъ Матюшкинъ Хомякову. — Можно вамъ и въ путь двигаться. Поѣзжайте прямо къ Майкову болотцу, оставьте его вправо, поднимитесь на полянку, что надъ Томиловымъ логомъ, по-надъ рѣчкой-то, тамъ и обождите... А я поѣду доложу государю, что ждетъ его на полѣ красная и славная птичья потѣха, уряжена и устроена по чести и чину.

Когда вся охота была на мѣстѣ, и въ сторонѣ, на возвышенной полянкѣ, былъ разбитъ шатеръ государя, Хомяковъ послалъ загонщиковъ въ стороны и велѣлъ имъ расположиться въ кустахъ, чтобы по первому знаку начать поискъ дичи въ ближайшихъ частяхъ обширнаго Томилова лога и по густо заросшимъ бережьямъ рѣчки, которая по немъ извивалась. Вскорѣ послѣ того вдали, на дорогѣ, изъ-за рощи показалась голова царскаго поѣзда — съ полсотни боярскихъ дѣтей съ пищалями и копьями, на бойкихъ гнѣдыхъ и каракowychъ коняхъ въ наборной сбруѣ, которая ярко горѣла на солнцѣ. За боярскими дѣтьми ѣхали стольники и стряпчие въ цвѣтныхъ кафтанахъ и бархатныхъ шапкахъ, опушенныхъ соболями, а за ними конюшіи бояринъ съ ясельничимъ и ловчій московскій съ своею свитою. Средину поѣзда занималъ самъ великій госу-

дарь, ѣхавшій на превосходномъ персидскомъ аргамакѣ, бѣломъ, какъ снѣгъ. Весь уборъ царскаго коня горѣлъ золотомъ на солнцѣ и былъ разукрашенъ изумрудами и яхонтами; тяжелая жемчужная кисть болталась подъ шеей коня, вмѣсто науза; грива, заплетенная въ мелкія косички, была прикрыта жемчужною сѣткою. Богатѣйшій бархатный чалдаръ, расшитый золотыми мудреными восточными узорами, прикрывалъ коня почти по колѣно, а поверхъ его еще былъ положенъ яркій покровецъ, расшитый шелками и замѣнявшій собою чепракъ подъ сѣдломъ, сплошь усаженнымъ по высокой лукѣ крупной бирюзой, въ перемежку съ кораллами, сердоликами и лалами.

На государѣ было полевое платье, сокольничьяго покроя, и такая же островерхая шапка съ горностаевой подушкой, и также надѣта «изкривя», какъ и у всѣхъ сокольниковъ. Но поверхъ этого платья былъ надѣтъ еще верхній кафтанъ съ широкими рукавами, аксамитный, брусничнаго цвѣта, а по немъ «травы и коруны золото съ серебромъ затканы». О-бокъ государя ѣхали съ одной стороны два крещеныхъ царевича, въ богатой татарской одеждѣ на вороныхъ коняхъ, съ луками за спиной и драгоценными саадаками у лѣваго бедра. По другую сторону ѣхали постоянные спутники царя на соколиной охотѣ— бояринъ Морозовъ и князь Григорій Ромодановскій,—оба въ сокольничьихъ островерхихъ шапкахъ, въ кафтанахъ изъ золотого винцейскаго бархата съ высокими козыремъ, сплошь

зашитымъ узорами изъ крупнаго скатнаго жемчуга. Позади государя ѣхала верхами вся свита изъ ближнихъ бояръ и окольныхчихъ, а среди ея и двое польскихихъ пословъ, въ богатыхъ бархатныхъ контушахъ и яркихъ магеркахъ. На хвостъ поѣзда слѣдовали, опять въ видѣ почетной стражи, боярскіе дѣти съ пищалями и копьями и съ полсотни всякой царской челяди и служни, съ возами разной снѣди и различными напитками.

Подъѣзжая къ полю, Матюшкинъ отдѣлился отъ свиты, заскакалъ къ строю своихъ сокольниковъ и приказалъ всѣмъ коннымъ спѣшиться, а слугамъ держать лошадей въ поводу. Потомъ онъ спѣшился и самъ, и выжидалъ приближенія великаго государя.

Когда царь подъѣхалъ къ шатру, разбитому на полянкѣ, вся его свита осталась у шатра, и къ строю сокольниковъ подъѣхали вслѣдъ за государемъ только Морозовъ, Ромодоновскій и двое царевичей съ двоими послами, приглашенные въ видѣ почетныхъ гостей на царскую охоту.

Какъ только государь приблизился къ сокольникамъ, всѣ снимали шапки и на привѣтствіе государя отвѣчали дружными и громкими кликами. Затѣмъ подошелъ къ государю съ низкимъ поклономъ сокольничій и, поклонившись ему въ поясъ, спросилъ:

— Время ли, государь, образцу и чину быть?

И государь молвилъ:

— Время, объявляя образецъ и чинъ!

Тогда Матюшкинъ, отступя отъ государя и по-

оправясь «добролично и добровидно», кликнулъ подсокольничаго и молвилъ ему ясно и громогласно:

— Подсокольничій! Время начати лавную и красную потѣху государеву; вели начальнымъ изготовиться.

— Начальные! лихо скомандоваль Хомяковъ, — время напускать и добывать. Будьте готовы по первому слову государеву.

Затѣмъ сокольничій, обращаясь къ Хомякову, произнесъ:

— Подсокольничій! Подай великаго государя рукавицу нарядную.

Хомяковъ съ поклономъ поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ рукавицу государеву, которую, виѣстѣ съ блюдомъ принявъ отъ него Матюшкинъ и, низко кланяясь, поднесъ государю.

Государь вздѣлъ рукавицу «тихо и стройно», между тѣмъ какъ конюшій и ясельничій держали подъ узды его аргамака.

— Первый начальникъ, Пароентій Табалинъ! Прими у Ларьки кречета «Холмогора» и поднеси ко мнѣ, крикнулъ Хомяковъ.

И когда кречетъ былъ поданъ, подсокольничій, прежде чѣмъ принять его, перекрестился, взялъ его отъ начальнаго, съ рукавицы на рукавицу, «премудровато и образцовато», и передалъ его Матюшкину, который сталъ близъ великаго государя и держалъ кречета «честно, явно, предъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей».

Государь принялъ кречета отъ Матюшкина тѣмъ

же порядкомъ, и когда принялъ—заиграли трубы, забили и зазвенѣли бубны сокольничьи, сокольники мигомъ вскочили на коней и двинулись вслѣдъ за государемъ и его приближенными. Началась «славная и красная птичья потѣха государева».

XVIII.

Уже за вечерѣло и раннія сентябрьскія сумерки стали спускаться надъ Томиловымъ логомъ, когда великій государь вернулся со своею свитою и со всею своею охотою къ шатру, раскинутому на полянкѣ. За государемъ везли богатую добычу: десятка три чирять и утокъ, десятокъ гусей, 3 лебедя, 2 гагары и цаплю. Послѣднія три птицы были добыты «Холмогоромъ», который всѣхъ изумилъ быстротою полета, вѣрностью глаза и необычайною силою удара. Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ томъ блаженномъ состояніи, которое знакомо только страстнымъ охотникамъ: онъ былъ совершенно удовлетворенъ, онъ былъ счастливъ и доволенъ всѣми, онъ былъ всѣмъ признателенъ и благодаренъ, онъ гордился своею охотою, которая, дѣйствительно, выказала себя блистательно.

Во время всего пути, царь почти неумолкая говорилъ то съ Морозовымъ, то съ Ромодановскимъ, вспоминая различные эпизоды охоты, и сравнивалъ силу и рѣзвость одной птицы съ другою. Подѣхавъ къ шатру и спѣшившись, государь вошелъ въ ша-

теръ и, съ видимымъ удовольствіемъ опустившись въ кресла, продолжалъ окружающимъ рассказывать объ охотѣ, хвастаяся богатою добычею своихъ ловчихъ птицъ и вспоминалъ о томъ, что его особенно поразило.

— Помнишь, князь Григорій Ѳедоровичъ, какъ кречеть дикомытъ Булатъ, что Андрюшка Кельнинъ держитъ, дикаго коршака поутру добывалъ?

— Какъ не помнить, государь! Подвиглся я не мало: большого верха ему и взять не далъ, въ среднемъ верху его добылъ и добывалъ добръ добро.

— А другой-то кречеть, сибирскій, Михѣевой статьи, припоминалъ царь, — въ какомъ великомъ верху добывалъ, мало его и видѣть было, а добръ ходко напускъ вель; ставокъ съ 20 сдѣлалъ и ни въ одной ставкѣ даромъ не проѣхалъ! Разбилъ розно...

— Ну, а все же, великій государь! вступился Морозовъ, зная, чѣмъ угодить царю, — все же всѣ твои кречеты противъ твоего любимаго кречета «Холмогора» шѣрой не вышли...

— Да! Точно! Вѣрно ты говоришь, Борисъ Ивановичъ! Какъ онъ сегодня-то цаплю добывалъ, князья и бояре, оживленно и весело обратился царь къ окружающей свитѣ, не принимавшей участія въ охотѣ, — такъ у меня даже духъ захватило! Всѣ за нимъ скачемъ, всѣ вверхъ смотримъ, и забыли даже, куда скачемъ! Кабы моего аргамака ты не ухватилъ подъ уздцы, Аванасій Ивановичъ, я бы съ кручи въ рѣку сверзился! Да вѣдь какъ же и

добываль-то онъ: ставокъ было съ 70, а добываль добръ опасно и памятно, и ставки вель крутыя.

— Кабы не круты были ставки, великій государь, замѣтилъ Матюшкинъ,—не сдобровать бы «Холмогору». Вѣдь съ цаплей плохія шутки!.. Изволишь помнить, какъ въ запрошломъ году твой любимый кречеть на цаплю напоролся?..

— Какъ не помнить? Ткнулся грудью о клювъ ея съ размаха, да на землю и рухнулъ мертвый... А гдѣ же тотъ молодець, что «Холмогора» носить? Позвать его сюда... Хочу ему сказать спасибо. Я думалъ, что его и костей не соберутъ! Какъ осадили мы на кручѣ—смотримъ: онъ прямо въ рѣку и съ конемъ махнулъ, вплавъ переплылъ, да и пошелъ чесать за кречетомъ!..

— Кабы не онъ, такъ кречеть съ цаплей бы упалъ невѣдомо куда! Ужъ точно молодець! — замѣтилъ Ромодановскій.

Какъ разъ въ это время Хомяковъ вошелъ въ шатерь, а за нимъ слѣдомъ и Ларюшка съ «Холмогоромъ» на рукавицѣ. И кречатникъ, и кречеть—герои дня—обратили на себя общее вниманіе. Всѣ замѣтили, что и охотникъ, и птица были страшно утомлены. На Ларюшкѣ и кафтанъ былъ порванъ и забрызганъ грязью; а его русыя кудри мокрыми прядями липли ко лбу и къ щекамъ, по которымъ обильно струился потъ крупными каплями.

— Ларька Омельяновъ! ласково и съ веселою улыбкою произнесъ царь, обращаясь къ кречатнику,—ты насъ, великаго государя, сегодня своему

усердною службою утѣшилъ, и мы, великій государь, приказали тебя пожаловать платьемъ и прибавкою къ денежному жалованью. А чтобы всѣмъ была памятна безиѣрнославная и хвальная кречатья добыча кречета «Холмогора», то мы и его не обойдемъ своею милостью. Аванасій Ивановичъ! Вотъ тебя съ моей руки рубиновый перстень—возьми его и прикажи надѣтъ «Холмогору» на правую лапу и носить ему тотъ перстень не снимая.—И царь подаль Матюшкиву драгоценный свой перстень съ крупнымъ рубиномъ, присланнымъ въ подарокъ отъ шаха персидскаго.

Ларюшка, за себя и за «Холмогора», ударилъ государю земной поклонъ и вышелъ изъ шатра.

— Спасибо и тебѣ, братъ! обратился государь къ Матюшкину.—Вижу, что ты заботишься о чести и повышеніи нашей государевой птичьей охоты. Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ, и всѣмъ начальнымъ и рядовымъ сокольникамъ—тоже отъ меня скажите; да угостить ихъ на славу! А теперь, Борисъ Ивановичъ, пора и къ дому подвигаться; да проси же всѣхъ, кто на охотѣ былъ со мною, за нами во дворецъ, къ столу нашему государскому.

И царь, привѣтливо улыбаясь и кланяясь на обѣ стороны, вышелъ изъ шатра на полянку, гдѣ уже ожидала его колымага, присланная изъ села Коломенскаго.

XIX.

Съ этого дня положеніе Ларюшки на Потѣшномъ дворѣ упрочилось настолько, что Пареевѣ Яковлевичъ безъ него не дѣлалъ ни шагу и прямо говорилъ ему:

— Ну, Омельяновъ, какъ помирать буду, на тебя указывать стану, чтобы тебя въ начальные на мое мѣсто подняли. Ты нашу науку въ конецъ произвелъ—не хуже меня разумѣешь.

Такъ минулъ и еще годъ—какъ вдругъ неожиданно-негаданно на Ларюшку стряслась бѣда. На одной изъ первыхъ весеннихъ охотъ, въ то время, когда кречатники въ Тверскихъ поляхъ подѣ Москвою разминали птицъ, нѣсколько отяжелѣвшихъ отъ зимняго сидѣнья,—вдругъ поднялся сильный вихрь. Ларюшка, который только что спустилъ «Холмогора» на стадо дикихъ голубей—съ ужасомъ увидѣлъ, какъ его подхватило вихремъ, откинуло въ бокъ и низомъ понесло на Владимірку. Напрасно трубилъ и свистѣлъ онъ кречету, напрасно вабилъ его—свистъ вѣтра заглушалъ эти звуки; напрасно мчался онъ за нимъ, какъ угорѣлый, перескакивая черезъ рытвины, черезъ пни и кочки—«Холмогора», на глазахъ у него, унесло вихремъ за лѣсъ, который сплошною стѣною сталъ кречатнику поперекъ дороги.

Часъ спустя, весь Потѣшный дворъ былъ на ногахъ, во всѣ стороны разсланы были гонцы и со-

кольники; а Ларюшка, по приказу Хомякова, былъ запертъ на замокъ въ темномъ чуланѣ.

— Жаль мнѣ парня-то! говорилъ Хомяковъ совершенно растерявшемуся Табалину;— въ-какъ жаль его! Коли часа черезъ два не найдется кречеть— Аванасій Ивановичъ къ государю поѣдетъ: доложить ему нужно о нашей бѣдѣ!

— Бѣда да не одна, Петръ Семеновичъ! Вѣдь у кречета на лапѣ-то перстень царскій съ камнемъ многоцѣннымъ! Ты самъ посуди; кто бы ни нашель птицу—ни въ жисть ее не воротить. Ей свернетъ голову, а перстень-то за пазуху!.. Вотъ бѣда-то!

— Я о перстнѣ и думать забылъ! съ досадою сказала Хомяковъ.— Да великому-то государю тотъ кречеть перстня дороже:—а за кречета, знаю, что не похвалить онъ насъ! Всѣмъ достанется — и Ларькѣ не сдобровать!

— Да за что же, батюшка Петръ Семеновичъ! Вѣдь вихремъ отнесло; всѣ мы видѣли... Въ прошломъ году вонъ и съ самимъ государемъ тоже на охотѣ было: Михѣева «Дураса» при немъ вѣтромъ откинуло. Только ужъ три недѣли спустя сыскашъ да принесенъ былъ.

— Да то «Дурасъ», а то «Холмогоръ»!.. За «Дураса» посулилъ государь Михѣева батошьемъ угостить, да на посулѣ и осталось. А за «Холмогора» онъ, подь сердитую руку—пожалуй Ларьку на соболиную ловлю отправить?

— Охъ, грѣхи тяжкіе! сокрушался Табалинъ, жалѣя о своемъ любимцѣ.

Ларюшка провелъ въ чуланѣ тяжелую, бессонную ночь. Когда ему удавалось задремать на нѣсколько минутъ, ему грезились такіе страхи, что онъ, присыпаясь, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Особенно заботило его то, что пропалъ его дорогой «Холмогоръ» вмѣстѣ съ царскимъ жалованнымъ перстнемъ, и что могли найтись недобрые люди, которые бы на тотъ перстень покорыствовались, и загубили бы кречета, чтобы слѣдъ замести... И чуть только закрывалъ Ларюшка очи, ему тотчасъ представлялось, что передъ нимъ стоитъ двинскій воевода и свертываетъ голову «Холмогору», приговаривая: «вотъ тебѣ и царскій кречеть! Вотъ тебѣ и челобитная!» И воевода заливался такимъ хохотомъ, что тряслась и ходенемъ ходила вся его утроба.

Наконецъ, рано утромъ, открыли дневальные сокольники чуланъ, вывели оттуда Ларюшку и повели въ переднюю избу, гдѣ уже ожидали его Матюшкинъ съ Хомяковымъ и съ начальными.

Ларюшка повалился въ ноги сокольничему, и такъ былъ взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова—только слезы градомъ полились у него изъ глазъ.

Матюшкинъ тоже былъ видимо тронуть, хоть и старался казаться гнѣвнымъ и строгимъ.

— Рядовой сокольникъ Ларька Омеляновъ! произнесъ онъ громко.— Докладывалъ я вчера великому государю о нашемъ нежданномъ горѣ, и распалился государь на меня великимъ гнѣвомъ, и велѣлъ тебѣ сказать:—если въ двѣ недѣли не отыщешь ты его

любимаго кречета и не доставишь его на Потѣшный дворъ здрава и невредима, то велить онъ тебя батожьемъ наказать нещадно и отправить обратно на родину, въ городъ Холмогоры. Если же отыщешь, не оставитъ онъ тебя своею милостью и наградитъ тебя такъ, что ты и не чаешь.

Ларюшка еще разъ поклонился въ ноги Матюшкину и сказалъ твердо:

— Господинъ сокольничій! Коли не сыщу я своего ненагляднаго «Холмогора» — не видать мнѣ болѣе твоихъ очей ясныхъ! Однако, надѣюсь на милость Божію...

И онъ не могъ докончить — опять заплакалъ.

— Мужайся! Да живѣй собирайся въ путь! Не трать времени попустому. Петръ Семеновичъ! Прикажи Ботвиньеву выдать Ларькѣ охранную грамоту, да пусть возьметъ съ собою коня и запасъ на дорогу. Съ Богомъ!

Ларюшка еще разъ низѣхонько поклонился Матюшкину и вышелъ изъ избы, собираться въ дорогу. А Матюшкинъ досадливо махнулъ рукой и сказалъ Хомякову:

— Вѣдь вотъ поди же ты! Стряслась бѣда на самолучшаго сокольника! И вѣдь я его знаю: онъ въ словѣ твердъ... Не найдетъ онъ кречета, — головы на плечахъ не споситъ! Жаль парня, коли пропадетъ задаромъ... А я было мѣтилъ его нонче въ старшіе рядовые вывести... Видно, не судьба? А все-таки жаль помѣра!

XX.

Верстахъ въ полтораста отъ Москвы, въ сторонѣ отъ Владимірской дороги, стояло сельцо Терехово и жилъ въ немъ на помѣстьѣ боярскій сынъ Иванъ Ѳедоровичъ Крюкъ-Колычевъ! Человѣкъ онъ былъ ужъ старый и на вѣку своемъ много поту за Русскую землю утѣръ, много «кровей» своихъ на службѣ царской пролилъ. При покойномъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ ходилъ онъ на шведовъ и на ляха, бился и съ татарами, и съ лисовчиками; а теперь, когда за него на службу поверстаны были его два старшіе сына, Иванъ Ѳедоровичъ доживалъ вѣкъ въ небольшомъ своемъ помѣстьицѣ и занимался хозяйствомъ.

Жилъ онъ и не шибко, да сытно. Не было у него никакихъ излишковъ, да за то и нужды ни въ чемъ не было, и никому изъ сосѣдей не приходилось кланяться. Мало того: была у Ивана Ѳедоровича въ усадьбѣ, въ сторонкѣ отъ сада, пасѣчка на хохлацкій образецъ устроена и въ той пасѣчкѣ бывало у него ульевъ съ полсотни и больше; и всѣ сосѣди той пасѣчкѣ завидовали.—«Никто не умѣетъ такъ за пчелами ходить, какъ «Старый Крюкъ»,—говаривали сосѣди». — «У другихъ улья пусты, а къ нему рой за роємъ такъ и валится! Да никто же и медовъ такихъ варить не умѣетъ, какъ Иванъ Ѳедоровичъ!» И точно: умѣлъ онъ ихъ варить, умѣлъ ставить, и раза два въ годъ онъ угощалъ ими на славу все свое сосѣдство, всѣхъ, съ кѣмъ водилъ знакомство и дружбу.

Въ усадьбѣ у «Старога Крюка» была и еще одна забава, которой завидовали сосѣдніе помѣщики:— среди двора стояла у него голубятня и на той голубятнѣ не переводились всякіе голуби: и турмана, и мохноногіе, и козыри, и какъ снѣгъ бѣлые, и разномастные. День-деньской, бывало, воркуютъ да суетятся, да съ крыши на крышу перелетаютъ. Любуется, бывало, ими Иванъ Ѳеодоровичъ, сидя на крылечкѣ, посвистываетъ на нихъ, помахая длинной хворостивой съ тряпкою, чтобы ихъ летать заставить, и не нарадуется, когда они туча-тучей надъ домою поднимутся и кружатъ въ воздухѣ, блестя на солнцѣ крыльями...

И все бы, казалось, не дурно: да была на рукахъ у Ивана Ѳеодоровича одна тяжелая, претяжелая забота. Покойная жена его, кромѣ двухъ сыновей, родила ему дочку, да вскорѣ потомъ заболѣла и умерла. Остался Иванъ Ѳеодоровичъ старымъ вдовцомъ съ маленькой дочкой на рукахъ; вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ ее—и выросла дѣвица красавица. Да вѣдь ужъ кто же того не знаетъ, что дочь отцу «въ старости не опора и въ напасти не оборона...» Вотъ потому-то и сокрушался Иванъ Ѳеодоровичъ о своей Пашутѣ. Дѣвушка на возрастѣ (съ вешняго Николаи двадцатый годъ пошелъ), а жениховъ во всемъ околоткѣ не сыскать:—кто бы и посватался за нее, за того она сама не пойдетъ, а кто получше тѣхъ, тѣ смотрятъ такъ бы взять за себя не жену добрую, а приданое богатое... Вотъ и сидитъ, и горюетъ частенько Иванъ Ѳеодоровичъ, и не знаетъ, какъ ему

быть съ своей заботой: шутка ли на старости усмотрѣть за молодой дѣвушкой, уберечь ее отъ всякой напасти, да еще и о томъ подумать какъ бы ее позабавить, порадовать—уму-разуму ее научить?

Такъ-то разъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ крылечкѣ Иванъ Федоровичъ, да посматривалъ на свою голубятню, между тѣмъ какъ Пашута въ сторонѣ, съ двумя крестьянскими бабами, доила коровъ подъ навѣсомъ и молоко процѣживала. Голуби кружились надъ дворомъ и перелетывали съ крыши на крышу.

Вдругъ случилось что-то странное, совсѣмъ необычайное и невиданное! Голуби, однимъ махомъ, взмыли всею статью въ сторону и пугливо бросились подъ крыши, подъ навѣсы, подъ кровельку крылечка... Въ ту же минуту на крышу голубятни тяжело шлепнулся, распластавъ крылья, бѣлый мохноногій голубь, съ перебитымъ крыломъ и окровавленной шеей; онъ еще трепеталъ и помахивалъ однимъ крылышкомъ, но ужъ не могъ поднять головы.

Иванъ Федоровичъ вскочилъ разомъ на ноги, глянулъ вверхъ въ изумленіи и видитъ, что на крышу голубятни, плавно и мѣрно взмахивая крыльями, спускается какая-то большая птица... Спускается,—и, на лету, ровно въ колокольчикъ серебряный звенить... Иванъ Федоровичъ глазамъ не вѣритъ—прислушивается и присматривается; а птица все также плавно спускается прямо на голубятню. Спустилась, сѣла на побитаго голубя и принялась его свѣжевать.

Тутъ ужъ Иванъ Ѳедоровичъ не вытерпѣлъ—закричалъ во весь голосъ:

— Пашута, Пашута! Ступай сюда скорѣй — смотри, что это за птица невиданная! Ни вѣсть отколь влетѣла—рветъ на крышѣ голубя!..

А самъ ужъ и за камень ухватился—хочетъ непрошеннаго гостя камнемъ попотчивать. Да подбѣжала Пашута съ бабами—и съ двухъ сторонъ Ивана Ѳедоровича ухватили за руки.

— Батюшка! не тронь этой диковинной птицы—глянь-ко, глянь, что у ней подъ крыломъ-то блеститъ!

— Гдѣ блеститъ! что вы, бабы, путаете?

— Да, вонъ же, вонъ! Подъ правымъ крыломъ словно красный огонекъ, либо уголь горитъ!

«Старый Крюкъ» сталъ всматриваться, и видить—точно! Пониже крыла, на латѣ у птицы горитъ что-то, и на солнцѣ огнемъ краснымъ переливается, искрами сыплеть... Обомлѣвъ Иванъ Ѳедоровичъ не меньше бабъ; то на птицу посмотреть, то на Пашуту свою. А бабы-то крестятся, да про себя твердятъ:

— Съ нами крестная сила! Пронеси навожденіе, Господи? Еще птица-то крышу бы не спалила!

И между тѣмъ, какъ бабы, Пашута и Иванъ Ѳедоровичъ смотрятъ съ крылечка на диковинную птицу, та преспокойно продолжаетъ свѣжевать голубя—свѣжуетъ его не торопясь, не обращая на людей ни малѣйшаго вниманія и величаво поводя по сторонамъ своими большими зоркими очами. На-

конецъ, Иванъ Федоровичъ, глядѣлъ, глядѣлъ на птицу да и плюнулъ.

— Дуракъ я, дуракъ! Чего я всполошился, да и васъ-то всѣхъ напугалъ! Да вѣдь это соколъ, либо кречеть! Залетѣлъ сюда ненарокомъ—отъ чьей нибудь боярской охоты отбился!

— Чтой-то ты, батюшка Иванъ Федоровичъ, вздумалъ, отозвалась одна изъ бабъ.—Какой же это соколъ—это, смотри, не жарь-птица ли? Развѣ у сокола такъ подъ крыломъ можетъ горѣть?

— Охъ, не къ добру—не къ добру, батюшка, заголосила другая баба.

Пашута пугливо прижалась къ отцу.

— Подите прочь! Еще голосить вздумали! Ну васъ! Что у него на лапѣ надѣто—не знаю; а что это соколъ—да еще ручной—такъ это вѣрно. Видишь, Пашута, терзаетъ отъ голубя у насъ на глазахъ и ничуть насъ не боится. Ихъ вѣдь и все голубатиной кормятъ.

Покончивъ съ голубемъ, птица, которую бабы принимали за «навожденіе», почистила клювъ лапой, встрепенулась, и съ крыши голубятни перелетѣла къ слуховому окну на вышкѣ дома, сѣла на краешкѣ его, какъ на нашести, нахохлилась и стала дремать.

— Постой! Теперь ты отъ меня не уйдешь!—сказалъ Иванъ Федоровичъ, вздѣвая на хворостину обручъ съ сѣткой.—Теперь я тебя изловлю, и коли явится ко мнѣ твой хозяинъ, я тебя безъ выкупа не выпущу.

И «Старый Крюкъ» полѣзъ на крышу, загородилъ сѣткой слуховое окно и, спустившись обратно, шепнулъ Пашутѣ:

— Что они врутъ, дуры-бабы,—не къ добру? Знать позабыли, что въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ дѣвичникъ, поется:

«Прилеталъ младъ ясенъ соколъ,
«Садился къ дѣвицѣ на причилинку,
«На косяцато на окошечко».

— Ну, да! такъ и есть! смѣясь, отозвалась Пашута,—тебѣ, батюшка, всюду женихи мои грезятся!

XXI.

Бываетъ и сонъ въ руку, и примѣта кстати. Не прошло и сутокъ съ той поры, какъ «Старый Крюкъ» захопнулъ у себя на вышкѣ диковинную птицу съ серебрянымъ колокольцемъ на хвостѣ и съ дорогимъ перстнемъ на лапѣ, какъ явился въ село Терехово неожиданный гость. Иванъ Ѳедоровичъ вдорчался съ поля, сидя верхомъ на своемъ «Гнѣдкѣ» впряженномъ въ соху, а за нимъ ѣхали трое его батраковъ на другихъ лошадяхъ съ другими сохами—и видить, что съ другой стороны подѣзжаетъ къ воротамъ его усадьбы какой-то конный. Подѣхавши ближе, Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ высокаго и статнаго парня, въ синемъ сукольномъ кафтанѣ и островерхой кожаной шапкѣ, изъ-подъ которой выбивались его густыя русыя кудри. Парень стоялъ у

воротъ усадьбы, опершись о луку сѣдла, и разговаривалъ съ Пашутой.

Когда Иванъ Федоровичъ подѣхалъ къ воротамъ, парень снялъ шапку и низенько ему поклонился; Пашута, раскраснѣвшись, подбѣжала къ отцу и скороговоркой проговорила:

— Батюшка, вотъ проѣзжій переночевать у насъ просится. Пусти его!

А сама юркнула въ калитку и была такова.

«Старый Крюкъ» оглядѣлъ пріѣзжаго внимательно и спросилъ его опасливо:

— Откуда будешь, добрый молодецъ? Дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

— Съ Москвы ѣду—подѣлу государеву,—отвѣчалъ парень.—Прошу, не пустишь ли меня переночевать?

— Какъ царскому слугѣ въ ночлегѣ отказать! Милости просимъ! Коли я и допрашивалъ тебя, такъ вѣдь потому, что у насъ въ сторонѣ есть довольно народу всякаго... Есть и недобрые люди... Эй! возьмите коня гостинова!

И «Старый Крюкъ» ввелъ гостя въ свой домъ.

— А какъ будетъ твое святое имячко?

— Лариономъ зовутъ, а слыву Омельяновымъ.—

А службу въ сокольникахъ государевыхъ.

Иванъ Федоровичъ такъ и вскинулъ на него глазами и чуть-чуть удержался, чтобы не рассказать ему о вчерашней своей удачѣ.

— Въ сокольникахъ? переспросилъ онъ гостя.—

Хм! А смѣю спросить—за какимъ же это ты дѣломъ ѣдешь?

Ларюшка посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича и сказалъ съ грустью:

— Лучше и не спрашивай—не вереди напрасно моей раны...

Иванъ Ѳедоровичъ только ротъ разинулъ и хотѣлъ дальше гостя допросить, какъ изъ сосѣдней комнаты дверь скрипнула, и вошла Пашута, а за ней слѣдомъ дворовая дѣвка—принесли и поставили на столъ ужинъ.

— Вотъ и дочка моя! — Ларіонъ... какъ бишь тебя по батюшкѣ величать?

— Яковлевъ! Да ты ужъ зови меня просто Ларіономъ... Не заслужилъ я еще, чтобы меня по изотчеству величать!

— Такъ вотъ, Ларіонъ Яковлевичъ! Видишь ты, какая у меня хозяйка молодая, да недогадливая, — продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, указывая на дочку. Ужинать-то намъ дала, а меду не принесла; а вѣдь сама знаетъ, что такихъ медовъ, какъ у «Старога Крюка», на сто верстъ въ околотеѣ нѣтъ!

Пашута, и безъ того ужъ раскраснѣвшаяся, зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ и побѣжала въ погребъ за медомъ. Только тогда, когда она вернулась обратно съ большимъ жбаномъ ароматнаго меда и съ двумя оловянными стопками, Иванъ Ѳедоровичъ замѣтилъ, что дочка его была «даже очень догадлива». Она успѣла для гостя и принарядиться, и оже-

рельеце на шею надѣть, и ленту новую въ косу вплести.

За медомъ бесѣда пошла поскладяѣе и поровнѣе. У добраго молодца азыкъ развязался и онъ подъярьдъ, безъ всякой утайки, разсказалъ Ивану Ѳедоровичу всю свою жизнь. Разсказалъ, какимъ великимъ счастиемъ, не по заслугамъ, взыскалъ его Богъ, и какимъ жестокимъ посѣтилъ испытаніемъ. Свой простой, чистосердечный разсказъ онъ заключилъ словами:

— Ты спрашивалъ, за какимъ дѣломъ я ѣду! Такъ вотъ теперъ я тебѣ и скажу на-чистоту: за своей головой ѣду! Коли сыщу кречета царскаго—живъ буду; не сыщу—не сношу на плечахъ головушки! Не понесу ее на позоръ, да на посмѣхъ своей же братьѣ-сокольникамъ...

— Не ладное говоришь, Ларіонъ Яковлевичъ! Наша голова намъ не игрушка! Срокъ у тебя есть, помщешь, авось и найдешь кречета...

Ларушка ничего не сказалъ—только голову повѣсилъ... Онъ уже десять дней искалъ своего «Холмогора», ужъ полтора ста верстъ отъ Москвы отѣхалъ, вездѣ по пути о немъ разспрашивалъ, и нигдѣ о царскомъ любимомъ кречетѣ не было ни слуху, ни духу.

Иванъ Ѳедоровичъ, тѣмъ временемъ, налилъ еще меду въ обѣ стопки и спросилъ у Ларушки, плутовато прищуривъ глаза:

— Чай ты, добрый молодецъ, ничего бы не пожалѣлъ для того человѣка, кто бы тебѣ царскую

птицу вернулъ? Небось отцомъ бы роднымъ его назвалъ?

— Въ кабалу бы пошелъ вѣковѣчную! Работалъ бы на него всю жизнь до смертнаго часа.

— И крестъ на своемъ словѣ поцѣлуешь? сказалъ «Старый Крюкъ», пристально вглядываясь въ парня.

Ларюшка вдругъ вскочилъ со своего мѣста и впился глазами въ своего собесѣдника.

— Ты вѣрно знаешь, гдѣ мой «Холмогоръ»? воскликнулъ онъ, внѣ себя отъ радости и волненія.

«Крюкъ» нахмурился и посмотрѣлъ на парня исподлобья:

— А ты вѣрно ужъ и спятиться со своего слова хочешь?

— Я-то?! Отецъ родной! Да вотъ тебѣ Богъ свидѣтель! А вотъ тебѣ и крестъ святой цѣлую, что если ты мнѣ укажешь, гдѣ мнѣ искать царскаго кречета... если ты меня на слѣдъ наведешь... Я тебѣ на себя кабальную запись выдамъ!

И Ларюшка, вытащивъ крестъ изъ-за пазухи, набожно перекрестился и трижды его поцѣловалъ.

Иванъ Федоровичъ медленно поднялся со своего мѣста, подошелъ къ двери въ смежную комнату, пріотворилъ ее и крикнулъ:

— Эй, Пашута, ступай сюда!

Пашута переступила черезъ порогъ и остановилась въ смущеніи, видя, что отецъ ея стоитъ среди комнаты, а гость около стола—и въ великомъ смущеніи.

— Ну, Ларіонъ Яковлевичъ, мнѣ съ тебя теперь

кабальной записи не брать, ты мнѣ крестъ цѣловаль, что ее выдашь; только ужъ такъ, для порядка, повтори еще разъ, при моей дочкѣ, въ чемъ ты мнѣ запоручаешься.

Ларюшка повторилъ все, что ужъ прежде сказалъ отъ слова до слова, повторилъ и клятву свою, помянулъ и о крестоцѣлованіи.

— Такъ слышишь, Пашута! Если я укажу этому молодцу, гдѣ ему искать царскаго кречета или только на слѣдъ его наведу, такъ онъ долженъ быть въ моемъ домѣ вѣковѣчнымъ кабалнымъ работникомъ, до послѣдняго смертнаго часа! Хотя бы Богъ послалъ по мою душу грѣшную, Ларіонъ Омельяновъ долженъ будетъ у тебя кабалу нести, и на тебя весь свой вѣкъ работать...

Пашута ничего не понимала. Она поглядывала то на отца, то на русоволосаго заѣзжаго молодца, и пришла къ тому убѣжденію, что вѣрно имъ обонимъ старый стоялый медъ забрался въ голову и тамъ бродить-ходить въ ней да колобродить.

— Да ты что посматриваешь? Думаешь, я шутки шучу? Или, можетъ, что охмѣлѣлъ отъ меду? Ну, такъ вотъ же тебѣ мой приказъ: веди добраго молодца на вышку, гдѣ у меня сидитъ пойманный кречетъ съ серебрянымъ колокольцемъ да съ драгоцѣннымъ перстнемъ.

Ларюшка, какъ услышалъ эти слова, такъ и взмолился къ Пашутѣ:

— Веди, веди меня къ нему, красная дѣвица! Спасай мою буйную головушку отъ бѣды ниминучей!

XXII.

Какъ обрадовался Ларюшка, когда принялъ отъ Пашуты своего «Холмогора» цѣлымъ и невредимымъ, когда ощупалъ на лапѣ и завѣтный царскій перстень—объ этомъ мы и говорить не станемъ. Ларюшкѣ, казалось, что онъ, послѣ долгой ночи, впервые увидѣлъ свѣтъ, впервые свѣжимъ воздухомъ вдохнулъ... Онъ, Ларюшка, бережно снялъ «Холмогора» съ вышки, приласкалъ, покорнилъ изъ своихъ рукъ, а потомъ вынулъ изъ кармана обносы съ должникомъ, надѣланныхъ на лапы кречету, устроилъ ему наскоро нашестъ въ комнатѣ и привязалъ его къ нашести на-крѣпко. А затѣмъ и клубочокъ ему на голову надвинулъ:—Сиди молъ здѣсь! Никуда отъ меня не уйдешь!

И тутъ только онъ вдохнулъ полною грудью—тутъ только понялъ, какой бѣды избѣгъ! И опять чуть не въ сотый разъ бросился обнимать Ивана Федоровича...

Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, что Иванъ Федоровичъ ему жизнь спасъ, отъ позора его избавилъ—и Ларюшкѣ даже въ голову не приходило сѣтовать на «Старого Крюка» за то, что онъ потребовалъ за свою услугу такой дорогой платы.

На другой день рано утромъ сталъ Ларюшка въ дорогу снаряжаться и видитъ, что «Старый Крюкъ» все на него поглядываетъ, да въ бороду ухмыляется.

— Слышь-ка, ты, Ларіонъ Яковлевичъ! Должно быть ты меня за нехрестя, али за бусурмана вѣняешь?

— Какъ такъ?

— Такъ неужли же ты и вправду думаешь, что я тебя въ кабалу возьму и вѣкъ на себя работать заставлю?

Ларюшка посмотрѣлъ на него съ какимъ-то оторопѣлымъ видомъ; онъ рѣшительно ничего понять не могъ.

— И наложилъ бы я на тебя кабалу, кабы лучше тебя зналъ, да зналъ бы, что тебя точно въ домъ принять можно... Да дѣло-то это... то есть, кабала-то эта не подневольная...

— Какъ не подневольная! воскликнулъ Ларюшка.—Аль не вѣришь мнѣ? Вѣдь я же тебѣ крестъ цѣловалъ!.. Вотъ только отвезу на Москву кречета, расскажу тамъ, какъ было дѣло, да и вернусь къ тебѣ...

— Да не въ тотъ огородъ ты лѣзешь! нетерпѣливо перебилъ его «Старый Крюкъ».—Я тебѣ говорю, что не надо мнѣ твоей кабалы... А вотъ кабы зналъ я, что дочкѣ моей ты пригоденъ будешь, по смерти-то моей... Она вѣдь у меня одна забота... На кого ее-то покину, какъ умирать Богъ велитъ?!

Ларюшка начиналъ догадываться...

— Вотъ какъ я о ней-то раздумаюсь, такъ и придетъ мнѣ въ голову... Ну, да что тутъ путать околесную! съ досадою сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, — лучше я тебѣ напрямикъ скажу... Ты мнѣ пригля-

нулся и сдаётся мнѣ, что ты добрый человѣкъ. Такъ вотъ, вмѣсто кабалы-то, какъ вернешься въ Москву, да все дѣло государское уладишь, да управишь,—да если, примѣрно, задумаешь жениться... Засылай сватовъ, я за тебя дочку отдамъ, коли нѣтъ у тебя другой зазнобы...

На такую кабалу Ларюшка, конечно, согласился съ радостью.

Ударили они съ Иваномъ Ѳедоровичемъ по рукамъ, и сговорились, что теперь ничего Пашутѣ не скажутъ, а только по осени, послѣ осенней охоты, Ларюшка отпросится у подсокольничаго и приѣдетъ къ Ивану Ѳедоровичу на побывку,—да тогда ужъ, не мѣшкая, веселымъ пиркомъ и за свадебку. И еще разъ Иванъ Ѳедоровичъ этотъ уговоръ съ Ларюшкой стопой меду запилъ—и когда Пашута имъ тотъ медъ съ погребца принесла, «Старый Крюкъ» все только на нее посматривалъ, да посмѣивался, да на Ларюшку головой кивалъ.

Будущій тестъ съ будущимъ зятемъ еще не успѣли и стопокъ своихъ допить, какъ вбѣжалъ въ комнату босоногій мальчишка и крикнулъ во все горло:

— Батюшка, Иванъ Ѳедоровичъ! Къ тебѣ кто-то на пяти подводахъ отъ города ѣдѣтъ... Человѣкъ по пять на подводѣ, да съ ружьями!..

За мальчишкой прибѣжали бабѣ, потомъ Пашута—перепуганная. Всѣ кричали, что ѣдутъ въ гору по дорогѣ къ усадьбѣ вооруженные люди...

— Прости Господи! Ужь не разбойники ли?

— Не приказные ли съ дякомъ? сказалъ Иванъ Федоровичъ. — Эти подчасъ хуже разбойниковъ. Пойти посмотрѣть.

И, выйдя съ Ларюшкой на крылечко, Крюкъ глянулъ на дорогу и увидѣлъ, что дѣйствительно къ воротамъ околицы подъѣхало пять подводъ; что на двухъ переднихъ сидятъ человекъ десять городовыхъ стрѣльцовъ, а на трехъ заднихъ онъ узталъ переяславскаго воеводу, дьяка его, Оболдуя Халилова, и нѣсколькихъ знакомыхъ посадскихъ. Остальные люди были ему совершенно неизвѣстны. Крюкъ немедленно отправилъ людей отворить ворота; а самъ сошелъ съ крыльца, въ ожиданіи непрощенныхъ гостей.

Какъ только воевода вступилъ во дворъ, такъ тотчасъ обратился къ дьяку и сказалъ громко:

— Возьми стрѣльцовъ и разставь ихъ кругомъ дома. Чтобы муха отсюда не вылетѣла! Какъ ихъ разставишь по мѣстамъ, поспѣшай самъ сюда. А вы, поняты, за мною...

— Господинъ воевода? обратился «Старый Крюкъ» съ вопросомъ. — Дозволь тебя спросить—чѣмъ я такую напасть заслужилъ, что ты на меня, какъ на вора, съ понятыми да съ дреколіемъ пожаловалъ?

— А вотъ сейчасъ узнаешь, зачѣмъ я пожаловалъ! сурово отозвался воевода. — Вотъ какъ скрутишь мы тебѣ руки за спину да посадимъ на телѣгу, такъ узнаешь... Потому ты царской волѣ учиняешься, ослушникъ.

— Я-то? Когда же? въ чемъ?

— Да ты полно, не отпѣкивайся! Все равно весь домъ у тебя вверхъ дномъ поверну—все обыщу!

— Да въ чемъ же? Въ чемъ? Объяви вину мою!

— Довѣдался я вчера, отъ твоихъ же людей, что у тебя царская ловчая птица объявилась, и что ты ее укрыть осмѣлился—и мнѣ не донесъ! А у насъ еще на прошлой недѣлѣ грамота съ Потѣшнаго двора государева получена, чтобы гдѣ въ нашихъ мѣстахъ залетный царскій кречеть объявится—немедля его на Москву доставить...

— А какъ же я могъ знать, господинъ воевода, какая у тебя грамота въ твоей дьячьей избѣ получена?..

— Чего тутъ еще разговаривать... Показывай, гдѣ ты птицу государеву дѣвалъ?.. Подай ее сюда! кричалъ и горячился воевода.

— Опоздать твоя милость изволила! насмѣшливо кланяясь, сказалъ «Старый Крюкъ».—Я ту самую птицу изъ полы въ полу государеву кречатнику передалъ, который по тебѣ птицу присланъ.

— Еще что выдумалъ? Гдѣ ему тутъ быть! Кабы онъ сюда заѣхалъ, такъ ко мнѣ бы прежде заявиться долженъ!.. А безъ меня—ни-ни.

— А вотъ онъ и самъ тебѣ налицо! сказалъ Иванъ Федоровичъ, указывая на Ларюшку.—Самъ и въ отвѣтъ.

— Стану я его отвѣтовъ слушать! Вяжи и его, и въ городъ!.. Въ приказной избѣ разберемъ.

— Нѣтъ, постой, господинъ воевода! смѣло мол-

виль Ларюшка, выступая впередъ и отстраняя понятыхъ рукою.—Аль тебѣ не вѣдомо, что въ нашихъ сокольничихъ грамотахъ сказано: «сокольниковъ и кречатниковъ государевыхъ ни воеводы, ни намѣстники, ни тіуны ихъ ни въ какихъ дѣлахъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и вобчихъ дѣлъ»... «А кому будетъ на нихъ чего искати—ино ихъ судитъ самъ великій государь или его сокольничій»...

Воевода хотѣлъ было возражать, но дьякъ, который разслышалъ слова кречатника государева, шепнулъ на ухо воеводѣ:

— Это онъ правильно!.. И у нашихъ переяславскихъ сокольниковъ тоже въ грамотахъ значитъ...

Тогда воевода понизилъ голосъ и спросилъ Ларюшку:

— Да ты кто же такой будешь?

Я тотъ самый и есть кречатникъ государевъ, который на поиски кречета посланъ... Зовутъ меня Ларькой Омеляновымъ, а коли не вѣришь, такъ я тебѣ прочту и охранную грамоту, которая мнѣ отъ царскаго сокольничаго дана.

И Ларюшка вынулъ изъ-за пазухи грамоту, въ которой было подробно прописано, куда и зачѣмъ онъ отправленъ; а всѣмъ «воеводамъ и инымъ властямъ» виѣнялось въ обязанность «чинить тому кречатнику Ларькѣ Омелянову всякое вспоможеніе, давать ему работныхъ людей, сколько человекъ пристойно, и поить, и кормить его, и лошади государевой давать кормъ, сѣно и овесъ, и кречету госуда-

реву, буде сыщется, давать на прокормъ мясца»... «И какъ поѣдетъ онъ на Москву съ кречетомъ государевымъ, государевы намѣстницы по городамъ, и по волостямъ волостели, и ихъ пошленники, и по мытамъ мытчики, и по рѣкамъ перевозчики, и по гатамъ гатовщики, мыта и тамги, и явки, ни иныхъ некоторыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ»...

Воевода въ совершенномъ недоумѣннiи посмотрѣлъ на дьяка.

— Обалдуй! Какъ же такъ? Погляди, подлинная ли у него грамота?

— Подлинная, государь, отвѣчалъ дьякъ, посмотрѣвъ въ Ларюшкину грамоту, которую тотъ крѣпко держалъ въ рукахъ. — Писана на александрійскомъ листу, и печати при ней малая государева изъ краснаго вѣску, на снурку.

— Кажись, и намъ въ нашихъ послушныхъ указахъ, кречатникъ, что на поиски посланъ, не Омельяновымъ ли названъ?

— Такъ точно — Ларькой Омельяновымъ! сказалъ дьякъ, заглянувъ въ какую-то бумагу.

— Ну, такъ намъ теперь надо еще только посмотреть, вѣрны ли примѣты царской птицы. А ну-ка, господинъ кречатникъ, вынеси ее къ намъ сюда!

Ларюшка вынесъ на крыльцо «Холмогора», и дьякъ съ воеводою подробно осмотрѣли опись примѣтамъ государева кречета. Дьякъ читалъ въ грамотѣ примѣты, а воевода оглядывалъ птицу и поддакивалъ.

— Кречеть цвѣтомъ красенъ, читаль дьякъ,—а крылья у него подкрасны...

— Такъ, такъ, подкрасны...

— Спина и хлупъ темнокрасные, на папоркахъ перья бурнастыя...

— Такъ, точно такъ—бурнастыя...

— Хвостъ бурнастый же, съ малой проглинностью...

— Вѣрно—съ проглинностью...

— На правой лапѣ перстень съ руки государевой, а въ гнѣздѣ у перстня камень самоцвѣтный, красный, самый добрый...

— Съ руки государевой!! Такъ!.. Ахъ, Господи ты Боже, Отецъ нашъ! заговорилъ скороговоркою воевода, и шапку передъ перстнемъ государевымъ снялъ, и птицѣ государевой низкій поклонъ отвѣсилъ.

Затѣмъ и дьякъ, и всѣ понатые по поклоу же ударили.

— Ну, господинъ кречатникъ, обратился воевода къ Ларюшкѣ ужъ совсѣмъ ласково,—прощенья просимъ, что потревожили. Изъ усердія, ей, ей, только изъ усердія... Обалдуй, ступай, сними стрѣлецкій караулъ!.. Ей-Богу изъ усердія, потому государево дѣло—прежде всего! А тутъ слышу—государева птица къ Крюкъ-Колычеву на голубятню опуститься изволила, а онъ будто бы укрылъ ее... Ну, вотъ, я и поспѣшилъ, по горячему слѣду... Прощенья просимъ, Иванъ Ѳедорычъ...

«Старый Крюкъ» только плечами пожалъ и от-
вернулся отъ него.

— Дьякъ, сажай понятыхъ на подводы, а пяте-
рыхъ стрѣльцовъ оставь господину кречатнику для
охраны государевой птицы... А ты когда же къ Мо-
сквѣ-то двинешься?

— Да вотъ, кабы ты не задержалъ, такъ я бы
ужъ и на пути былъ...

— Да вѣдь пойми же ты, господинъ кречатникъ,
что я это впрямь отъ усердія... Такъ я тебѣ сей-
часъ изъ города и подводы пришлю съ проводника-
ми, и запасу на дорогу... Чай не обезсудишь?..

И воевода, видимо смущенный, поспѣшилъ уда-
литься къ своимъ подводамъ, живо вскочилъ на пе-
реднюю и во всю прыть помчалъ къ городу.

XXIII.

Минуло съ полгода послѣ описанныхъ нами собы-
тій. Крещенскіе морозы стояли на дворѣ и гулко по-
стукивали въ углы и стѣны московскихъ домовъ,
занесенныхъ снѣгомъ, а красноватые лучи зимняго
солнца рисовали причудливые узоры на слюдяныхъ
окнахъ, затянутыхъ сплошнымъ покровомъ заледе-
нѣвшаго инея.

Въ одинъ изъ этихъ морозныхъ зимнихъ дней,
Петръ Семеновичъ Хомяковъ засталъ Матюшкина
за чтеніемъ только что полученнаго царскаго пись-
ма и въ очень веселомъ расположеніи духа.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій Матюшкинъ сказалъ Хомякову:

— Я за тобою нарочнаго посылалъ—дѣло есть. Великій государь писать изволить изъ Рубцова, что будетъ на Москву къ концу недѣли. Да пишетъ все таково забавно, весело—видно, что у него на сердцѣ легко!.. Изволь прислушать: «буду въ пятницу, а то кончае, что въ субботу, часу въ четвертомъ дни. Да извѣщаю тебя, что тѣмъ утѣшаюся, что стольниковъ безперестани купаю ежеутрь въ прудѣ; Иорданъ хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти, и по двѣнадцати человѣкъ, за то—кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ; у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарочно не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ и за столъ посадятъ. Многіе нарочно не поспѣваютъ»... Ха! ха! ха! Еще бы! вѣстимо не поспѣваютъ, чтобы великой чести удостоятся,—за царскій столъ сѣсть!

Хомяковъ тоже улыбнулся, хотя и подумалъ, что въ такой морозъ и для великой чести не весело лѣзть въ прорубь.

— Да что же это я? спохватился Матюшкинъ,—о главношъ-то дѣлѣ и не скажу тебѣ... Государь, изволишь видѣть, самъ хочетъ прибыть къ намъ на Потѣшный дворъ, какъ мы Ларьку Омелянова изъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ въ начальные жаловать будемъ. Самъ хочетъ все благочиніе и сло-

вочестіе сокольничья чина видѣть... Такъ ты все приготовь, смотри, да уряди къ воскресенью.

— Будеть готово, сказалъ съ видимымъ удовольствіемъ Хомяковъ. — Это вѣдь всѣмъ намъ праздникъ! И Богу слава, и Омелянову — честь и хвала.

— Да ужъ истинно Богу слава!.. Вѣдь какая вдругъ было на него бѣда стряслась. И точно, что дивны дѣла Господни: десять дней кречетъ въ лѣсахъ пропадалъ, да по дорогѣ Володимерской носился, за полтора ста верстъ отъ Москвы отлетѣлъ, и таки нужно ему было въ тотъ самый домъ спуститься, въ который черезъ сутки и Омеляновъ толкнулся!..

— На добрыхъ людей напалъ! Да ты, чай, слышалъ, Аванасій Ивановичъ, что онъ тамъ не одного кречета нашель, а съ кречетомъ на одной нашестви и лебедь бѣлую, чернобровую...

— Слышалъ, слышалъ, какъ же! Вотъ послѣ обряда, какъ будетъ онъ ужъ начальнымъ сокольникомъ, просится, чтобы я отпустилъ его на побывку, — тамъ свадьбу играть хочеть. Ну, да дай Богъ ему счастья — онъ малый путный!

— Ужъ какъ не путный! Недаромъ же великій государь для него и пятую статью на Потѣшномъ дворѣ учинилъ, чтобы его пятымъ начальнымъ сокольникомъ сдѣлать, и никого въ зависть не ввести.

— Такъ смотри же, Петръ Семеновичъ! Все готовь къ встрѣчѣ царской, какъ царь любить, чтобы всякая, хотя и малая вещь была «по чину честна, мѣрна, стройна и благочинна».

— Будь спокоенъ Аѳанасій Иванѣвичъ! Все такъ пристроимъ, что никто не похулитъ, а всякій похвалитъ, говорилъ Хомяковъ, откланиваясь и направляясь къ порогу.

Въ ближайшее воскресенье весь Потѣшный дворъ принялъ торжественный и праздничный видъ. Всѣ до послѣдняго сокольника нарядились въ большой сокольничій нарядъ. Изъ казны были выданы самыя дорогіе птичьи наряды для тѣхъ птицъ, которыя должны были принять участіе въ обрядѣ «благочинія и славочестія начальныхъ людей сокольнаго пути»: щегольскія вотолки, нагрудники и нахвостники изъ атласа, расшитаго золотомъ и жемчугомъ и бархатные клобучки, осыпанные яхонтовыми искрами, были въ величайшемъ порядкѣ разложены на столѣ, около того мѣста, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе торжества. Приняты были мѣры для украшенія всего дома, въ которомъ жилъ Хомяковъ и гдѣ обыкновенно происходили всякія сокольничьи празднества. Не только «передняя изба», но и заднія хоромы въ домѣ Хомякова были устланы по полу и увѣшаны по стѣнамъ дорогими персидскими и бухарскими коврами, а выше ковровъ обиты яркими нѣмецкими и англійскими цвѣтными сукнами.

Въ самомъ видномъ мѣстѣ передней избы, въ красномъ углу, разостланъ былъ золотой коверъ диковатый, а на коверъ положено зголовье полоса-

тое бархатное: а пухъ въ немъ изъ дикихъ утокъ. Противъ этого мѣста, уготованнаго для государя, были поставлены четыре нарядныхъ «стула»¹⁾ для птицъ, а между стуловъ было устроено полянво, т. е. настлано сѣно и покрыто богатою попоною. На этомъ мѣстѣ, символически изображающемъ отъѣзжее поле, и долженъ былъ происходить весь обрядъ «наряжанія» нововыборнаго начальнаго сокольника.

На первый стулъ Хомяковъ приказалъ посадить кречета, уже извѣстнаго намъ «Холмогора»; на второй—челига кречатья, на третій—сокола, на четвертый—челига соколя.

Позади этого мѣста былъ поставленъ столъ, покрытый ковромъ, и на немъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ начальными сокольниками размѣстилъ и урядилъ «птичьи наряды» для птицъ нововыборнаго и его собственные наряды.

Начальные сокольники были собраны около стола съ нарядами; а всѣ остальные, по старшинству, разставлены около стѣнъ, возлѣ лавокъ, направо и налѣво отъ стола, въ нарядныхъ рукавицахъ, но безъ птицъ и безъ шапокъ. Самъ подсокольничій сталъ впереди передъ столомъ съ нарядами; онъ былъ въ богатой перевязи и въ шапкѣ. Главный виновникъ торжества Ларюшка, до прихода государева, былъ удаленъ въ особую избу, гдѣ на него надѣли «государево жалованье», новый синій су-

¹⁾ «Стуль»—стоянецъ съ нашествью для птицы.

конный кафтанъ съ серебромъ и желтые сафьянные сапоги.

Вскорѣ послѣ того, какъ это приготовленіе было окончено, въ переднюю избу вошелъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ сопровожденіи одного только Матюшкина: — лица, не принадлежашія къ сокольничьему сословію, не имѣли права присутствовать при этомъ сокольничьемъ празднествѣ.

При входѣ царя, всѣ сокольники ему поклонились въ поясъ, а подсокольничій снялъ шапку и отступилъ отъ стола и наряда на правую сторону. Постоявъ немного, подсокольничій тихо и степенно подошелъ къ государю, уже занявшему свое мѣсто, и доложилъ ему:

— Время ли, государь, образцу и чину быть?

И государь изволилъ молвить:

— Время, объявляй образецъ и чинъ.

Подсокольничій возвратился на свое мѣсто и крикнулъ громко:

— Четвертый начальный, Терентій Тулубьевъ, прими у сокольника Андрюшки челига, нововыборнаго статьи ¹⁾, и поднеси ко мнѣ.

Когда челига ему поднесли, онъ молвилъ, обратясь къ начальнымъ:

— Начальные, время наряду и часъ красотѣ.

И самъ сталъ наряжать поданную ему птицу; а

¹⁾ Т. е. изъ числа тѣхъ птицъ, которыя должны были войти въ составъ «статьи нововыборнаго».

потомъ, при помощи начальныхъ—и другихъ трехъ птицъ.

Затѣмъ подсокольничій подступилъ къ государю и молвилъ:

— Время ли, государь, пріимать и по нововыборнаго посылать, и украшеніе уставлятъ?

— Время, пріимай и посылай, и уставляй...

Тогда подсокольничему поднесли рукавицу, онъ натянулъ ее и принялъ кречета «Холмогора» изъ рукъ начального сокольника; а затѣмъ приказалъ послать за «нововыборнымъ» двухъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они вернулись съ Ларюшкой, стали на порогъ и начали креститься и молиться на иконы. Тогда впередъ выступилъ верховой сокольный подъячій, Василій Ботвиньевъ, и молвилъ по обычаю:

— Великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Нововыборный твой государевъ сокольникъ, Ларіонъ Яковлевъ сынъ Омельяновъ, вамъ, великому государю, челомъ бьетъ.

И Ларіонъ съ товарищами поклонился государю до земли.

Немного погодя, подсокольничій сказалъ товарищамъ Ларіона:

— Рядовые, поставьте Ларіона Яковлева сына Омельянова, на поляново.

Ларюшку поставили на поляново и отобрали отъ него шанку, кушакъ и рукавицы.

Затѣмъ подошли начальныя, держа въ рукахъ горностаиную шапку, нарядную рукавицу, «съ притчами», сумку бархатную, съ вышитымъ на ней изображеніемъ райской птицы «Гамаюна» и перевязь золотую. Съ другой подступили тѣ сокольники, которые должны были служить у Ларюшки въ «податняхъ»: одинъ держалъ «вабило», другой—вощёгу, третій—рогъ серебряный, четвертый—полотецъ.

Подсокольничій подступилъ къ государю и сказалъ:

— Время ли, государь, мѣрѣ, и чести, и укрѣпленію быть?

И государь отвѣчалъ по обычаю:

— Время. Укрѣпляй.

Тогда подсокольничій приказалъ сокольникамъ:

— Начальныя! Время мѣрѣ, и чести, и укрѣпленію быть.

И начался длинный обрядъ «наряжанія» нововыборнаго, во время котораго Ботвиньевъ вынулъ изъ сумки съ «Гамаюномъ» письмо, въ которомъ изложены были обязанности нововыборнаго и указывалось ему «тѣшить великаго государя отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всякой правдѣ быть постоянну и однословну и отъ всего дурного быть чисту и за государевою охотою ходить прилежно и безсучно, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить, какъ себя и ото всякія дурности унимать ихъ безъ всякой хитрости». Затѣмъ слѣдовало исчисленіе царскихъ милостей но-

вопожалованному, въ видѣ прибавки къ жалованью, новаго платья, сукна, соболей и золотыхъ ефимковъ. Въ числѣ прочихъ царскихъ милостей, упоминалось и о томъ, что отнынѣ «великій государь повелѣвалъ писать нововыборнаго полнымъ именемъ».

По окончаніи чтенія, новопожалованный поклонился въ землю и произнесъ, по «Уряднику сокольничья пути», обычную сокольничью присягу. По окончаніи присяги, подъячій Василій Вотвиньевъ вложилъ и копию съ присяги, и «письмо» съ изложеніемъ обязанностей въ сумку нововыборнаго; а подсокольничій подошелъ доложить государю о совершеніи дѣла.

Тогда, по приказу государя, была передана Ларюшкѣ охота государева, въ видѣ четырехъ вышепомянутыхъ птицъ, которыя должны были олицетворять собою всю «статью», поручаемую его вѣдѣнью.

Новопожалованный взялъ на руку своего излюбленнаго кречета и держалъ его «смѣло, урядно и радостно», смотря прямо въ пресвѣтлыя очи государевы.

И вотъ подсокольничій сказалъ, обращаясь къ Табалину, который все еще держалъ въ рукахъ горностайную шапку новопожалованнаго:

— Первый начальникъ,—закрѣплай государеву милость.

И Табалинъ возложилъ шапку на голову Ларіона

Омельянова, который послѣшилъ ее снять, между тѣмъ какъ Табалинъ говорилъ:

— Бей челомъ государю на его государской пренной милости и памятуя ее до кончины живота своего, и общанія не позабывай, и послушанія своего не отбывай, и нашего совѣта не отменяй.

И новопожалованный трижды поклонился государю до земли.

Этимъ обрядъ былъ заключенъ и Ларіонъ Омельяновъ былъ отведенъ Табалинымъ на то мѣсто, которое долженъ былъ занять междуначальными. Тогда всѣ присутствующіе, обратясь въ его сторону, поклонились ему и поздравили его «съ государской милостью, въ новой чести и въ начальныхъ сокольникахъ».

Государь поднялся съ своего мѣста, а верховой подъячій, Василій Ботвиньевъ, выступилъ на средину передней избы и произнесъ громогласно:

— Подсокольникій, Петръ Семеновъ сынъ Хомяковъ! Царь и великій князь жалуетъ тебя съ товарищи, для новыхъ чести и мѣры новопожалованнаго пятаго начальнаго Ларіона Яковлева сына Омельянова,—велѣлъ вамъ быть у стола и веселиться, и утѣшаться съ новопожалованнымъ по чину.

Государь поклонился благосклонно и сказалъ на прощанье:

— Наслаждайтесь по нашей государской милости.

— Да здравствуетъ великій государь нашъ на многія лѣта!—закричали сокольники, и веселые клики ихъ раздавались на всемъ пути государя до

малыхъ воротъ, гдѣ его ожидали нарядныя сани, свита и почетная стража.

И долго потомъ, почти до полуночи, пировали сокольники, величали своего новаго начальника, славили подсокольничаго и сокольничаго и дивились судьбѣ Ларюшки, приговаривая:

— Счастье челоуѣка и въ лѣсной трущобѣ сыщеть; отъ него и подъгнилой колодой не укроешься!

63314

633
/4

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА

въ книжныхъ магазинахъ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» А. С. Суворина: въ Петербургъ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Сибири—въ книжномъ магазинѣ Макушина въ Томскѣ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. Лихо. Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

— Хмѣльная ночь. Историческій романъ. Ц. 1 р.

— Драми. Томъ I. Слобода Неволы.—Фролъ Скабѣевъ.— Баширская старина.— Темный и Шемяка. Ц. 3 р.

АЛАРКОНЪ, Н. Повѣсти и рассказы. Пер. съ исп. Ц. 75 к.

АНДРОНИКЪ - КОМЕНЕНЪ, Повѣсть изъ византийскаго исторіи. Издательское изданіе на велен. бум. Ц. 75 к.

АНДРЕВСКІЙ, С. А. Стихотворенія. 1878—1885. Ц. 2 р.

— Литературныя чтенія. Баратынскій.—Достоевскій.—Гаршинъ.—Некрасовъ.—Лермонтовъ.—Д. Толстой. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— Защитительныя рѣчи. Ц. 2 р.

АНТОНОВЪ, А., врачъ. Общедоступная гигиена. Ц. 75 к.

АННЕНКОВЪ, П. В. и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 г. I. 666 стр. Цѣна 3 р.

АРСЕНЬЕВЪ, А. В. Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы, для класснаго употребленія. Въ картѣ прилагаются особую книгу «Словарь писателей древняго періода русской литературы» 862-1700 г. Изданъ подъ ред. О. Ф. Миллера, проф. Спб. унив. Ц. 2 р.

— Старыя бывальщины. Историческіе очерки и картинки. Ц. 1 р. 25 к.

АХПАРУМОВЪ, Н. Д.

Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

БАЛЬЗАКЪ, Шагреневая кожа. (Нов. библ. Суворина, № 5). Ц. 60 к.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. Лѣсоохраненіе. Книга для лѣсовладельцевъ, лѣсничихъ и слушателей учебн. лѣсн. зав. Ц. 2 р. 50 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Старое и новое. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р.

БАШИЛОВЪ, А. Русское торговое право. Практическій курсъ по наброскамъ лекцій, читанныхъ въ Имп. Училищѣ Правовѣдѣнія. Вып. I. Введеніе. Торговныя правоотношенія. Ихъ субъекты, (до товариществъ). Ц. 2 р.

— Прибавленіе къ выпуску I-му Русскаго Торгового права. Указатель измѣненій и дополненій, вызванныхъ новымъ изданіемъ Уставовъ Торговль. Ц. 20 к.

БЕККЕРЪ, К. Древняя исторія, вновь обработанная В. Миллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Части I, II и III. Съ 165 рис. и 2 раскрываемыя. Ц. 1-й и 2-й книги по 1 р., а 3-й 1 р. 50 к.

БЕЛЛАМИ, Эд. Будущій вѣкъ looking backward. Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

БИВИКОВЪ, В. Маруся.—Старый портретъ.—Первая побѣда.—Мыслитель.—Изъ дневника.—Литературный вечеръ.—Забытая тетрадь. Рассказы. Ц. 1 р.

ВИЛЬБРОТЪ, ТЕОДОРЪ, д-ръ. Общая хирургическая патологія и терапія. Руководство для учащихся и врачей, обработанное А. Винивортеромъ, проф. хирургіи въ Люттихѣ. Со множ. рисунки. Изд. 5-е. Оставшіеся экз. продаются по пониженной цѣнѣ вмѣсто 4 р. 50 к. за 3 р.

ВИНЕ и ФЕРЕ. Животный магнетизмъ. Пер. съ франц. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р.

БЛАГОВО, Д. Рассказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Съ портретомъ. Ц. 3 р.

БОГОСЛОВСКІЙ, Н. Арачьевщина. Ц. 2 р.

БОГОСЛОВСКІЙ В. Леопольдъ мѣста Европы. Курорты съ мин. водами, климатич. станціи, морскія купанья, лиманы и грязелечебныя заведенія. Съ бальнеологическ. картою. Ц. 2 р. 50 к.

БОВОРИКОВСКІЙ, А. и **ГЕРАРДЪ, Н.** Системат. сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго департа. правит. Сената за 1877 г. Томъ I. Матеріальное право. Т. II. Судопроизводство. Ц. 6 р.

БОВОРИКОВСКІЙ, А. Л. Женская доля по мадороссійскимъ пѣснямъ. Ц. 60 к.

— Отчетъ судьи. Т. I. (Чиншевое право.—Третья лица въ процессѣ.—Законъ и судейская совѣсть). Ц. 1 р. 50 к.

— Томъ II. (IV. Давность.—V. Судъ и сѣмя). Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

— Законъ гражданск.

(Сводъ законовъ, т. X, ч. I. Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассацион. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и до полн. (съ текстомъ за нововъ по новому официална. изданію и съ этими текстомъ согласованы объясненія). Спб. 1889. Ц. 6 р.

БОРОВИКОВСКИЙ А. Д. Законы гражданск. Сводъ законовъ томъ X, ч. I. Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассацион. Департ. Прав. Сената. Изд. 7-е, исправл. и до полн. Ц. 6 р.

— Уставъ гражданск. судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кас. Деп. Пр. Сената. Вып. I-й (Общія положенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 2-й (Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установлен.). Ц. 1 р. 60 к.

— То же. Выпускъ 3-й (Порядокъ производства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Кн. II, разд. I. Гл. I—IX). Ц. 2 р. 25 к.

— То же. Вып. 4-й (Порядокъ производства въ судебн. мѣст. Прод. общ. ст. 566—791). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Выпускъ 5-й (Порядокъ провѣв. въ общ. суд. мѣстахъ. Прод. ст. 792—923). Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Выпускъ 6-й (Прод. ст. 924—1281 и приложенія). Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вып. 7-й. (Окончаніе: ст. 1282—1824 и приложенія). Ц. 2 р.

— Дополненія. (Рѣшенія, опубликованныя во время печатанія предѣл. выпускъ и «Продолженіе» 1886 г.). Ц. 1 р.

— Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. Изданіе переработанное:

помѣщенныя въ I-мъ изд. объясненія наложены въ болѣе сматомъ видѣ и введены новымъ объясненіями. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

— Алфавитный указат. объясн. къ Уставу Гражд. Судопроизводства. Общій для I и II изд. Ц. 50 к.

ВОРОДИНЪ, А. П. Его жизнь, переписка и музыкальныя статьи (1834—1887). Ц. 1 р. 50 к.

ВРЕТЬ-ГАРТЪ, В. Веродный. Повѣсть. Перев. съ англ. (A waif of the plains). Ц. 60 к.

БОРОЗДИНЪ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 г. Съ 5 портретами. Ц. 2 р.

БУДГАКОВЪ, Ѳ. И. Художественная энциклопедія (Иллюстрированный словарь искусствъ и художествъ). Т. I. Ц. 3 р., въ папѣ 3 р. 25 к.

— То же. Т. II. Ц. 3 р., въ папѣ 3 р. 25 к.

— Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтеніями книгопечатанія по XVIII в. включительно. Ц. 3 р. 50 к.

БУРЕНИНЪ, В. Литературн. дѣятельн. Тургенева. Съ портрет. И. С. Тургенева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

— Критическіе очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 25 к.

— Бывое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

— Стрѣлы. Стихотвор. Изд. 2-е, дополн. новымъ стихотв. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

— Мертвая нога. Таинственный процессъ.— Романъ въ Кисловодскѣ. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

твѣзъ гр. Толстого.— Лермонтовъ.— Памяти Пушкина.— Глѣбъ Успенскій). Ц. 1 р. 50 к.

— Смерть Агриппины. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.

— Хвостъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

— Ияси и шаржи. Изд. 2-е, дополненное новыми стихотвореніями. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪЖЕЦКІЙ, А. Н. Путевые наброски. Въ странѣ мантіалы и кастаньеты (За Пиренеями.— Мадридъ—Севилья.— Гренада—Виаррицъ—Парижъ). Ц. 1 р. 25 к.

— Военные на войнѣ.— Святочиные рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

— На пути. Рассказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

— Дѣтскія любовь. Почувствіе. Ц. 1 р.

— Медвѣжья угли. Повѣсти и очерки.— Подъ небомъ голубымъ. Путевые наброски и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

ВЪЛНЬЕВЪ, А. П. Записки декабриста (1808—1850). Ц. 2 р.

ВЪКЕРЪ, САМУЭЛЬ. Выброшенные моремъ. Романъ для юношества. Переводъ съ англ. Съ иллюстраціями. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.

ВОРЪ, МИХ. Струнзеве. Тр. въ 5-ти д. въ стих. прозѣ. Перев. съ нѣм.

А. П. Плещеева. Ц. 1 р.

ВАНЪ-ДЕНЪ-ВЕРГЪ. Краткая исторія Востока (египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, мидянъ, персовъ и финиціянъ). Съ 24 гравюрами и виньетками. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55-ю рисун. Изд. 2-е. Ц. въ хромокопир. папѣ 1 р. 50 к.; на вел. бум. 2 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Въ 3-хъ частяхъ.

Съ 167 рисун. Изд. 2-е. Ц. 3 р. На вел. бум. 5 р.
— Приключения капитана Гаттераса. Изд. 2-е. Съ 252 рис. Ц. въ хромо-литогр. панѣхъ 2 р. 50 к., на вел. бум. 4 р.
— Плавающий городъ. Съ 25 рис. Ц. 1 р. На вел. бум. 1 р. 50 к.
— Путешествіе вокруг луны. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 25 к. На вел. бум. 2 р.
— Восемьдесят тыс. верстъ подъ водою. Путешествіе подъ волнами океана. Изд. 2-е. Въ 2 ч. съ 107 рис. Ц. въ хромо-литогр. панѣхъ 3 р.
— Приключения трехъ русскихъ и трехъ англчанъ. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ВОЛКЪ. Эпизодъ изъ Варюломеевской ночи. Поэма для юношества. Съ англ. Съ рис. въ текстѣ. Ц. въ хромо. панѣхъ 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 2 р.
ГАУ, ДЖ. Милнера. Введеніе при изученіи читаемыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Пер. со 2-го фр. изданія В. Алексѣева. Съ примѣч. переводчика и рисунками. Ц. 1 р. 50 к.
ГЕЛЬВАЛЬДЪ, ФРИД. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со мно-жествомъ иллюстрацій. Мнѣніе это, заключающее въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара, иллюстрировано художникомъ Беллеръ-Дей-ци и геромъ: типы расъ, предметы ихъ домашнего быта, и пр. 2 большихъ тома, 1418 стр. Ц. въ изящн. пер. 12 р.
ГЕБЕРЪ, ОСКАРЪ. Ганзейцы (Die Brüder der Hanse). Истор. ром. Съ иллюстрац. Ц. 1 р.
ГЕКСЛИ. Введеніе въ науку. Ц. 30 к.
ГЕТЕ, его жизнь и избранныя стихотворенія.

2-е дополн. изд. Ц. 1 р., въ изящн. перепл. 1 р. 60 к.
ГЛИНКА, М. Записки и переписка его съ родными и друзьями. Ц. 3 р.
ГОМЕРЪ. Илиада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
НОМЕРИ ПЛАС. Pans I. C. I — XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pans II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
НОМЕРИ ODYSSEA. Pans I. C. I — XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
— Pans II. C. XIII — XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портре-томъ. Ц. 2 р. 50 к.
ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотвори-тельности. Пов. Ц. 1 р.
— Гуттаперчев. мальчиш. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемовъ. Ц. 1 р.
ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датск. народ. сказ. Ц. 1 р.
ГЮЙО, М. Воспитаніе и наследственность. Соціологическій взглядъ. Съ предисловіемъ и примѣч. переводч. (Education and heredity). Ц. 1 р. 50 к.
ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I. — Потемкинъ на Дунаѣ. Истор. романы. Ц. 1 р. 50 к.
— Блужна Тараканова. Историч. романъ. — Уманская рѣзня (Послѣд. Запорожцы). Историч. повесть. Ц. 1 р. 50 к.
— Мировичъ (1762 — 1764 г.). Истор. ром. Ц. 2 р.
— Сожженная Москва. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.
ДИКЕНСЪ, Ч. Лавка древностей. Романъ. Пер. съ англ. (Новая библиотека Суворина № 12 и 13). Ц. 1 р. 20 к.
ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика (Les rois en exil). Ром. Ц. 1 р. 50 к.
— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.
ДРУЖИНИНЪ, А. По-линька Саясъ. Пов. Ц. 50 к.

ДЮМА, Ал. Королева Марго. Романъ въ 6-ти частяхъ. (Новая библиотека Суворина № 1 и 2.) Книга 1-я, части: 1, 2 и 3. Книга II-я, части 4, 5 и 6. Ц. каждой книгѣ 60 к.
— Три мукшетера. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Новая библи. Суворина, № 3 и 4). Ц. каждой книгѣ 60 к.
ДЮТШКЕ. Олимпъ. Мисология древнихъ грековъ и римлянъ. Съ гравюр. и рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.
ЕЖОВЪ, НИК. Облака и другіе рассказы. Ц. 1 р.
ЕРШОВЪ, А. И. Севасто-польскія воспоминанія артиллерійскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди старого вѣка. Рассказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.
— Тяжелая память прошлаго. Расск. изъ дѣлъ Тайной канцелар. и друг. архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисун. Ц. 1 р., въ панѣхъ 1 р. 25 к.
ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.
— Сусальныя звѣзды. — Книга раздора. Ц. 1 р.
— Наши дам. Ц. 1 р. 50 к.
ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русскій Якобинецъ. Ром. изъ франц. револ. Ц. 1 р.
ЗАНДЪ, Ж. Пріемникъ (François le Champis). Романъ. Имящее изданіе на вел. бум. Ц. 60 к.
— Бѣсножь (La petite Fadette). Романъ. Имящее изданіе на вел. бум. Ц. 75 коп.
— Чертово болото. Имящее изданіе на вел. бум. Ц. 50 к.
ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якуиниъ). Тѣни прошлаго. Рассказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.
ИБСЕНЪ, Г. Привидѣнія (Gjengangere). Драма

въ 3-хъ дѣйств. (Перев. съ норвежск.). Ц. 60 к.

ИВАНОВЪ-БЛАС-СИКЪ. Веселый попутчикъ. Письма съ дороги, замѣтки налету, картинка изъ путежныхъ воспомин. и дорожныхъ пѣсн. Ц. 1 р.

ИЛЮСТРИРОВАНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ: Панномаера и Матте въ Парижѣ, Кезеберга и Ортеля въ Лейпцигѣ, Кюсса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубянинова, Рашевскаго, Шлипера и Вилкнера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшения художника Панава (Изд. распродан).

ИЛЮСТРИРОВАНАЯ ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ и «Ил. История Петра Вел.», и включаетъ въ себя до 800 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч. воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 8 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галерея. Собрание портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ биографіями. Фотогипси съ лучшихъ образцовъ. Выходяща выпусками, по 8 портр. въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р. Отдѣлы I-й и II распростран. Имѣются въ продажѣ отдѣлы III и IV. Писатели, художники и музыканты (101 портретъ съ указателемъ). Большой томъ въ календор. тисн. золотомъ переплетѣ 32 р.—Отдѣлы V и VI. Ученые, педаго-

ги, реформаторы и знаменитыя женщины (62 портрета). Большой томъ въ коллендор. тисн. золотомъ перепл. 22 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЕ рассказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Изд. 2-е, дополн. Ц. 1 р. 50 к.

ИШИМОВА, А. Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей. 8 части. Изд. 6-е, исправл. Ц. въ 3 ч. 3 р. 50 к.

КАЙГОРДОВЪ, Д. Собиратель грибовъ. Карманная книжка, содержащая описанія важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю раскраш. табл. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

— Изъ зеленого царства. Популярн. очерки изъ міра растений. Со многими рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

— Черная семья (Птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолит. табл. Ц. 25 к.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярн. очерки изъ міра русск. птицъ. 8 выпусковъ. Ц. кажд. вып. 75 к. Сброшюрован. въ 1 большой томъ въ издѣт. тисн. вол. и краск. пер. 7 р., на вел. бум. въ пер. 10 р.

— Вѣсѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснѣя съ е. (Хвойный лѣсъ). Со многими рис. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 1 р.

— О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 3-е. Ц. 20 к.

КАРАТЫГИНЪ, П. Лѣтописи петербургскихъ наводненій. 1703—1879 гг. Ц. 50 к.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Историческіе рассказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

— Забѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и дополн. издан. Ц. 2 р.

— Родовныя прозванія и титулы въ Россіи и сближеніе иновѣщцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

— Историческ. повѣсти. I. Перенолохъ въ Петербургѣ.—II. Лимонъ. Ц. 1 р.

— Забѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13-ю гравюрами. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ Г. Андерсона, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришлена и Захеръ-Махова. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КЕНИГЪ, Г. Карнавалъ короля Геронима. Историч. романъ. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказъ изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

КИНГСЛЕЙ, Ипатія или Новые враги подъ старой личиною. Ром. Пер. съ англ. (Нов. Библиотека Суворина №№ 8 и 9). Ц. 1 р. 20 к.

КЛЮЧЪ въ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Мерго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

БНАКФУСЪ, Рембрандтъ. Очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155 снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Пер. съ нѣм. Ц. 5 р.

БОЛОБОЛОВА, М. Письма матери къ матери. Ц. 40 к.

БРАМСКОЙ, И. Н. Его жизнь, переписка и художественно — критическія статьи 1887—1887. Съ факсимиле и 2 портретами. Ц. 3 р. 50 к.

КРЕНКЕ, В. О сельскомъ хозяйствѣ. 8-е исправл. и дополн. изданіе.

Выпускъ I, II, III, IV, V и VI. Ц. каждому 60 к.

КРЕНКЕ, В. О. Азбука для народа. школь. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКИЙ, В. СЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историч. нов. изъ временъ Императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКИЙ, В. (псевдонимъ). Собрание сочин. 5 больш. том. убористаго шрифта 2358 стр.

Съ биографіей и портретомъ автора. Ц. 15 руб.

— Обязанности. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло. — Два памятные дня. — Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искусненіе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Т. IV. Идеализмъ. — Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Неоконченная тетрадь. — Старый портретъ, новый оригиналъ. — Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько дѣлѣныхъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сценн: I. Утренній вистъ. — II. У жениха и невесты. — III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Издаи. 2-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ. въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старыя годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старыя годы. II. Кто-жь останеся доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старыя годы. III. Последнее дѣйств. комедія. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1881 (Анна Михайловна. — По слѣдъ потопа. — Здоровье. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРЕСТОВСКАЯ, М. В. I. Раннія грѣхи. Испытаніе. Ц. 1 р. 50 к.

— II. Внѣ жизни. — Уголки театральнаго мірка. Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ, В. Пыркинъ и Чепуркинъ. — Последняя жертва катастрофы. — Во время войны — дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный. — Гладкія вѣтки. — Первоначное состояніе. Ц. 1 р.

КРѢКЪ, Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Перев. съ англ. (Новая бібліотека Суворина, № 7). Ц. 60 коп.

ЛАУБЕ. Графиня Шатобрианъ. Ист. ром. Ц. 2 р.

ЛЕВБОВЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осмы. Наблюденія надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: „Муравьиные слѣды“. Съ рисунками въ текстъ и 5-ю хромолит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙКСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, государей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ и

вѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 1520 стр. текста и 105 стр. указателя. (Изданіе распродано).

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕРМИНА, Ж. Родильская заговорница. Историческій романъ. Ц. 1 р.

ЛѢСКОВЪ, Н. С. Собраніе сочиненій въ 10-ти томахъ. Ц. 25 р.

— То же, на вел. бум. Ц. 40 р.

— Связь о тульскомъ лѣвѣшѣ и о сталъной блохѣ (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЛѢСНАЯ волшебница (The Lady of the Forest). Повѣсть для юношества. Пер. съ англійск. Ц. 75 к.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированная исторія искусства. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 140 рис. и портретами композиторовъ XIX вѣка. 2-е дополненное изданіе. Перев. Ф. Булгакова, съ очеркомъ исторіи музыки М. Иванова. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Стратилатова. Ц. 60 к.

МАЙКОВЪ, Л. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы. XVII и XVIII столѣтія (Симеонъ Полоцкій. — Одна изъ русскихъ повѣстей Петровскаго времени. — Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго. — В. И. Майковъ. — Литературныя мелочи Евстаѣриннскаго времени. — Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики). Ц. 2 р. 50 к.

МАКСИМОВЪ, С. Крылатая слова. Ц. 8 р.
МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.
 — Трилистникъ. Ц. 30 к.
МАСАЛЬСКИЙ КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.
МАСЛОВЪ, А. Н. Завоеваніе Ахал-Теке. Изд. 2-е. Съ 2-ми портретами М. Скобелева и факсимиле, съ прил. „Материаловъ для біографіи М. Скобелева“. Ц. 1 р. 50 к.
МЕЙЕРЪ, К. Святой (Der. Heilige). Повѣсть. Переводъ съ нѣм. Ц. 75 к.
МЕРЕЖКОВСКИЙ. Символы. Пѣсни и поэмы. Ц. 1 р. 50 к.
МЕРИМЕ, П. Бароколевская ночь. Истор. ром. Ц. 1 р.
 — Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.
 — Жагерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ. (Новая бібліотека Суворина № 11). Ц. 60 к.
МИЛЮКОВЪ, А. П. Царская свадьба. Историческая пов. изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.
 — Литературныя встрѣчи и знакомства. Ц. 1 р.
 — Рассказы изъ обиднаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.
МЛЕКОПИТАЮЩИЯ въ описаніяхъ **КАРЛА ФОГТА** и картинкахъ **ШПЕХТА.** Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio, 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскошн. тиснен. золот. и краск. перекл. 23 р.
 — То же. **РОСКОШН. ИЗДАНИЕ** на велен. бум. Ц. 30 р., а въ роскош. тиснен. волот. и краск. перекл. 34 р., съ зол. обрѣзкомъ 35 р.
МОЛЬБЕРЪ. Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Переводъ въ стихахъ В. Лихачева (удостоенъ почетн. отзыва Имп. Академіи Наукъ). Изданіе

на веленевой бумагѣ. Ц. 50 к.
МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, рассказы и наброски. Ц. 60 к.
 — Между миромъ и прогрессомъ. Письма въ „Новое Время“ изъ Константинополя, Иамьда, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.
МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и Гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
 — Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.
МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостиняго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.
 — Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 30 коп.
НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ. Сочиненіе автора „Современной Россіи“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
НЕВЪДЪНСКИЙ, М. Н. Катковъ и его время. Ц. 3 р.
НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аeonъ). Очерки и впечатлѣнія. Ц. 80 к.
 — Годъ войны. Дневникъ рус. корреспондента (1877—78 г.). 2 т. Ц. 4 р.
 — Цари биржи. (Калово племя въ наши дни). Ром. Ц. 3 р.
 — Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Ц. 2 р.
НЕПЛУЕВЪ, Ив. Ив. Записки. (1693 — 1773). Новое полное изданіе съ примѣчаніями. Ц. 2 р.
 — ? — **ЖЕНЩИНАХЪ** мысли старья и новья. Издан. 8-е. Ц. 1 р. 60 к.
ОСТРОВСКИЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ, Н. Драматическія сочиненія: Счастливыя день. — Женитьба Вѣлугина. — На порогѣ въ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОСТРОВСКАЯ, Н. Разсказы для дѣтей, съ 10-ю рисунками. Ц. 2 р.
ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Слб. университета въ пользу нуждъ студ. и слухъ выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.
ОХОТА И ОХОТНИКИ. Рассказы Псковича. Ц. 2 р.
ПАЛЫМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
 — Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.
 — Гражданинъ. Сцены. Ц. 65 к.
ПАСЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ нѣскол. портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.
ПЕМЛИКО ДА САЛУЦ. ЦО. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальян. Съ 18 рис. Ц. 1 р.
ПЕРВАНОВУ, І. Андроникъ Коменъ. Разсказъ изъ Визант. ист. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.
ПЕШЕЛЬ, Оск. Народовѣдѣніе. Перев. подъ ред. Э. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Ц. 4 р.
ПИРЛИНГЪ, ПАВЕЛЬ. Россія и Востокъ (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). СПб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
ПИСЬМА графа П. Василія Лондонскаго Общества. — Внѣское Общество. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подсѣнникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.
 — Женщина въ XVIII вѣкѣ (по Гондурру). Ц. 80 к.
ПОЛЕВОЙ, ЕСЕН. М. В. Ломососовъ. 2 т. Ц. 2 р.
 — Записки. I т. 581 стр. Съ указателемъ личн. именъ и съ 2-ми пор. Ц. 3 р.
ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ.

Русская был XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОДЕЖАЕВЪ А. Стихотворенія, съ биогр. фическ. очеркомъ, портрет. в снимкахъ съ рукописей. Изд. подъ ред. П. А. Ефремова. Ц. 2 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. К. Москва въ родной поэзии. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ, и проч. Ц. 1 р. 35 к.

П.—Т. С. Къ царскому юбилею, 1855—1880. Собрание прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня

Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОТЪХИНЪ, А. После освобожденія. Рассказы изъ крестьянскаго быта. 3 тома. Ц. 4 р.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійск. Кн. I и II—ц. каждой 60 к. Кн. III—ц. 1 р.

ПРЕВО, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гри. Романъ (Новая библиотека Суворина, № 6). Ц. 60 коп.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ СЪВЕРЬ (Петербургъ.—С.-Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія.—Олоонецкая губ.—Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

— Вып. II. ЗАПАДЪ. (Прибалтійскія губ.—Свердловскія губ.—Привислянскія губ.—Царство Польское). Съ планами Варшавы, Вильны и Риги. Ц. 2 р.

ПУШКИНЪ, А. Бахчисарайскій фонтанъ. Роскошн.

изд., иллюстрир. худож. С. С. Солюмо. Ц. 3 р.

ПШЛЯЕВЪ, М. И. Старый Петербургъ. Вольшотомъ въ 471 стр. 86 рис. въ текстъ и 26 на отдельныхъ листахъ, и бытовыя сцены. Съ приложениемъ указателя личныи именъ и мѣстностей, зданий и проч. Ц. на веленев. бумагѣ 12 р.

— То же, удешевленное изданіе. Съ 122 грав. Ц. 3 р., въ перел. 4 р.

— Старая Москва. Эта книга составлена авторомъ по тому же плану, какъ и "Старый Петербургъ". Она будетъ включать въ себя 36 печ. листовъ большого формата и 132 иллюстраціи. Ц. большого тома 9 р.

— Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Ц. 4 р., въ пер. 5 р.

— Старое житье. Очерки и рассказы о бытѣхъ въ отшедшее время быдакъ, обичаяхъ и порядкахъ въ устройствѣ домашней и общественной жизни. Ц. 2 р.

— Драгоценные камни, ихъ свойства, мѣсто нахождения и употребленіе. 3-е, значительно дополненное изд. Ц. 2 р. 50 к.

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ, собранные Эккерманномъ. Переводъ съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Ч. I и II. Ц. каждой по 1 р. 50 к.

РИШЕ, III. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физиология. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОСТОПЧИНСКІЯ афиши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземпляровъ. Ц. 3 р.

РУММЕЛЬ, В. и ГОЛУБЦОВЪ, В. Родословный сборникъ русск. дво-

рянскихъ фамилій. 7 большихъ тома. Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ. Собрание портретовъ замѣательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ биографіями (фотогиптиши съ лучшихъ оригиналовъ). Галерея эта выходила всего въ количествѣ 500 экз., по мѣрѣ изготовления портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата. Ц. каждому выпуску 2 р. Вышло 19 выпусковъ. Полный экземпляръ въ роскошномъ переплетѣ 42 р., съ пер. 45 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ, изд. А. С. Суворина на 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

САЙМЪ Т., ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛЛАСЪ (графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— На Москвѣ. Историческій ром. изъ временъ чумы 1771 г. Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Уста. Поволжская былъ. Ц. 2 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

— Миллионъ. Историч. романъ. Ц. 1 р.

— Графъ Тятинъ-Валтійскій. Историч. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и рассказы русскаго актера (1860—1878). Изящное изд. на цвѣт. бум. Ц. 2 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Русское народное черновикшіе.—Русскія народныя игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

— То же. Народный дневникъ.—Праздники и обичаи. Ц. 75 к.

СЕНТСВЕРИ, Д. Братская история французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечата изъ Поэтыра съ мѣсяцесловомъ), переюженія стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украш. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, Б. А. Новые путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 25 к.

— У скандинавовъ въ фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Вельгій. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е, исправл. и доп. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Н. Я. На порогахъ въ дѣбу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СОЛОГУБЪ, В. (графъ) Тарангасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

— Воспоминанія. Съ портретомъ. Ц. 1 р. 50 к.

СТЕРНЪ. Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Перев. съ англ. Изящное изданіе на велен. бум. Ц. 75 к.

СТИВЕНСОНЪ, Р. Д. Клубъ самоубійцъ. Рассказъ. Ц. 50 к.

— Странная исторія доктора Джинкиа и мистера Хайда (Strange Case of Jekyll and Mr Hyde). Ц. 50 к.

— Принцъ Отто. Повѣсть Prince Otto by В. L. Stevenson. Ц. 1 р.

— Черная стрѣла. Повѣсть для юношества времени войны Алой и Вѣлой Розы. Пер. съ англ. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. С. Въ концѣ вѣка. Любовь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. С. Та-буль. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медя. Драма въ 4 дѣйств. въ стих. и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

СУВОРИНЪ, А. А. Палестина. Роскошное изданіе. (Рисунки А. Кившино и В. Навозова). Составитъ изъ 30 выпусковъ. Кажд. вып. заключ. въ себѣ полтора листа текста и 6—8 рисунковъ. Ц. по подпискѣ 35 руб.

СУХОМЛИНОВЪ, М. И. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Введеніе. — Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. — А. Н. Радищевъ. Ц. 3 р.

— То же. Томъ II. И. И. Новиковъ, авторъ истор. словаря о русскихъ писателяхъ. — Приложение: указатель авторовъ, помѣщенныхъ въ словарь Новикова 1772 г. — Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I. — Приложенія. Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина. Полемическія статьи Пушкина. — Появленіе въ печати сочиненій Гоголя. — Князь П. А. Вяземскій. — Н. А. Полевой и его журналъ „Московский Телеграфъ“. — Три повѣсти Павлова. — Снятіе опалы съ славянофиловъ. — И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ. Ц. 8 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТАТИЩЕВЪ. Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣ-

дованія и полемическія статьи. Ц. 4 р.

ТВЭНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ). Принцъ и Ницци. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ., съ 109 рис. Ц. 2 р.

— Приключенія Финна. Съ 172 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Цѣна въ громомотогр. папкѣ 8 р.

— Американскіе рассказы. Пер. съ англ. Ц. 50 к.

ТРИРГОВЪ, В. Общана и податъ. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

ТРУБАЧЕВЪ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). Ц. 2 р.

ТЬЕРРИ, О. Местъ карбонариевъ. Ром. изъ врем. второй Имперіи. Ц. 1 р.

УСПЕНСКІЙ, Н. Рассказы. Ц. 1 р.

УЭЛКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Пер. съ англ. примѣч. М. Стратилатова. Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФАРРАРЪ, Св. Иоаннъ Златоустъ. Пер. съ англ. Большой форматъ на велен. бум. 1 р.

— Св. Василій Великій. Пер. съ англ. Ц. 15 коп.

— На расветѣ христіанства. Истор. ром. изъ временъ Нерона. Ц. въ издани кол. пер. 2 р. 75 к.

ФЕДОРОВЪ, Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ картою. Ц. 75 к.

ФЮРЕНТИНИ, И. Изабелла Орскія, герцогиня Браччано. Истор. ром. Съ 28 грав. Ц. 1 р. 50 к.

ФЛАММАРИОНЪ, Урація. Путешествіе въ небесныя пространства. Изящное изданіе на велен. бум. Ц. 75 к.

ФЛОРИНСКІЙ, В. М. Домашняя медицинъ. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изд. 5-е, испр. Ц. 3 р. 50 к.

ФРАНСЪ, Ал. Александрийская куртизанка. Романъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Ц. 50 к.

ФРЕНЦЕЛЬ. Въ золотомъ вѣкѣ. Ист. р. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Ф. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилова. Съ 6-ю кар. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ императрицы Анны Иоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука Ииса. Задачникъ по алгебрѣ и геом. съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЦОВЪ, И. И. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ русскихъ и почтовыхъ учреждений отъ древнихъ временъ до царствования Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточн. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисун. Ц. 4 р.

ЧЕРМНЪЙ, А. Н. Море и Моряки. (Морскіе очерки). Изд. 2-е, дополненное. Ц. 1 р.

ЧЕРНИГОВЕЦЪ, Ф. В. Стихотворенія. Ц. 2 р.

ЧЕРЧЪ, А. Двѣ тысячи хѣтъ назадъ, или приключеніе молодого римлянина. Пер. съ англ. Съ рис. Ц. въ извѣст. кол. переп. 2 р. 75 к.

ЧЕХОВЪ, Ан. Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Рассказы. Счастье. — Тифъ. — Ванька. — Свирыль. — Перекати-поле. —

Задача. — Стенъ. — Тinea. — Тайный соглядатиль. — Письмо. — Поцѣлуй. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

— Хмурые люди, рассказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Пестрые рассказы. Изд. 3-е, исправл. Ц. 1 р.

— Дуэль. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 1 р. На вел. бум. 2 р.

— Каштанка. Рассказъ съ иллюстр. изд. 2-е. Ц. 50 к.

въ извѣст. переп. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

ЧУЙКО, В. В. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Съ 33 грав. Ц. 5 р.

ЧЮМИНА, О. Михайлова. Стихотворенія. 1884—1888. Ц. 1 р. 50 к.

ШАПКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШИЛДЕРЪ, его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 33 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ извѣст. переплетѣ 2 р. 10 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основн. морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 2 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Изд. 3-е, дополн. Ц. 2 р.

— То же. Томъ II, съ портретомъ А. Шопенгауэра. 1892. Ц. 1 р. 75 к.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I. Маіора. — Легкія средства. — Кручина. — Фофанъ. — Прахомъ пошло! Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библиограф. указ. Ц. 2 р.

ШТИНДЕ, В. Госпожа Бухгольцъ на Востокѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р.

ЩЕГЛОВЪ, И. Дачный мужъ, его похождения, наблюденія и разочарованіе. — Въ горахъ Кавказа. Картины минеральныхъ правозъ. Ц. 1 р.

— Кордема. — Миньона. — Петербургская идиллія. — Команый актеръ. — Миръ праху. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЭБЕРСЪ. Дочь Египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шаняръ. Съ рис. Ц. въ переплетѣ 2 р.

ЭЛИОТЪ, ДЖОРЖЪ. Романа. Истор. ром. Извѣст. изд. на вел. бум. Ц. 1 р.

ЭЛЬШЕ. Каледонск. извѣ области теоретическаго и прикладнаго знанія. Изд. 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р.

— То же. 2-я серия. Ц. 1 р. 20 к.

— Обходная рецептура. Ц. 1 р. 50 к.

— То же. Вторая серия. Ц. 1 р. 75 к.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, А. Н. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣн. въ немъ фосфоритовъ. (Сборникъ сельско-хозяйственн. стат. 1872—1888. Ц. 2 р.)

ЯКОВЛЕВЪ, П. (И. Я. Палловскій). Очерки совр. Испаніи 1884—1885. Ц. 3 р.

— Маленькіе люди съ большимъ горемъ. Рассказы. Ц. 1 р.

ЯКОВЛЕВА, Н. В. Туда и обратно. Изъ заграничной поѣздки. Ц. 1 р. 25 к.

ЮЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго быка. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Ц. 1 р.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА СУВОРИНА

60 КОП. КАЖДЫЙ ТОМЪ 60 КОП.

1. ДЮМА, Ал. Королева Марго. Романъ въ 6-ти частяхъ. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мушкетера. Романъ. Книга I-я.

4. То же. Книга II.

5. ВАЛЬЗАЕВЪ, Шагреневая кожа. Романъ.

6. ПРЕВО, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриё. Романъ.

7. КРЭВЪ, А. Д. Эмилий. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при

Деція и Валерік. Перев. съ англ.

8. ЧАРЛЬСА КИНГ-СЛЕЯ. Ипатія или новые враги под старолычикою. Ром. Томъ 1-й.

9. То же. Томъ II-й.

10. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Орасть. Романъ.

11. МЕРИМЕ П. Жако-

ріа. Сцены изъ феодаальныхъ временъ.

12 и 13. ДИККЕНСЪ, Ч. Лавка древностей. Романъ.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

При выпискѣ книги „Дешевой Библиотекы“ можно обозначать, вмѣсто названія книги, номеръ, подъ которымъ она здѣсь обозначена.

1. ГРИВОДОВЪ, А. С. Горѣ отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 10-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

2. ФОНЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Въ 5 д. II. Недоросль. Въ 5 д. Съ биограф. и портретомъ автора и объяснительными словами. Изд. 6-е. Ц. 15 к.

3. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Изд. 5-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 коп.

4. МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія исторіи. Съ очеркомъ жизни обоихъ повтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 20 к.

5. НАРЪЖНЫЙ. Бурсакъ. Ром. Изд. 3-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к., на вел. бум. 65 к.

6. ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портр. и биограф. М. В. Ломоносова. Изд. 2-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

7. К С А В Ъ Е - д е - м е с т р ѣ, Параша-Сибирячка. Расказъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

8. АНЕДОТЫ и остроумныя изреченія, выбрания изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. 4-е изд. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

9. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти.

Кн. 1-я (Авдотья Лихончича. — Бувецъ Капуцтинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

10. — То же. Кн. 2-я. (I. Сказаніе о снимѣхъ и зеленемъ сумкѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя П. О. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

11. — То же. Кн. 3-я. Повументы. — Новый годъ. Съ травурой: Солдаты Петровскаго врем. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. б. 30 к.

12. ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

13. ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

14. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 4-я. Чернышевскій миръ. — Останъ и Ульяна. — Старый хланъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к., на вел. бум. 30 к.

15. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Великій кн. Дмитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 30 к.

16. КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Ком. въ 5 д. Съ портр. и биограф. автора.

Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

17. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Феодора Іоанновича (Правленіе Вориса Годунова. — Убленіе царевны Дмитрія. — Стоянніе Россіи въ концѣ XVI в.). Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

18. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 5-я (Запорожцы. Историч. быль времени Екатерины Великой). Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

19. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Аммадъ-Бекъ, Кавказъ. Быль. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

20. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Боржса Феодоровича и Ледмитрія. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

21. МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Страшное гаданіе. — Два вечера на бигуахъ. — Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

22. — Мулла - Нуръ. Быль. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

23. — Расказъ офицера, бывшаго вѣдуну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

24. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

25. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

26. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Оляга. — Замокъ Эйзевъ. — Шахъ Гуссейвъ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

27. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Судаальскомъ князѣ Симеонѣ. Историч. пов. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 35 к.

28. БОХАНОВСКАЯ. Кирья Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 коп., въ папкѣ 33 к.

29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

30. — Старина. Семейная память. Пов. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к.

32. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Навѣды. Повѣсть 1813 г. — Измѣнникъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

33. КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Повѣсти. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ Панъ Савва. — Староста Меланья). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

34 и 35. ДИККЕНСЪ, Ч. Оливьеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 80 к.

36. ДАНИЛЕВСКИЙ, Г. П. Историческ. рассказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Дибирѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

37. — Украинскія сказки. 8-е изд. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

38. ВОГДАНОВИЧЪ, И. Думьска. Древн. пов. въ

волян. стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

39. ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., вариантами по другимъ переводамъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к., на вел. бум. 50 к.

40. ПОГОРЕЛЬСКИЙ, А. Монастыря. Ром. въ 3-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

41. СОЛОГУБЪ, В. А. графъ. Повѣсти и рассказы. Кн. I. Антекарша. — Метель. — Неоконченныя повѣсти. Съ портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

42. — То же. Кн. II. Исторія двухъ валошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Изд. 2. Ц. 25 к.

43. — То же. Кн. III. Большой свѣтъ. — Медвѣдъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к. Три книги въ одномъ переплетѣ 1 р.

44. ШЕКСПИРЪ, В. Король Лиръ. Траг. въ 5-ти дѣйств. Перев. А. В. Дружинина. Съ предисл. и замѣчан. о трагедіи и о характер. ея Кольриджа, Шлегеля, Вокнилла, Джемсонъ, Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

45 и 46. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисунок. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

47. ШЕКСПИРЪ, В. Отелло, венеціан. мавръ. Тр. въ 5 д. Перев. П. И. Вейнберга. Съ предисловіемъ и мнѣніями о характерахъ трагедіи Ферривалла, Джонсона, Кольриджа, Шлегеля, Грейссага, Рюмелина, Мезьера. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

48. ДЕЛЪВИГЪ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к., на вел. бум. 40 к.

49. ОЗЕРОВЪ, В. Эдннъ въ Аоніахъ. Траг. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ съ хорами. — Дмитрій Донской. Тр. въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

50. ЛЪСКОВЪ, Н. Пов. и рассказы. Кн. I. Скопорохъ Памфалонъ. — Спасеніе погнб. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

51. — Кн. II. Очарованный странникъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 40 к.

52. АВЛЕСИМОВЪ, А. О. Медвѣжь колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ перепл. 23 к.

53. ШЕКСПИРЪ, В. „Макбетъ“. Траг. въ 5 д. Пер. А. Кронеберга. Съ предислос. и мнѣніями о „Макбетѣ“ Кольриджа, Галлама, Найта, Генча, Мезьера, Рюмелина. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папк. 33 к., въ перепл. 45 к., на вел. бум. 50 к.

54. ДАНИЛЕВСКИЙ, Г. П. Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка. — Тянь прахѣда. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

55. — То же. Кн. II. Дѣдовъ хѣсъ. — Бабушкинъ рай. Ц. 15 к. за обѣ книги, въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.

56. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Духовидецъ. Пер. М. Коршъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

58. ЛЬБОВА, А. Марина Минюкъ. Историч. повнъ въ 5 д. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.

57. ЛЪСКОВЪ, Н. С. Повѣсти. Кн. III. Запечатланный ангелъ. Ц. 20

к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

58. ШЕКСПИРЪ, В. Король Ричардъ III. Др. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Съ предисловіемъ и примѣч. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

59. МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Кумъ Иванъ. Исторія быль. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

60. ДОСТОВЕСНЫЙ, Ф. Вѣдныя люди. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

61. ШИЛЛЕРЪ, Ф. Марія Стюартъ. Тр. въ 5 д. Перев. А. Шишкова. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

62. ДМИТРИЕВЪ, И. Сказки, басни и анологіи. Съ портр. и биограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

63. ФЛОБЕРЪ, Г. Саламбо. Ром. Ц. 40 к., въ папкѣ 45 к., въ пер. 60 к.

64. ПОГОРЕЛСКИЙ, А. Черная курица или подземные жители. Волшебная пов. для дѣтей Ц. 5 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 25 к.

66. ЛЬСКОВЪ, Н. С. Котигъ-Донлецъ. Пов. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

67. ПОЛЕВОЙ, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. — Параша Сибирячка. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

68. ЭЗОПЪ. Избранныя басни. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

69. ЛЬСКОВЪ, Н. С. Старые годы въ селѣ Плодомосовѣ. Три очерка. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

70. КВИТКО — ОСНОВЬЯНЕНКО, Гр. Ф. Панъ Халевскій. Ц. за 2 части 60 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

71. ВЪЖЕЦКИЙ, А. Н. Сраженіе. — Разсрѣзали-

ный. — Нарочный. — Испытаніе вольонтеровъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

72. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

72. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

73. ЛЬСКОВЪ, Н. С. Инженеры — Безсребреники. Изъ исторіи о трехъ праведникахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

74. МАРЛИНСКИЙ, А. (А. А. Вестужевъ). Деятельнѣйшій — Вѣловскій. Ц. 15 коп., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

76. — Латинскъ. Разск. партизанскаго офицера. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

76. ЧХОВЪ, Ан. Дѣтвора. Ванька. — Событіе. — Бухарка женится. — Вѣглець. — Дома. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

77. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

77. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

78. ДАВЫДОВЪ, Д. В. Стихотворенія. Съ биогр. и портр. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

79. КОЗЛОВЪ, И. Три поэмы. Чернецъ. — Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ биограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

80. ВАЙРОНЪ, хордъ. Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

81. ЕВРИПИДЪ, Медея. Траг. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

82. КОТЛЯРЕВСКИЙ, И. П. Москва — Чаринскъ. Малорос. опера въ 1 д. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталья Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ д. Изд. 2-е. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., пер. 27 к.

84. — Енеида, переключенная на малорос. языкъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

85. БОМАРШЕ, П. Севильскій Цирюльникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Перев. А. Чудинава. Съ биограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ п. 35 к.

86. ДОЛГОРУКАЯ, Н. В., княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

87. ПОХОДЪ Аргонавтовъ. Древнія греческія сказанія. Съ рис. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

88. БОМАРШЕ, П. Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5 д. (1784). Пер. А. Чудинава. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

89. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

90. ШЕКСПИРЪ, В. Бюриоланъ. Траг. въ 5 д. Перев. А. Дружинина. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ перепл. 45 к.

91. ОДОЕВСКИЙ, Ф. В. князь. Сказки и расказы дѣдушки Иринея. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

92. КАРАМЗИНЪ, Н. М. Исторія государства Россійскаго. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

93. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

99. **ЕВРИПИДЪ**, Гипполитъ. Траг. Съ греч. перев. В. Алексѣева. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 30 к.

100. **ЛАМАРТИНЪ**, А. Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

101. **ЕВРИПИДЪ**, Ифигенія въ Авлидѣ. Др. Съ греческ. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 13 к., въ перепл. 30 к.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Др. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и примѣч. Ц. 20 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

103. **ЭСХИЛЪ**, Пріеклованный Прометей. Перев. съ греч., съ введ. и примѣч. В. Алексѣева. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

104. **МОЛЬЕРЪ**, Школа зель. Ком. въ 5 д. Перев. въ стихахъ. В. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

105. **ЕКАТЕРИНА II**, императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разговоры. — II. Гражданское начальное учение. — III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. — IV. Записки. — V. Сказка о царевичѣ Феѣѣ. — VI. Инстру-

ція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

106. — То же. Кн. II. Внѣли и небывлицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

107. — То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О время! — Г-жа Вѣстникова съ семьєю. — Передняя азиатскаго боярина. — Горькобогатырь Косометовичъ. — Новгородскій богатырь Боеславичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

109. **ТЕРПИГОРЕВЪ**, С. Н. (АТАВА). Рассказы, I. Въ раю. II. — Аверьянъ Мижгевъ и его жильцы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

110. **ОДЮВСКІЙ**, В. Ѡ. Повѣсти. Кн. I. Бригадиръ. — Валъ. — Насмѣшка мертвеца. — Послѣдній квартетъ Бетховена. — Импробизаторъ. — Себастьянъ Вахъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

111. — Кн. II. Книжница Мими. — Книжка Зиза. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.

112. — Кн. III. Саламандра. — Эльза. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

113. Герои и Герония греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

114. **ГЕТЕ**, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. Н. Холодковскаго. Изданіе, исправленное переводчицомъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

115. **МОЛЬЕРЪ**, Скупоѣ. Комедія въ пяти актахъ. Переводъ В. С. Лихачева. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

116. **НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО**, В. И. Лѣтомъ и зимою на Шибѣѣ. 1877—1878. (Изъ воспоминаній военнаго корреспондента). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

123. **ПУШКИНЪ** А. С. Поэмы и сказки. Съ прил.

біографіи А. С. Пушкина, портр. его и рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

124. — Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портр. и рисунк. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

125. — Стихотворенія. Съ примѣчаніями въ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Ч. I. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

126. — То же. Съ примѣчаніями въ нимъ и двумя рисунками. Ч. II. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

127. — Евгений Онегинъ. Съ дополненіями и вариантами. Ц. 15 к.

128. — Повѣсти (Повѣсти Вѣликина. — Дубровскій. — Капитанская дочка. — Пиковая дама. — Кирджали. — Арапъ Петра Великаго. — Исторія села Горохина. — Рославлевъ. — Египетскія ночи). Ц. 15 к.

129. — Исторія Пугачевскаго бунта. — Путешествіе въ Эрзурумъ. Ц. 15 к.

130. — Письма въ разнымъ лицамъ. — Письма въ женѣ. Ц. 15 к.

131. — Дневникъ. — Записки. — Историч. статьи и разныя замѣтки. Ц. 15 к.

132. — Лицейскія стихотвор. и ноты. Ц. 15 к.

133. **ЛЕРМОНТОВЪ**, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

134. — „Маскарадъ“, драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и „Маскарадъ“, драма въ 5-ти д., въ стих. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

135. — Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.

136. — Поэмы „Мцыри“ и „Демонъ“. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к.

137. — Кавказскія поэмы. Ц. 15 к.

138. — Поэмы. „Вояринъ Орма“ и „Казначейша“. „Литвинка“, „Ангелъ Смерти“, „Исповѣдь“, „Азраилъ“, „Корсаръ“, „Джуду“. Ц. 10 к.

139. — Выбранныя южеская стихотворенія. Съ портретами. Ц. 12 к.
140. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Чертова болото. Ц. 15 к.
145. БАЙРОНЪ. Сардапалъ. Трагедія. Ц. 20 к.
146. БУРЕНИНЪ, В. Палникъ Византія. Драма въ 4-хъ дѣйств. Ц. 15 к.
141. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. I. Въ пустыняхъ. — II. Затеряныя въ океанѣ — III. Въ такой и мирной пристани. (Жизнь и природа у океана). Ц. 20 к.
163. ВО ДНИ ОНЫ (Вентъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства (Ven-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 45 к.
154. ДИККЕНСЪ. Ч. Давидъ Коферфильдъ Младшій. Его жизнь, приключенія, опыты и наблюденія. Часть. I. Ц. 25 к.
155. — То же, часть II. Ц. 35 к.
156. — То же, часть III. Ц. 25 к.
157. — То же, часть IV. Ц. 10 к.
158. ПЛУТАРХЪ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Выпускъ 1-й. Тезей и Ромулъ. Ц. 15 к.
159. — То же. Т. I. Выпускъ 2-й. Ликургъ и Нума Помпилий. Ц. 15 к.
160. — То же. Т. I. Вып. третій. Солонъ и Валерій Попликола. Ц. 15 к.
161. — То же. Т. II. Вып. первый. Семистоклъ и Камиллъ. Ц. 15 к.
162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Периклъ и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.
163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алексѣядъ и Еориоланъ. Ц. 15 к.
164. — То же. Т. III. Вып. I. Тимолеонтъ в Павелъ Эмилій. Ц. 15 к.
165. — То же. Т. III

Вып. 2. Пелонидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.
166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристыдъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к.
167. — То же. Томъ IV. Вып. I-й. Филодемонъ и Титъ Фламиніанъ. Ц. 15 к.
168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. Ц. 15 к.
169. — То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Ливандръ и Сулла. Ц. 15 к.
170. — То же. Т. V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.
171. — То же. Т. V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 коп.
172. — То же. Т. V. Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. Ц. 15 к.
213. Е П И К Т Е Т Ъ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ нѣск. главъ изъ его "Размышленій". Ц. 7 к.
214. ФАРРАРЪ, Ф. Святой Іоаннъ Златоустъ. Перев. съ англ. Ц. 15 к.
215. ГАГГАРДЪ, РАЙ-ДЕРЪ. Коки царя Соломона. Повѣсть. Перев. съ англ. Ц. 80 к.
216. СОФОКЛЪ. Электра. Трагедія. Пер. съ греч. Ц. 12 коп.
217. ШЕКСПИРЪ, В. Ромео и Юлія. Трагедія. Переводъ П. А. Кускова. Ц. 25 к.
218. ЕВРИПИДЪ. Іонъ. Тр. Пер. съ греч. Ц. 10 к.
219. — Алкестя. Драма. Перев. съ греч. Ц. 10 к.
220. — Вакханки. Трагедія. Пер. съ греч. Ц. 10 к.
221. — Неистовый Гераклъ. Трагедія съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к.
222. КОРНЕЛЬ. Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к.
223. ЮГО, В. Последній день осужденнаго. Ц. 12 коп.
224. МОЛЬЕРЪ. Донъ-Жуанъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Пер. съ франц. Ц. 15 к.

225. БАЛЬЗАКЪ. Отецъ семейства. (Père Goriot). Романъ. Перев. съ франц. Ц. 35 к.
226. ТРЕСКИНЪ. Сѣверный край Европейской Россіи и его промысли. Ц. 10 к.
227. ТБЕРРИ. Рассказы изъ времени Меровинговъ. Перев. съ франц. Ц. 35 к.
228. ФАРРАРЪ, Ф. Св. Василій Великій. Пер. съ англ. Ц. 15 к.
229. — Св. Григорій Богословъ. П. съ англ. 15 к.
230. ЭЛЮТЪ, ДЖ. Романъ. Историч. р. Ц. 25 к.
231. ФЛАММАРИОНЪ, К. Уранія. Путешествіе въ небесныя пространства. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
232. АНДРОНИКЪ КОМНЕНЪ. Повѣсть изъ византійской исторіи. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.
233. МОЛЬЕРЪ. Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ, въ стихахъ. (Переводъ удостоенъ почетн. ордена Имп. Академіи Наукъ). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
234. БЕРНАРДЕНЪ де СЕНЪ ПЬЕРЪ. Павелъ и Виргинія. Переводъ съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
235. ЖОРЖЪ ЗАНДЪ. Бѣснонокъ. Ром. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.
236. — Приемныя. Романъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 35 к.
237. ДРЕВНІЯ РОССІЙСКІЯ стихотворенія, собранныя Кириемъ Даниловымъ. Ц. 30 к. въ папкѣ 38 к., въ перепл. 50 к.
238. СТЭРНЪ. Сентиментальное путешествие по Франціи и Италіи. Ц. 20 к.
КОЛЬЦОВЪ, А. В. Стихотворенія. Съ біографіею, портретомъ и рисункомъ

памятника. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ наящ. перепл. 30 к.

ПУШКИНЪ, А. С. Собрание сочин. въ 10-ти т.

(болѣе 4,100 стр.) Съ биогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавити. и хронологич.

указ. ко всѣмъ его прозв. Изданіе 3-е. Ц. за 10 том. 1 р. 50 к., въ наящномъ перепл. 3 р. 50 к. въ папкѣ 2 р. 30 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ, папки по 8 коп.

Изданія, купленные книжнымъ магазиномъ „Новаго Времени“ и находящіяся на складѣ:

ДАРВИНИЗМЪ Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ I. Части 1-я и 2-я. Съ 7 таблицами рисунковъ и чертежей и съ 15-ю приложениями. Ц. 7 р. 50 к.

— То же. Томъ II-й (Одна посмертная глава). Съ портретами и указателемъ ко всему сочиненію Ц. 3 р.

ЭТЮДЫ В. Θ. КОРША (Последній романъ въ жизни Лассаля. — Судьбы Прусской монархіи отъ Фридриха V. до Іенскаго погрома. — Родъ Мирабо. Очеркъ культурной жизни 18-го вѣка. — Вольтеръ, его жизнь и сочиненія. — Нѣмецкая камелія. — Восточная война въ 50-хъ годахъ. — Ремесленные союзы въ Англіи). Съ биографическимъ очеркомъ В. Θ. Корша, написаннымъ П. Морозовымъ. Большой т., 587 стр. Ц. 3 р.

Гербертъ Спенсеръ. ВОСПИТАНІЕ умственное, нравственное и физическое. Пер. съ англ. Е. Сысоевой. Изд. 3-е. Ц. 85 к.

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в.:

I. ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, Анна и Виллиамъ Монсъ. 1692—1724. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Ц. 2 р. 50 к.

II. СЛОВО И ДѢЛО 1700—1725. Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамальтонъ. — Петръ I, какъ юмористъ. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное. Ц. 2 р.

ПЕРЕПИСКА БЕНЕДИКТА де-СПИНОЗЫ, съ приложеніемъ Жизнеописанія Спинозы Г. Коллеруса. Перев. съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ подъ редакціей и съ примѣчаніями А. Д. Волынскаго. Съ портретоми и факсимиле Спинозы. Ц. 6 руб.

НОРДЕЛИЯ. — Миньона. — Петербургская идиллія. — Кожаный ак-

теръ. — Проводы. — Маръ праху. Ивана Щеглова. Сиб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Военные очерки. Первое сраженіе. — Неудачный герой. — Поручикъ Поспѣловъ. — Жареный гвоздь. — Идиллія. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Дачный шумъ. Его похождения, наблюденія и разочарованія. Въ **ГОРАХЪ НАВНАЗА**. Картинки минеральныхъ нравовъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Гордѣвъ узелъ. Романъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій мыслитель. Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній о немъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II-й, III и IV-й. Ц. въ папкѣ каждаго выпуска 1 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Б. М. Маркевича. 11 т. Ц. 15 р.

Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе С. Геденова. Ц. за 2 части 4 р.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. БАТЮШКОВА. Со статью о жизни и сочиненіяхъ К. Н., написанною Л. Майковимъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. Сатовымъ. 3 большихъ тома. Ц. 15 руб.

ТРИЛОГІЯ П. К. БОМАРШЕ. („Севильскій цирюльникъ“. — „Женитба Фигаро“. — „Преступная мать“). Съ характеристикой поэта, составленной А. И. Веселовскимъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

НОВЫЯ ВѢЯНІЯ. Литературные портреты и критическіе очерки Георга Брандеса. Съ автобіографіей Брандеса и его характеристикой. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА въ Петербургѣ. М. Е. Салтыкова (Шедрина). Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОМПАДУРЫ и ПОМПАДУРШИ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
САТИРЫ въ прозѣ. Его же. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ. Картины нравовъ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НЕВИННЫЕ РАЗСНАЗЫ. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВЪ СРЕДѢ УМѢРЕННОСТИ и актуальности. Его же. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЦАРСТВО СКАЗОНЪ. Кармелъ Силъва. (Елизаветы, королевы Руминской). Пер. съ нѣм. Съ портр. и факсимиле автора и рисун. Ц. 2 р.

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА. Вып. I. Воскресный отдыхъ и его значеніе для здоровья. Д-ра П. Нимейера. 40 к.
ГРЯДУЩЕЕ РАБСТВО. Герберта Спенсера. Пер. съ англ. Ц. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ НЯЗЯ Д. ГОЛИЦЫНА (Муравлина):

Теноръ. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
Рубин. Ц. 1 р. 75 к.
Нязья. Повѣсть и другіе повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
Около любви. Ц. 2 р.
Хворъ. Ц. 1 р. 50 к.
Мрамъ. Ц. 1 р. 75 к.
Баба. Ц. 1 р. 50 к.
Не убій! Ц. 75 к.

МАЛЮТКИ ПРОКАЗНИКИ. Проказы гномовъ. Большой альбомъ для дѣтей въ папѣ, съ 30-ю роскошн. хромо-литограф. рисунками, съ текстомъ въ стихахъ. 3-е изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

„СТОГЛАВЪ“ Иллюстрированный календарь на 1892 годъ со многими рисунками, картой желѣзныхъ дорогъ и отдѣльной хромо-литографіей въ 17 краскахъ съ картинъ ак. А. Д. Кившенко: „Военный совѣтъ въ подмошной деревнѣ Фляхъ (1812 г.)“.
СОДЕРЖАНІЕ АЛЬМАНАХА: Лѣтопись 1891—92 г. — Некрологъ 1891—92 г. (съ 16 портретами). — А. В. Кольцовъ (съ портретомъ). — Военный совѣтъ въ Фляхъ 1812 г. (съ картинъ Кившенко). — Колумбъ и открытіе Америки (съ 7 рисунками). — Важнѣйшія изобрѣтенія XIX вѣка. —

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ (съ 20 рисунками). — Хомера и предохранительныя штры противъ нея. — Домоводство. — **ОТДѢЛЬНЫЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ:** Великія иконы Божіей Матери (Почаевская, Дубенская и Успенская Мстиславова собора). — Гравированный портретъ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича. — „Молись объ урожаяхъ“, Гофмана. — Савонарола проповѣдуетъ противъ роскоши, Лангенмантеля. — Въ тѣсннцахъ Дарьяла, Кондратенко. — Выходъ Хюнингенскаго гарнизона 20-го августа 1815 г., Детала. — Сцена на дорогѣ, Ковалевскаго. — Овцы, Розы Вонперъ. — Св. Троица, Рубенса. — На полѣ битвы, Фризе. — Пенсіонеръ, Вицмана. Цѣна 35 к.

СОЦІАЛИЗМЪ НАКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВО. И. Тэна. Пер. съ англ. Ц. 50 к.
ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ, Луи Блана. Перев. подъ ред. М. Антоновича. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к.

ПРОДАЮТСЯ ПО ПОНИЖЕННОЙ ЦѢНѢ:

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакцію и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. Это изданіе состоитъ изъ семи томовъ. Т. I. Лирическія стихотворенія (1812—1825). Т. II. Лирическія стихотворенія (1826—1836). — Поэмы (1820—1824). Т. III. Поэмы и драматическія произведенія (1825—1823). Т. IV. Романы, повѣсти, сцены, отрывки изъ повѣстей и неоконченныя рассказы. Путешествіе (1827—1835). Т. V. Критическія, біографическія, полемическія и историческія статьи и замѣтки. Дневникъ (1816—1837). Т. VI. Исторія Пугачевского бунта. Историческіе матеріалы (1832—1836). Т. VII. Письма (1816—1837) — Съ портретами А. С. Пушкина, дополненными бібліографическими примѣчаніями и указателемъ именъ предметовъ. Выбoto 6 рублей **ЗА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ**, съ пересылкой 6 р. При этомъ допускается рассрочка платежа по 1 р. При вносѣ каждаго рубля выдается по одному тому, при вносѣ же послѣдняго 4-го рубля выдаются послѣдніе томы. Цѣна въ переплетѣ съ черными тисненіемъ 6 р. 50 коп., съ золотымъ тисненіемъ 7 руб. Гг. иногородные на пересылку прилагаютъ 2 р.

A000002167862